

ЛЮДВИК ЕЖИ КЕРН

*Фердинанд
Великолепный*

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

ПЕРЕВЁЛ С ПОЛЬСКОГО
СВЯТОСЛАВ СВЯЦКИЙ

Рисунки М. Скобелева

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1974

И (Пол)

К 36

Ludwik Jerzy Kern
FERDYNAND WSPANIAŁY
Warszawa 1963
ZBUDŹ SIĘ FERDYNANDZIE
Warszawa 1965

Дорогие ребята!

Эта книга познакомит вас с творчеством известного польского писателя, поэта и прозаика Людвика Ежи Керна.

Многие из вас, наверное, читали его книгу «Послушай-ка, слон!», уже издававшуюся в нашем издательстве. Мы будем рады, если и эта книга и её весёлый герой, пёс Фердинанд, которого очень любят польские дети, вам тоже понравятся.

К $\frac{70802-039}{M 101(03) 74}$ 503—73

© Перевод на русский язык. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 19

Фердинанд Великолепный

I

Во вторник, после обеда, Фердинанд, по старой привычке, забрался на диван. В одном месте диван был продавлен. Фердинанд как раз помещался в этой вмятине. Лежать на диване доставляло ему огромное удовольствие.

В доме в эту пору дня происходили интереснейшие вещи. На кухне во время купания пускались в разговор кастрюли и тарелки, то и дело в их беседу вмешивались ложки, ножи, вилки. Кто не разбирается, тот может подумать, будто они просто побрякивают да позвякивают, но

Фердинанд из их разговоров понимал почти всё. Вот жареная зашипела на вилку:

— Пересстанешшь ты наконец колотья?..

Сковородка в отчаянии кричала:

— Где мой муж — сковородник?

В соседней комнате хозяин допивал чай, а хозяйка рассказывала хозяину о нём, о Фердинанде. Фердинанд, дескать, то, Фердинанд, дескать, сё,— разные интимные истории из его жизни. Иногда такое приятно послушать. Но не всегда.

Потом послышался шорох газеты, скрип отодвинутого стула и шаги хозяина, которые звучали всё громче и громче. Когда они раздаются над самым ухом, это означает, что надо чуть-чуть подвинуться и уступить хоть немного места хозяину. Он тоже любит этот старый диван, вот только ложась на него, он вечно вытягивается во весь свой рост, вместо того чтобы уютно свернуться калачиком.

— Подвинься, Фердинанд! — говорит хозяин, подталкивая Фердинанда газетой. — Ну ещё чуть-чуть подвинься. Если ты этого не сделаешь, мне придётся лечь на пол. И ты себя будешь чувствовать неловко.

Ни за что на свете Фердинанд не позволит, чтоб хозяин лёг на пол. Фердинанд чуть-чуть отодвигается, и хозяин ложится рядом.

И тут же из внутренностей дивана начинают подавать голоса пружины:

Дрим!..

Гьям!..

Бряк!..

И через минуту вновь, стоит только хозяину шевельнуться:

Гьям!..

Бряк!..

Дрим!..

Надо ли говорить, что и язык пружин Фердинанд понимал великолепно. Иногда он даже пускался с ними в рассуждения. Это была самая диковинная беседа из всех, какие только можно себе представить.

Как правило, хозяин мгновенно засыпал, газета выпадала у него из рук и нередко оказывалась под самым носом Фердинанда. Волей-неволей Фердинанд принимался читать. Вы, конечно, представляете себе, как это происходит: читать у вас нет никакой охоты, но кто-то подsunул вам газету, ну хотя бы в трамвае, и вы машинально пробегаете глазами строку за строкой. Точно так же случилось с Фердинандом.

Поскольку дело происходило во вторник, хозяин читал газету, вышедшую во вторник. Газеты, как мы знаем, делятся на те, которые выходят

в понедельник,

во вторник,

в среду,

в четверг,

в пятницу,

в субботу

и в воскресенье.

Те, которые выходят в воскресенье, толще остальных.

«Может, они толще потому, что в воскресенье хозяин дольше лежит на диване?» — подумал Фердинанд.

Итак, я уже сказал, газета вышла во вторник, и Фердинанд против воли принялся её читать. Сперва он прочёл, что идёт в кино. Газета была сложена таким образом, что под носом у Фердинанда оказалась как раз последняя страница, на которой всякая уважающая себя газета печатает репертуар кинотеатров. Потом Фердинанд прочёл, какие аптеки сегодня дежурят. Потом — что идёт в театрах. Потом — прогноз погоды на завтра. Узнал, в котором часу восходит и заходит солнце и какая больница принимает сегодня ночью тех, кто обьестся за ужином или случайно проглотит пуговицу. Прочитав всё это, Фердинанд громко вздохнул и глубоко задумался...

Думал он так, думал, и вдруг хозяин издал лёгкое, едва уловимое: «Хррр!» Фердинанд наострил уши и через минуту услышал снова: «Хррр!» — на этот раз громче. Сомнений быть не могло — хозяин желал поговорить с Фердинандом. И Фердинанд тут же самым что ни на есть

вежливейшим образом ответил хозяину: «Вррр!» Хозяин: на это: «Хррр!» А Фердинанд опять: «Вррр!» Хозяин: «Хррр!» Фердинанд: «Вррр!» Так они и разговаривали:

— Хррр!

— Вррр!

— Хррр!

— Вррр!

— Хррр!

Неожиданно хозяин повернулся на бок и прервал этот интересный разговор.

Фердинанд снова принялся читать газету с самого начала. Но он всё уже знал, и газета быстро ему надоела. Сощуриив глаза, Фердинанд принялся рассматривать ноги хозяина.

«Где только эти ноги не побывали! — думал про себя Фердинанд. — Таким ногам хорошо. Идут куда хотят. Куда бы ни забрели, никто не крикнет: «К ногe!» Им всё можно».

Фердинанд ещё больше прищурил глаза.

«А что, если... — пришло ему в голову, — а что, если встать с дивана, подойти к дверям в прихожей, выйти на лестницу и попробовать встать на собственные ноги. На две собственные ногѣ!»

«Фердинанд, — воскликнул он про себя, — ты великолепен!»

Он слез осторожно с дивана, стараясь не разбудить хозяина и задремавших в глубине матраца пружин, и тихохонько-тихохонько прокрался в прихожую. Увы, двери были заперты.

Но счастливый случай, который всегда сопутствует великим начинаниям, который помогает мореплавателям открывать материки, а полководцам выигрывать проигранные сражения, — счастливый случай — путеводная звезда отважных — помог на этот раз и Фердинанду.

Он стоял, печально понуриив голову, у дверей, совершенно уверенный в том, что ничего не получится, как вдруг на лестнице послышались знакомые шаги. Это был почтальон.

«Эх, принёс бы он письмо хозяину или хозяйке!..» — вздохнул Фердинанд.

Раздалось постукивание карандашиком в дверь. Почти сразу появилась хозяйка, открыла дверь, и тогда Фердинанд проскользнул украдкой между ногами почтальона, словно под триумфальной аркой, в просторы огромного мира.

Почтальон и хозяйка были так поглощены делом, что ничего не заметили. Хозяйка захлопнула дверь, почтальон стал подниматься выше. Фердинанд остался на площадке один. Наступил решающий момент.

«Впервые в жизни, — подумал Фердинанд, — я сойду с лестницы как полагается. Я взволнован, я по-настоящему взволнован!»

Фердинанд встал на задние лапы, переднюю лапу положил на перила и так, шаг за шагом, не спеша сошёл вниз.

Всё получилось складно, удивительно складно. Правда, с третьего этажа на второй он спускался ещё с робостью новичка, зато со второго на первый сходил, как бывалый, уверенный в своих силах завсегдатай самых шикарных лестниц и парадных.

На первом этаже он принялся даже насвистывать. И с этим свистом, который как нельзя лучше подчёркивал его природное обаяние, вышел на залитую солнцем людную улицу.

Был он тут, разумеется, не впервые. Но сегодня он смотрел на всё другими глазами. Раньше он бежал, опустив нос к земле. И при этом — неизвестно во имя чего — упускал возможность увидеть самое интересное. Теперь он шёл, величественно подняв голову, и, уж конечно, видел не меньше, чем видит хозяин и хозяйка, когда выходят на прогулку. Он видел высокие дома, деревья, которые, как он теперь выяснил, состоят не только из ствола, но и из пышной кроны, видел фонари с матовыми шарами и голубое небо, по которому плывут курчавые облака.

По улице двигались трамваи, автобусы и автомобили, по тротуарам шли пешеходы. Одно только озадачило Фер-

динанда: ему показалось, что кое-кто из прохожих с любопытством косит на него глаза. Тогда он остановился возле цветочного магазина, где рядом с дверьми висело большое зеркало, и оглядел себя со всех сторон.

— Агааа!:. — сказал он. — Всё ясно. Мне надо немедленно идти к портному.

II

Портных в городе было много. Кого же выбрать? У Фердинанда в таких делах опыта не было. Ещё ни разу в жизни он не шил себе костюма. Задрав голову, Фердинанд двинулся по улице, читая вывески. Наконец возле каких-то ворот он заметил скромную табличку:

**ПОРТНОВСКАЯ МАСТЕРСКАЯ
ВЫСШЕЙ КАТЕГОРИИ**

М. Догг

— По крайней мере, хоть фамилия человеческая, — пробурчал Фердинанд. — Только почему она так странно написана? Впрочем, кто знает, может, так и лучше. Что ни говори, а два «г» в конце выглядят внушительно. Может, и мне стоит прибавить буковку... Например, «Фердинандд», или «Феррдинанд», или «Феердинанд», или «Ффердинанд», или «Фердиинанд», или «Фердинаннд», или вообще «Ффееррддииннаанндд». Надо попробовать написать на бумаге, — решил Фердинанд, — посмотрим, как это будет выглядеть. С налёту не решишь. Когда будет время, обязательно займусь этим.

Фердинанд вошёл в ворота, отыскал вход в мастерскую, по старой привычке, обнюхал дверь и нажал на звонок.

«Главное, — соображал он, — сказать «здравствуйте». Если мне удастся сказать «здравствуйте», дальше всё пойдёт как по маслу». Фердинанд был уверен, что язык его не подведёт, но всё же на сердце было беспокойно.

Дверь открыл сам мастер Догг. При виде Фердинанда,

стоявшего в небрежной позе, опершись о косяк, портной сдвинул очки со лба на нос.

Вопросительный взгляд портного заставил Фердинанда заговорить.

— Здравствуй-те, — произнёс он медленно, но с достоинством.

— Здравствуйте, — машинально ответил портной. Он всегда отвечал «здравствуйтее», когда с ним здоровались.

— Мне хоте-лось бы за-ка-зать у вас ко-стюм, — сказал Фердинанд.

— Вы хотите заказать костюм для себя? — осведомился портной.

— Ра-зу-ме-ет-ся, — ответил Фердинанд. — Се-год-ня по-лу-чил-ся со мной стран-ный случай. Я вы-шел из до-му без ко-стю-ма, а воз-вра-щать-ся не хо-чет-ся. . .

— У меня работы выше головы. Неужели всё бросить?

— Сде-лай-те э-то, по-жа-луй-ста, для меня! — воскликнул Фердинанд и заглянул преданными собачьими глазами в усталые глаза портного. Тут он заметил, что слова стали свободнее сходить у него с языка.

Взгляд Фердинанда растрогал портного. Он распахнул дверь и сказал:

— Прошу вас, пройдите, пожалуйста, в салон.

Ещё ни один клиент не производил на него такого хорошего впечатления. От одного взгляда Фердинанда он стал податлив, как воск. Догг указал Фердинанду на мягкое кресло, а сам стал поодаль, нервно теребя концы висящего на шее сантиметра.

— Какой вы хотите заказать костюм? — спросил он почтительно.

— Красивый, — ни секунды не колеблясь, ответил Фердинанд.

— Понимаю, — поспешно подхватил Догг. — А из какого материала?

— Из красивого, — вновь без запинки ответил Фердинанд.

— Какой вы предпочитаете покрой?

— Красивый.

- Какую мы сделаем жилетку?
- Красивую.
- А брюки?
- Красивые.
- А отвороты на пиджаке?
- Красивые.
- Какие манжеты дадим на брюки?
- Красивые.
- А подкладку?
- Красивую.

Мастер был в восторге. Впервые в жизни он встретил заказчика, который так хорошо знал, что ему нужно.

— С величайшим удовольствием я сошью вам костюм! — воскликнул он. — Сейчас сниму мерку. Пожалуйста, встаньте, не горбитесь.

Фердинанд встал, Догг тщательно измерил его сантиметром. Кончив, он подвинул своему заказчику кресло.

— Вот здесь на столе газеты и журналы. Посмотрите их, пожалуйста, а я пока раскрою материал. Через десять минут примерка будет готова.

Догг вышел в мастерскую, а Фердинанд принялся не спеша перелистывать журналы. Мысль о том, что скоро у него будет собственный, сшитый по заказу костюм, не давала ему покоя. Рассеянным взглядом пробегал он страницы с фотографиями. В другое время они бы его заинтересовали, но сейчас... Что могло идти в сравнение с костюмом? С настоящим костюмом, сшитым у настоящего портного!

Не прошло и десяти минут, как мастер появился опять.

— Не угодно ли сделать примерку? — спросил он.

Кто в силах отказаться от примерки? Так приятно надеть на себя новую вещь!.. Фердинанд стал перед зеркалом, мастер помог ему надеть на себя то, что он принёс. Это не был ещё пиджак, но это не была уже просто материя. Это была оболочка, которую должен был наполнить собой Фердинанд. Оболочка была приспособлена для Фердинанда. Он, Фердинанд, решит, какую окончательную форму примет эта оболочка.

— Брюки мерить не будем, — с решительностью заявил Догг. — Мой брючный мастер никогда не ошибается.

Фердинанд был на седьмом небе от счастья.

— Совершенно справедливо, — согласился он, — зачем мерить брюки...

— Недурно, недурно, — ворчал себе под нос Догг, скалывая пиджак. Рот у него был набит булавками, поэтому говорил он, цедя слова сквозь зубы. — Здесь немножко убавим, здесь отпустим, и всё будет в порядке. Под мышками не жмёт?

— Чуть-чуть!

— Минуточку.

— Аууууууу! — взвыл от боли Фердинанд.

— О, я вас очень прошу, пожалуйста, извините! Ужасно плохие булавки... Вам очень больно?

Фердинанд улыбнулся краешком губ, что должно было означать: конечно, больно, но боль уже проходит. Какое, впрочем, значение могла иметь какая-то боль сейчас, когда рядом, в двух шагах, шевелилось в зеркале его отражение! Хотя пиджак был наскоро смётан и прихвачен булавками, выглядел он восхитительно. Фердинанд не узнавал себя.

«Я это или не я?» — задавал он себе вопрос.

А вслух сказал:

— Даже в таком виде, собственно говоря, я мог бы уже выйти на улицу.

— Ни за что на свете! — категорически возразил Догг. — Вы ещё увидите, как всё получится, когда мы кончим работу. Наберитесь терпения, дорогой мой... дорогой мой...

— Фердинанд, — подсказал Фердинанд.

— Ах вот как! — воскликнул мастер Догг и сделал несколько шагов в сторону. — Прекрасное имя! — добавил он с восхищением. — Наберитесь терпения, дорогой Фердинанд, я постараюсь кончить как можно скорее.

С этими словами он снял с Фердинанда пиджак и исчез в дверях мастерской.

Прошло в самом деле не так уж много времени.

Фердинанд не успел и двух раз пройтись по салону, двух раз выглянуть из окна, двух раз зевнуть от нервного возбуждения, как мастер Догг появился с готовым костюмом.

Фердинанд отправился за ширму. Когда он вышел оттуда, Догг в восхищении потёр руки.

— Фердинанд, — воскликнул он, — вы выглядите как бог!

Фердинанд взглянул в зеркало и обмер. Можно было, конечно, предположить, что всё получится очень и очень неплохо, но кто бы мог подумать, что это будет просто великолепно? Фердинанд посмотрел долгим взглядом мастеру в глаза и сказал:

— Я себе очень нравлюсь, мастер Догг. — И, помедлив, добавил: — Догг, вы — король портных.

Портной был тронут.

— Если вы не возражаете, позвольте, я дам вам совет, — шепнул он, наклонившись к левому уху Фердинанда. — К этому костюму больше всего подойдёт рубашка в полоску.

— А ведь правда, — воскликнул оторопевший Фердинанд, — я совсем забыл о рубашке!

— К полосатой рубашке я бы предложил полосатый галстук, — нашёптывал мастер.

— Да, да, галстук тоже должен быть с полосками, — согласился Фердинанд.

— Что касается шляпы, то больше всего вам подойдёт... по-моему... котелок.

— Знаете, я сам подумал о том же!

— Не мешало бы также... — и тут Догг снова понизил голос до шёпота, — не мешало бы также подумать и о ботиночках.

— Разумеется, как это раньше не пришло мне в голову!..

— Если позволите, я сейчас позвоню в магазин, и мне мигом всё пришлют.

— Дело в том... — неуверенным голосом начал Фердинанд.

— Не трудитесь, — прервал его портной, — я знаю, что

вы хотите сказать. Вы хотите сказать, что у вас нет при себе денег. Не страшно. Не в них дело. Ваше приятное обхождение, ваше восхищение доставляет больше радости, чем самая крупная сумма денег. Давайте не будем к этому возвращаться. Фердинанд, вы великолепны.

С большим трудом Фердинанду удалось овладеть собой. Он всё-таки не завизжал от радости и не завилял хвостом. С присутствием ему обаянием он подал мастеру Доггу лапу.

III

По самой красивой улице города шёл прохожий в безукоризненно сшитом костюме. Время от времени он останавливался у витрин. Все смотрели на него с восхищением, а он шёл и приятно улыбался. При этом обнажались его ослепительно белые зубы, обнажались они ровно настолько, насколько это было необходимо. Дойдя до конца улицы, он перешёл на другую сторону и зашагал в противоположном направлении. Лёгкий, изящный, счастливый. Это был Фердинанд.

Уже пятый или шестой раз проходил он всё по той же улице. Да это и неудивительно. Если ты впервые в жизни надел на себя новенький костюм, то нет ничего удивительного в том, что тебе хочется ходить и ходить в нём по самой красивой улице города. Но самая красивая улица, как бы она ни была длинна, где-то всё же кончается. Обнаружив это, Фердинанд оказался перед выбором: свернуть ему в боковую улочку или же повернуть обратно и пройти ещё раз тот же путь. Он выбрал второе. Таким образом он снова дошёл до конца самой красивой улицы. Опять ему не захотелось сворачивать в переулок, и поэтому он пошёл обратно. Это повторил он ещё раз. И ещё раз. Теперь он шёл по этой улице в пятый или шестой раз.

На первый взгляд может показаться, что это очень просто — ходить взад и вперёд. Но я с этим не согласен — Фердинанду это стоило немалых усилий. Подумайте только, какие искушения подстерегали его на каждом шагу! Во-первых, вдоль улицы были высажены деревья, да ещё

по обеим сторонам; во-вторых, через каждые двадцать метров стоял фонарь; в-третьих — и это было самое страшное! — то и дело, откуда ни возьмись, перебежали улицу кошки. Когда первая кошка, выскочив из ворот, бросилась прямо под ноги Фердинанду, он почувствовал, что с ним что-то происходит. Он хотел было кинуться за кошкой и только величайшим усилием воли заставил себя сдержаться. Чтоб немного успокоиться, он постоял с минуту возле оклеенного афишами газетного киоска.

Заметив это, цветочница, которая продавала возле киоска цветы, сказала продавщице, которая сидела в киоске:

— Вы только посмотрите, как люди суеверны! Кошка ему дорогу перебежала, и он уже ни шагу, делает вид, будто читает оперную афишу.

«Это про меня, — подумал Фердинанд. — Ну если б не костюм, я б этой кошке показал!»

Он даже был несколько озадачен, что его сочли суеверным.

— Должен вам сказать, — заметил он, обращаясь к цветочнице, — это вы напрасно. Что касается кошек, то я совсем не суеверен.

— Эх, уважаемый, так говорит каждый, — ответила цветочница, — а стоит кошке дорогу перебежать, как прохожий останавливается, делает три шага назад или же поворачивается через левое плечо, чтоб снять кошачье заклятье.

— Вы, кажется, мне не верите, но я сказал правду. Я не то что пятиться от кошек, я готов целый день за ними гоняться.

— Вот как? — с недоверием проговорила цветочница. — Вы что-то не похожи на бегуна.

— А на кого же я похож? — поинтересовался Фердинанд.

— На франта, который от скуки прохаживается по улице. Пани Бискупская, — обратилась она к продавщице в киоске, — ну скажите, разве он не великолепен?

Продавщица высунулась наружу, оглядела Фердинанда с головы до ног и, кивнув головой, сказала:

— А знаете, пани Трибульская, вы правы! Он действительно великолепен!

Фердинанд моментально снял котелок и сказал растроганным голосом:

— Спасибо за доброе слово, от всего сердца благодарю вас, до свиданья!

— Минуточку! — воскликнула цветочница. — Люблю вежливость. Не откажите принять на память. — Она достала из жестяного, наполненного водой ведёрочка розовую гвоздику и вдела Фердинанду в петлицу.

С гвоздикой на отвороте пиджака Фердинанд отправился дальше, а цветочница и газетчица, глядя ему вслед, приговаривали:

— Великолепен, честное слово, великолепен!

Потом ещё несколько кошек перебежали Фердинанду дорогу, но каждая следующая производила на него всё меньшее и меньшее впечатление. Фердинанд понял, что в отношении кошек он закалён. Даже если на пути появится их целая стая, даже если он встретится нос к носу с самым знаменитым котом на свете, легендарным Золотым Котом, о котором, когда он плохо вёл себя в детстве, рассказывала ему мама, — даже тогда он хладнокровно продефилирует мимо и не унижит себя рычанием.

«Если и дальше так пойдёт, — подумал Фердинанд, — то кончится тем, что я сперва полюблю кошек, потом не смогу жить без них, ну, а потом сам стану их разводить. Кто знает, может, стоит завести в своём доме собственную кошку? — размышлял Фердинанд, вышагивая уже неизвестно который раз по самой красивой улице. — В любой момент можно её погладить. Когда кошку погладишь, она мурлычет. Наверно, это очень приятно, услышать «муррррр» по первому же требованию. Что и говорить, кошка — порядочное животное. Сидит себе дома, не бегаёт по улице зря, а что касается чистоплотности, тут она для многих может послужить примером».

— Не худо бы завести собственную кошку, — произнёс вслух Фердинанд.

Если бы существовал такой магазин, Фердинанд немед-

ленно зашёл бы туда и попросил, чтоб ему отпустили ту кошку, которая ему приглянулась. Не исключено, что он купил бы сразу двух кошек, потому что кошка, как известно, в одиночестве скучает. Кроме того, две кошки в доме выглядят куда солиднее, чем одна.

«Придётся, конечно, их как-то назвать. Когда выдастся свободная минута, я придумаю два красивых имени для своих кошек, — решил Фердинанд. — Это должны быть какие-нибудь редкие имена. Что-то я проголодался...»

Действительно, с утра у Фердинанда во рту не было ни крошки. К тому же давала о себе знать усталость. Он уже привык к ходьбе на задних лапах, но это оказалось делом гораздо более утомительным в сравнении с его прежним способом передвижения. Раньше он мог пробежать по такой улице раз двадцать в оба конца, не ощутив усталости. Разве что высунул бы язык, вот и всё. А теперь? Нельзя и сравнивать: неторопливая элегантная походка требует гораздо больших усилий, чем передвижение на четвереньках. На первый взгляд это может показаться неправдоподобным, но это так, и тут уж ничего не поделаешь.

На самой красивой улице было много столовых и ресторанов, где люди могли утолить голод. Каждый выбирал себе ту столовую или ресторан, которые соответствовали его вкусу. Фердинанд снова был озадачен. Куда идти? В этом трудном положении он решил воспользоваться старым, испытанным способом — искать по нюху.

Возле ближайшего ресторана Фердинанд втянул носом воздух, потом сделал резкий выдох, потом опять втянул в себя воздух. Вместе с воздухом в нос попали запахи ресторанной кухни.

— О нет, сюда мы не пойдём, — проворчал Фердинанд. — Сюда ни за что на свете! Я чую щи. С детства не переносу щей. Спасибо тебе, дорогой нос, за предупреждение.

И Фердинанд отправился дальше. Возле следующего ресторана он снова остановился, сделал несколько глубоких вдохов, подумал и заявил:

— Сюда тоже не пойдём! Кажется, повар в этом ресто-

ране считает подгоревшую кашу большим лакомством. Я вообще каши не терплю, а подгорелой тем более. Чудесный мой нос, благодарю тебя от всего сердца.

Неторопливой походкой удалялся Фердинанд от дверей ресторанов, о которых у него складывалось нелестное впечатление, и как ни в чём не бывало шагал дальше.

Наконец ему показалось, что поиски увенчались успехом. Запах жареной говядины так увлёк Фердинанда, что он готов был уже нажать на дверную ручку и перешагнуть порог, но, внюхавшись повнимательней, он обнаружил, что к запаху говядины примешивается ещё запах рассольника.

Рассольник... С ним связаны тяжёлые воспоминания!.. Однажды он нечаянно вылил целую тарелку рассольника на ковёр. Да, это верно, он положил тогда лапы на стол. Но вовсе не из-за рассольника, а из-за сосиски, которая лежала рядом. Подбираясь к сосиске, он толкнул, к несчастью, проклятую тарелку с рассольником. Сосиска осталась на столе, а суп оказался на ковре. Тарелка тотчас покончила с собой. Перед смертью успела только вскрикнуть «бряк», и её не стало. Суп в отчаянии разлился по ковру. Хозяин не пожелал слушать оправданий Фердинанда и обошёлся с ним круто. Пожалуй, даже не скажешь, что было очень больно, но с тех пор при одном только запахе рассольника Фердинанда прошибает пот.

— Говядина говядиной, — сказал сам себе Фердинанд, — а рассольник рассольником. Меня не проведёшь. Слава тебе, мой нос, что ты обнаружил опасность. Я бы тебя с удовольствием расцеловал, да вот только не дотянешься.

Нос Фердинанда безусловно стоил похвалы. Не прошло и минуты, как он доказал это, обнаружив среди парящих на улице запахов покоряющий своей красотой, пока ещё еле уловимый, неподражаемый запах отварного мяса. Это было любимое лакомство Фердинанда. Он сосредоточился, выяснил, с какой стороны идёт запах, и сказал:

— Нос мой, веди!

Повторять дважды не пришлось. Нос тоже очень про-

голодался. Они двинулись вперёд. Запах с каждой секундой становился всё сильнее. Нос перешёл на другую сторону улицы, следом за ним и Фердинанд. Они остановились перед большой стеклянной дверью. Не было сомнений: запах исходил оттуда. Они были на месте. Фердинанд невольно запрокинул голову. Над дверью светились огромные неоновые буквы: «КАК У МАМЫ».

— Лучшего нам не найти, — сказал Фердинанд носу.

— Что там написано? — спросил нос.

— Верно, я и забыл: ты же неграмотный! — воскликнул Фердинанд. — Там написано: «Как у мамы».

Нос даже чихнул от удовольствия.

— Прекрасная надпись, Фердинанд, войдём!

Фердинанд поправил гвоздику в петличке, важно выпятил грудь и, пропустив вперёд себя нос, через большие стеклянные двери вошёл в ресторан.

IV

Почти все столики были заняты. Фердинанд долго ходил по залу в поисках места. Никто не обращал на него внимания. Каждый смотрел в свою тарелку. Между столиками бесшумно скользили официанты в чёрных костюмах, разнося на серебряных подносах кушанья. Фердинанду здесь очень понравилось.

Возле стены он заметил свободный столик. Размеренным шагом приблизился к нему Фердинанд, отодвинул слегка стул и, поборов в себе искушение вскочить на него всеми четырьмя лапами, уселся как ни в чём не бывало на сиденье.

Фердинанд огляделся. За соседним столиком сидел мужчина и в ожидании заказа читал вечернюю газету. Поодаль целая семья — отец, мать и трое детей — уплетали вкусно пахнущие оладьи с вишнёвым вареньем. Рядом с ними занимали столик две дамы, которые лакомились жареным цыплёнком, а в углу, слева от Фердинанда, какая-то женщина в зелёной шляпе, поедая рубец, время от времени отщипывала небольшие куски от ломтика белого

хлеба и бросала их под стол, накрытый длинной, свисающей едва ли не до самого пола скатертью. Фердинанда это очень заинтересовало.

— Что вам угодно? — раздался голос над самым его ухом.

Фердинанд поднял глаза и увидел застывшего в полупоклоне официанта. Он понравился Фердинанду с первого взгляда.

— Мне хотелось бы пообедать. Есть у вас какие-нибудь вкусные вещи?

— Ну разумеется! Вот меню. Будьте добры выбрать. — И официант протянул Фердинанду длинный перечень блюд, которые подавали в этот день в ресторане «Как у мамы».

У Фердинанда даже сердце забилось от радости. «Что вам угодно, будьте добры...» Нет! Никто ещё не говорил так, обращаясь к нему.

«Надо с этим обходительным человеком быть как можно вежливее», — решил Фердинанд и сказал:

— Будьте так добры и любезны, принесите мне, пожалуйста, отварное мясо.

— Несу. Будьте добры подождать, — ответил с поклоном официант.

— С удовольствием подожду, — кивнул головой Фердинанд.

Официант ушёл, а Фердинандом овладело раздумье.

Очнулся он только тогда, когда услышал сердитый голос за соседним столиком.

— Что вы принесли? — кричал пожилой мужчина. — Разве это мясо! Одни кости!

Фердинанд искоса бросил взгляд на тарелку пожилого мужчины. Действительно, на тарелке мяса было немного, зато там лежали великолепные кости, какие могут, пожалуй, только присниться. Рядом, виновато понурив голову, стоял официант, тот самый, который так понравился Фердинанду. Ему стало жаль официанта. Он встал и подошёл к соседнему столику.

— Если вы не возражаете, — сказал Фердинанд, — я

съем это. Я тоже заказал себе отварное мясо, надеюсь, моя порция придётся вам по вкусу...

— Вы с ума сошли! — заорал пожилой мужчина. — Кости глотать собираетесь?

— Обо мне, пожалуйста, не беспокойтесь, — ответил Фердинанд.

— Да вы посмотрите хорошенько: ведь тут одни кости!

— Не страшно. Я люблю кости.

— Кости?

— Кости.

— Такие?!

— Такие.

— Такие, как здесь? — повторил с недоверием свой вопрос мужчина.

— Именно такие.

— Но ведь вы их не разгрызёте.

— Это, знаете ли, дело привычки, — ответил Фердинанд. — Если ты привык с малых лет...

— Не хотите ли вы сказать, — прервал его пожилой мужчина, — что вас в детстве кормили костями?

— Первую кость я получил, когда мне исполнилось пять месяцев, но до этого мне уже несколько раз удавалось лакомиться ими тайком.

Пожилой мужчина внимательно посмотрел на Фердинанда.

— И вы это помните?

— О, есть вещи, которые не забываются! — ответил Фердинанд с сентиментальной ноткой в голосе.

— И вы действительно намерены их съесть? — удивлённо воскликнул мужчина и ткнул пальцем в тарелку.

— Сейчас увидите, — ответил Фердинанд. — Будьте так добры, — обратился он к официанту, — переставьте, пожалуйста, эту тарелку на мой столик, а сюда принесите мою порцию.

— К чему это? — прервал его мужчина. — Не проще ли вам пересесть ко мне? Конечно, если вы не имеете ничего против.

Пожилой мужчина встал и протянул Фердинанду руку.

— Меня зовут Радио. Августин Радио. Фамилия, как видите, смешная. Нередко знакомые ради шутки задают мне вопрос: «Что слышно, Радио?» А я тоже ради шутки отвечаю: «Новостей нет, меня сегодня выключили».

— Приятно познакомиться, — ответил Фердинанд. — Меня зовут Фердинанд. Я с удовольствием пересяду за ваш столик.

Официант, слушавший с почтением этот разговор, опрометью бросился на кухню и вскоре появился с новой порцией мяса. Он поставил тарелку перед соседом Фердинанда, а Фердинанду придвинул тарелку соседа.

— Мне, право, досадно, — сказал Радио, принимаясь за еду. — Я ем вашу порцию, а вам предстоит мучиться с этими костями.

— Не беспокойтесь. Я справлюсь раньше вас.

— Вряд ли.

— Начинаем! — воскликнул Фердинанд. — Раз, два, три!

Фердинанд схватил самую большую кость, зажал ее в зубах и раскусил. Раздался хруст, треск, сосед успел только крикнуть: «Берегите зубы, Фердинанд!» — а кости уже как не бывало. Потом то же самое произошло с костью, которая была поменьше. Самую маленькую Фердинанд приберёт на десерт.

Августин Радио только смотрел, вытаращив глаза, и качал головой. Рядом за столиком все бросили еду. Такого в ресторане «Как у мамы» не бывало с момента его основания.

Отец детей, уплетавших олады с вишнёвым вареньем, сказал, указывая на Фердинанда:

— Вот, дети, берите с него пример! Вот как нужно есть. Эх вы, олады не можете толком разжевать, а он вот кости перегрызает. Bravo! Bravo! — крикнул отец семейства. — Хлопайте в ладоши, дети.

Дамы, которые ели цыплёнка, взглядели сперва на Фердинанда, а потом с беспокойством покосились на груды косточек на своих тарелках. «Может, теперь надо есть по-другому? — подумали они. — Может, это новая мода?..

Может, полагается съесть всё без остатка?... И обе незаметно взяли в руку по косточке, чтобы выяснить, не удасться ли им откусить хотя бы по кусочку.

Но больше всех была потрясена женщина в зелёной шляпке, та самая, которая ела рубец и бросала то и дело куски булки под стол.

— Крокодильчик, ну-ка выгляни, Крокодильчик! — крикнула она, отгибая скатерть. — Выгляни, выгляни... Тебе станет стыдно, когда ты увидишь. Я тебе булку отщипываю по кусочку, а вон там человек кости перекусывает, как вафли. Посмотри, Крокодильчик, посмотри!..

При этих словах она потянула за поводок. Из-под стола показался чёрный карликовый пинчер. Хозяйка взяла его на руки и подняла вверх, как родители поднимают детей, когда на параде проезжает генерал.

— Крокодильчик, посмотри. Видишь вон того человека в новом красивом костюме? Это, верно, какая-нибудь выдающаяся личность.

Пинчер захихикал ежидно своим тоненьким голоском. Фердинанд навострил уши. Ему хотелось твякнуть в ответ, но он сдержался. Вместо этого он сказал:

— Какая прелестная собачка! — и бросил ей третью, самую маленькую косточку, ту, которую оставил себе на десерт.

К сожалению, Крокодильчик был раззявой и не сумел поймать её, когда она пролетала возле самого его носа.

— На этот раз не вышло, — сказал Фердинанд. — Сейчас я тебе покажу, как это делается. Пусть кто-нибудь из присутствующих бросит мне какой-нибудь предмет.

Женщина в зелёной шляпке бросила Фердинанду кусок булки. Не двигаясь с места, Фердинанд открыл пасть, и булка в ней исчезла.

— Великолепно! — воскликнула женщина в зелёной шляпке. — Крокодильчик, смотри! Великолепно!

Все подхватили ее слова и стали наперебой бросать Фердинанду разные вкусные вещи. А он, точно жонглер в цирке, с поразительной ловкостью ловил всё на лету. Время от времени он объяснял Крокодильчику:

— Видишь, вот так ловят пирожное... А вот так шоколадку... А так ловят пирожок... А вот так пряник... Когда у тебя будет время, приходи ко мне, я тебя ещё не тому научу.

Фердинанд посмотрел по сторонам, ища взглядом официанта.

— Пожалуйста, счет!.. — крикнул он.

— Я не допущу этого, — запротестовал Августин Радио. — Вы мой гость, Фердинанд. — Расплатившись, он сказал: — Вы не возражаете, если мы выйдем вместе из ресторана?

— Разумеется, — ответил Фердинанд, — в вашем обществе я с удовольствием погуляю.

Пока они шли через зал к дверям, вслед им глядели изумлённые посетители и восхищённые официанты. А потом, когда дверь за ними закрылась, за столиками, на кухне, в кладовой, в буфете и даже в гардеробе долго слышалось повторяемое на разные лады имя «Фердинанд».

V

— Что вы собираетесь делать? — спросил у Фердинанда Августин Радио, когда они очутились на улице.

— По правде говоря, сам не знаю, — ответил Фердинанд.

— Если я правильно вас понял, вы свободны.

— Как будто так.

— Для верности загляните в свою записную книжку, — спросил Августин Радио.

— Куда?

— В записную книжку. Ведь у вас, конечно, есть записная книжка?

— Ко-о-онечно, — сказал, заикаясь, Фердинанд.

— Я считаю, что человек без записной книжки — это не человек. Во всяком случае, порядочным человеком его не назовёшь. У порядочного человека должна быть записная книжка.

— Ра-ра-разумеется...

— На человека, у которого есть записная книжка, можно положиться. Тем, у кого её нет, приходится рассчитывать на свою память. А человеческая память ненадёжна, ой как ненадёжна. Вы со мной согласны?

— Бе-бе-зусловно, — подтвердил Фердинанд.

— Будьте так любезны, загляните в свою записную книжку и проверьте, действительно ли вы свободны.

— Вне всякого сомнения — я свободен, — поторопился заверить собеседника Фердинанд и для убедительности приложил руку к сердцу.

— Неужели вам трудно? Загляните, — настаивал Августин Радио.

«Вот упрямец!» — подумал про себя Фердинанд, а вслух сказал:

— Клянусь памятью моей бабушки, у меня нет сейчас никаких дел!

— Очень вас прошу... Ради меня, Фердинанд... — Не унимался Августин Радио. — Умоляю...

Фердинанд принялся рыться в левом кармане пиджака, зная наперёд, что поиски бесполезны. Действительно, карман был идеально пуст. Потом он стал рыться в правом кармане пиджака. Затем в левом кармане брюк. Затем в правом кармане брюк. Затем в том кармане, который расположен на брюках сзади. Затем в том кармане, который находится в пиджаке с внутренней стороны. И, наконец, в маленьком кармашке, нашитом на пиджаке с левой стороны вверху, куда обычно кладут карандаш, вечное перо или вставляют платок, когда хотят выгладеть понаряднее. Все карманы были пусты.

— Вижу, вам её не найти, — сказал Августин Радио.

— Не представляю себе, куда она запропастилась, — соврал Фердинанд, и от вранья ему сразу стало не по себе. — Куда это я её засунул?

— Может быть, выходя из дому, вы оставили её на письменном столе?..

— Возможно, — поспешно согласился Фердинанд, прекрасно зная, что у него с рождения никакого письменного стола не было.

— Или сунули в другой костюм...

— И это не исключено, — поддакнул Фердинанд, хотя отлично знал, что тот костюм, который он на себя надел, является его единственным костюмом.

— Одного только боюсь: а вдруг вы её потеряли? — с озабоченным видом сказал Августин Радио.

— Об этом не может быть и речи, — ответил Фердинанд. — Ни разу в жизни я ещё ничего не терял, — добавил он с радостью. Это была первая правдивая фраза, сказанная им за весь разговор. Сомнений не было: говорить правду гораздо приятнее.

— Вы не будете возражать, если я сделаю вам одно предложение? — спросил его новый знакомый.

— Разумеется, нет.

— Вы, наверно, очень дорожите своей книжкой... Будем надеяться, вы её найдёте...

«Да, когда рак на горе свистнет», — подумал про себя Фердинанд.

— Но пока что, — продолжал Радио, — не откажите принять на память о нашей встрече маленькую скромную записную книжечку. Вы согласны?

— Мне будет очень приятно... Это будет самая любимая из всех моих записных книжек, — ответил, упиваясь своей находчивостью, Фердинанд.

Они зашли в магазин, и Августин Радио выбрал для Фердинанда тёмно-зелёную записную книжечку в красивом переплёте, с разлинованными в клетку страничками.

— На первой страничке напишите, пожалуйста, сегодняшнее число...

— Написал, — отозвался Фердинанд.

— Под числом напишите крупными буквами: СВОБОДНЫЙ ВЕЧЕР.

— Сво-бод-ный ве-чер, — повторил Фердинанд. — Написано!

— Прекрасно! — потер руки его новый приятель. — Значит, я со спокойной совестью имею право пригласить вас в кино. Я могу быть уверен, что ваших планов не нарушу. В записной книжке чёрным по белому написано, что у вас свободный вечер. Видите, какая полезная вещь записная книжка! Посмотришь одним глазком — и сразу всё ясно...

После кино они решили прогуляться. Августин Радио был в восторге от игры актёров. Фердинанд с ним спорил — не только потому, что плохо разбирался в этом, но ещё и потому, что проспал больше половины сеанса. Однако, чтоб не прослыть невеждой, надо было что-то сказать. Фердинанду понравился больше всего пёс Бинго, который вихрем пролетел по комнате, открыл лапами дверь и помчался следом за скакавшим на коне хозяином.

— Ну, а мне, — бросил он небрежно, — понравился больше всего актёр, играющий роль Бинго.

— Какого Бинго? — спросил с изумлением Радио.

— Бинго, той собаки, которая бежит следом за хозяином, когда он скачет на лошади... — снисходительно пояснил Фердинанд.

— Да ведь это же не актёр! — воскликнул Августин.

— Как — не актёр! Ведь он участвует в фильме, — рассмеялся Фердинанд.

— Участвовать участвует, но это не актёр. Это самая обыкновенная собака.

— Как у вас язык поворачивается говорить такие вещи! — возмутился Фердинанд. — Ни одна собака не смогла бы так сыграть своей роли. Вы обратили внимание, как красиво бежал он по комнате? А как он потом открыл дверь? А с каким чувством смотрел вслед уезжающему хозяину, перед тем как броситься вдогонку? Нет, я не согласен. Обыкновенная собака так не сможет. Для этого надо быть актёром.

— Вы даже не представляете себе, на что способны собаки! — сказал Августин Радио.

— Допустим, что не представляю, — ответил не без иронии Фердинанд, — и всё-таки я считаю, что это был актёр, переодетый собакой.

— Вы полагаете, это возможно? — спросил с недоверием Радио.

— Не только полагаю, но уверен, — решительно ответил Фердинанд. — Скажу вам больше: лично мне известен такой случай, только там всё произошло в обрат...

Но тут Фердинанд прикусил язык, так как понял, что сболтнул лишнего.

— Вы хотите сказать, что слышали о собаке, которая была переодета человеком? — не унимался Августин Радио.

— Да нет же, нет, — пытался замять разговор Фердинанд, — я, наверно, перепутал. Знаете что, — сказал он, стараясь перейти на другую тему, — по-видимому, я устал и начинаю заговариваться.

— В самом деле, поздно, — согласился Радио. — Я тоже чувствую усталость. Давайте-ка разойдёмся по домам.

— Не возражаю, — поспешно поддержал его Фердинанд. — Надеюсь, мы с вами ещё встретимся.

— Не сомневаюсь. В вашем обществе не замечаешь, как летит время.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Фердинанд. До свиданья!

И они разошлись в разные стороны. Фердинанд брёл по улице, не представляя себе, что теперь делать. Спать хотелось ужасно. Он мог бы вернуться домой, но тогда всему придёт конец. Нет, этого он ни в коем случае не сделает.

— Минуточку. — В голове у Фердинанда мелькнула смутная догадка. — Что делает человек, когда ему хочется спать, а переночевать негде?..

Вдали маячила красная, мерцающая в темноте неоновая вывеска :

ГОСТИНИЦА

„ПОД ВЕСЁЛЫМ ДРАКОНОМ“

— Гостиница? Это как раз то, что мне нужно. Пойду переночую в гостинице, — решил Фердинанд и направился прямо к сияющей вывеске.

Толкнув вертящиеся, похожие на карусель двери, Фердинанд очутился в просторном холле. Поодаль от дверей, под эмблемой, изображающей весёлого дракона, дремал за стойкой портье. За спиной у него виднелась огромная деревянная доска, вся увешанная красивыми ключами. Накителе портье поблёскивало множество золотых пуговиц.

— Добрый вечер! — воскликнул он, прежде чем Фердинанд успел открыть рот. — Чем могу служить?

Впервые кто-то собирался служить Фердинанду. До сих пор его всегда заставляли быть услужливым. Но Фердинанд устал уже удивляться.

— Добрый вечер, — ответил он, — мне хотелось бы переночевать.

— Желаете номер на одного человека?

— Да, на одного человека.

— Номер 423, четвёртый этаж, — скороговоркой пробормотал портье. — Вот ключ.

— Спасибо, — ответил Фердинанд, взял ключ и собрался было идти.

— Минуточку, — остановил его портье. — Имя, фамилия?..

— Что? — спросил Фердинанд, сделав вид будто не расслышал.

— Имя, фамилия... .

— Фердинанд, — ответил Фердинанд.

— Так, это имя. А фамилия?

— Ммммм... — задумался Фердинанд. Ничего не приходило ему в голову. Это был отчаянный момент. И вдруг он вспомнил, что в этот день о нём часто говорили: «Великолепный». И громко, с улыбкой облегчения он произнёс: — Великолепный.

— Прекрасно, — подхватил портье и, отметив что-то в толстой книге, с глубоким поклоном сказал: — Спокойной ночи.

Лифт доставил Фердинанда на четвёртый этаж; хорошенькая горничная проводила его до дверей 423 номера и, пожелав спокойной ночи, исчезла. Фердинанд остался один. Он закрыл дверь на ключ, разделся, ощутив внезапную жажду, открыл водопроводный кран, полакал воды и нырнул в чистую постель. Растянувшись в постели, он почувствовал себя наверху блаженства.

Уснуть, однако, не удалось. Прошёл час, другой, а Фердинанд не мог сомкнуть глаз. Он вертелся в постели, пробовал даже свернуться калачиком — ничто не помогало. Наконец он понял: постель слишком мягка. Тогда он вскочил, улёгся на коврик возле кровати и тут только ощутил, что его одолевает дремота. Он даже не заметил, как уснул.

VI

В три часа ночи у портье зазвонил телефон. Не успев хорошенько проснуться, портье потянулся к трубке.

— Слушаю, — сказал он.

— Говорят из номера 422, — раздался в трубке мужской голос, — в комнате рядом слышно урчание.

— Урчание? — изумился портье.

— По-моему, я слышал ясно: урчание, — волновался голос в трубке. — Прошу принять меры, я не могу уснуть. После этого трубку повесили.

— Что это может быть? — начал соображать портье. — Электрополотёр? Исключено. Ночью в нашей гостинице полов не натирают. Может, урчит вода в трубах... Иной раз у человека бывает бессонница, тогда каждый пустяк выводит его из себя. Может быть, у приезжего из 422 номера бессонница...

Придя к такому выводу, портье задремал снова. В пятнадцать минут четвёртого телефон затрезвонил опять. Опять портье неторопливо потянулся к трубке и опять, наверное, уже в тысячный раз, с заученной вежливостью сказал:

— Слушаю.

— Вы знаете, — заскрежетал голос в трубке, — в соседней комнате что-то урчит. Всё время что-то урчит...

— Назовите, пожалуйста, своё имя, — вежливо попросил портье.

— Говорит Марианна Донаувеллен... Марианна Донаувеллен.

— Минуточку, — перебил её портье, — какой номер?

— 424... 424... — заскрежетало в трубке.

— И вы говорите, за стеной урчит?

— Безусловно урчит, безусловно урчит. Так урчит, что я даже проснулась, даже проснулась...

— Я постараюсь выяснить, в чём дело, — заверил взволнованную даму портье. — Надеюсь, остаток ночи вы проведёте спокойно. Желаю приятного сна.

— Большое спасибо, большое спасибо...

И трубку повесили.

— В самом деле, что же это урчит? — буркнул портье и почесал в затылке. Впервые за всю его многолетнюю практику произошёл такой случай. Он уже привык к всевозможным прихотям и капризам бесчисленных путешественников. Привык к их справедливым и несправедливым требованиям, но с урчанием, да ещё посреди ночи,

он сталкивался впервые. Может, им померещилось? Лучше подождать до утра. А утром всё выяснится само собой.

За спиной портье мирно тикали часы. Ночью, когда все спят, гостиница погружена в какую-то необыкновенно сонную атмосферу. Будем откровенны, портье поддался искушению. Прошло две-три минуты, и он снова задремал в своём кресле. Ему даже приснилось, что он сам урчит во сне, как вдруг опять раздался звонок.

— Слушаю, — сказал портье спокойным, ровным голосом.

— Портье, — зарокотал в трубке чей-то бас. — В нижнем номере я слышу урчание. Безобразие, в вашу гостиницу пускают постояльцев с собаками.

— Скажите, пожалуйста, из какого номера вы звоните? — вежливо спросил портье.

— Из 523. А от этих собак, скажу вам, только блохи в коврах да в постелях.

— Это, вероятно, недоразумение, — попытался успокоить его портье. — Уверяю вас: у нас никто не ночует с собакой.

— Как это никто?.. — загремел бас. — А урчание?

— Может быть, вам показалось...

— Хорошенькое «показалось»! — загрохотал бас. — Поднимитесь-ка сами. Тогда услышите...

— Сейчас приду, — ответил портье и повесил трубку.

Он глянул на часы. Было уже почти четыре. Портье не стал подниматься на лифте — ведь его шум мог потревожить всю гостиницу. Он отправился наверх пешком. Вот какие были у него мысли:

«Звонили мне из 523 номера, значит, внизу находится 423. Кто живёт в 423? — задумался портье. — Не тот ли знаменитый пианист, который давал сегодня концерт в филармонии? Нет, знаменитый пианист живёт в 241. Может быть, это Лилля де Парма, прославленная кинозвезда? Нет, не она. Лилля де Парма заняла 118. Может быть, это всемирно известный маг Абракадабра из Индии? Где там... Абракадабра живёт в 303. Может быть, это футбольная команда, которая приехала на завтрашний матч?

Ничего подобного. Я их поселил в 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, а запасному игроку дал 412 номер. Интересно, кто же всё-таки живёт в 423? Никак не вспомню. Сейчас, сейчас... Не тот ли мужчина, который пришёл поздно вечером? Как его фамилия? Забавная какая-то... А... — воскликнул портье, хлопнув рукой по лбу. — В 423 поселился Фердинанд Великолепный. Он был без собаки. Это совершенно исключено. Я сам давал ему ключ. Отлично помню, он без багажа. Какая там собака...»

Запыхавшийся портье остановился возле номера 523. Постучал. Дверь открыл крохотный человечек в розовой пижаме. Портье сперва подумал, что ошибся.

— Входите, — пророкотал человечек. Голос до смешного не соответствовал его внешности. Такой бас мог быть только у великана.

— Закройте плотней дверь, — пророкотал человечек снова.

Портье вошел в номер, закрыл дверь и остановился в нерешительности, не зная, что теперь делать.

Человечек приложил палец к губам.

— Т-с-с-с! — сказал он. — Слушайте.

Портье кивнул, и оба затаив дыхание стали прислушиваться.

Прошла минута, две, три... Тишина. Тишина, не нарушаемая даже шорохом.

— Слышите что-нибудь? — спросил бас.

— Ничего не слышу, — ответил портье.

— Совсем ничего?

— Совсем ничего.

— Знаете, я тоже ничего не слышу, — признался бас.

— По-видимому, вам показалось.

— Клянусь вам, я слышал! — воскликнул бас.

— Но теперь-то урчания нет!

— Теперь нет, а вот тогда было...

Человечек был явно сконфужен.

— Пожалуй, я пойду, — сказал портье, — будем надеяться, вас больше не потревожат.

— Мне, право, неприятно, что я вас зря беспокоил...

— Что вы, это входит в мои обязанности.

Портье закрыл за собой дверь 523 номера и стал неторопясь спускаться по лестнице. Не успел он дойти донизу, как снова затрезвонил звонок. Портье бросился со всех ног к телефону, снял трубку и сказал:

— Я вас слушаю.

— Говорят из 323 номера, — запищал испуганный женский голосок. — В номере надо мной что-то урчит. Я боюсь. Мне очень страшно.

— Сохраняйте спокойствие, вам не грозит опасность.

— Вы не можете себе представить, до чего я боюсь урчания! Когда мне было шесть лет, меня чуть было не укусила собака...

— Всё-таки не укусила.

— Правда... Не укусила. Но вы не представляете, как она на меня рычала. С тех пор я панически боюсь собак.

— Вы уверены, что урчание слышится над вами?

— Конечно, уверена.

— Тогда я разбужу директора. Мы займёмся этим урчанием. А пока что ложитесь и постарайтесь уснуть.

— Только вы, пожалуйста, не забудьте, — простонала дама, — мне очень страшно.

Портье положил трубку, взглянул на часы и решил поговорить с директором. Было около пяти. Будить в это время директора означало идти на верные неприятности, но иного выхода у портье не было. Он набрал номер, и вскоре в трубке послышался сонный голос директора:

— Кто там, чёрт побери?

— Это я, дежурный портье.

— Зачем вы меня разбудили, чёрт побери?

— Я осмелился разбудить вас, потому что в 423 номере что-то урчит.

— Пусть урчит, чёрт побери!

— Приезжие жалуются!

— Какие приезжие, чёрт побери?

— Приезжие из номеров 422, 424, 323 и 523.

— Как по-вашему: что это урчит, чёрт побери?

— Раз урчит, значит, собака.

— Ведь вы же знаете, что мы не сдаём номера приезжим с собаками, чёрт побери!

— Знаю.

— А кто живёт в 423, чёрт побери?

— Фердинанд Великолепный.

— Он приехал без собаки?

— Без собаки.

— Что ж тогда всё-таки урчит, чёрт побери?

— Может, он принёс наверх портативную собаку?

— Очень может быть, чёрт побери! — гаркнул директор. — Мы должны это выяснить. Сейчас я буду.

Директор молниеносно оделся и через какие-нибудь пятнадцать минут был уже в гостинице.

— Пошли, — сказал он решительно.

— Пошли, — отозвался, как эхо, портье.

Они поднялись наверх, прошли по коридору и затаив дыхание остановились перед дверью 423 номера.

— Не урчит?

— Не урчит.

— Приложим ухо к дверям. Не урчит?

— Не урчит.

— Ляжем на пол. Не урчит?

— Не урчит. Впрочем, постойте...

— Глупости, это у меня в животе.

— Что же делать?

— Придётся постучать, чёрт побери. Мы должны проникнуть в эту тайну.

Они постучали. Очнувшись от глубокого сна, Фердинанд не понял сначала, в чём дело. Он вскочил с коврика и только тогда пришёл в себя.

— Кто там? — спросил он.

— Директор гостиницы, — ответил директор.

— Одну минуточку, я только оденусь...

Фердинанд скомкал второпях одеяло. Он не хотел, чтоб директор догадался, где он провёл ночь. Потом натянул брюки, надел рубашку, на рубашку накинул пиджак, завязал галстук, глянул в зеркало и, улыбнувшись своему отражению, поспешил к двери. Директор вбежал первый.

— У вас в номере собака! — крикнул он.

— Вы ошибаетесь, — мягко возразил Фердинанд. — Если не верите, можете обыскать комнату.

Директор и портье принялись лихорадочно шарить под кроватью, в шкафу, за портьерами, в ванной — словом всюду, где могла поместиться собака. Но собаки, конечно, нигде не было.

— Мне очень неприятно, что так получилось... — сказал директор. — Не знаю, как мне оправдаться... Видите ли, из вашей комнаты слышалось урчание. Мы подумали, у вас собака...

— Это не собака, — сказал Фердинанд. — Это я. Скажите, а урчание не напоминало рокот мотора?

— Может, и напоминало, — ответили в один голос и директор и портье.

— Я больше люблю ходить пешком, честное слово.
— Мы закажем для вас на вечер билет в оперу.
— О, там так воют! — чуть не плача ответил Фердинанд.

— Мы поставим к вам в номер телевизор.
— В нём всегда ужасно мелькает.
— Может, выгладить ему брюки? — предложил портье.
— Не терплю острых складок.
— Дорогой Фердинанд! — Директор стал на колени посреди комнаты. — Скажите, что мы можем для вас сделать? Какой сюрприз вам приготовить?

— Зачем сюрприз?
— Мы обязаны, поймите, обязаны! Этого требует наша профессиональная честь.
— Пожалуй, вы правы, — согласился Фердинанд. Он поспешил поднять директора с пола, заглянул ему в глаза и спросил:

— А лифт у вас есть?
— Есть, разумеется, есть! — закричали в один голос портье и директор.

— Знаете, — робко сказал Фердинанд, — я ещё ни разу в жизни не катался в лифте.

— Наш лифт в вашем распоряжении, дорогой Фердинанд! — воскликнул обрадованный директор. — Можете ездить сколько угодно.

— Знаете, — разоткровенничался взволнованный Фердинанд, — я безумно люблю путешествовать. До сих пор мне приходилось ездить вдоль и поперёк, но мне ещё не случалось путешествовать сверху вниз и снизу вверх.

— Увы, это путешествие не будет продолжительным, — заметил директор. — У нас всего девять этажей.

— Для первого раза достаточно, — заверил Фердинанд. — Можно приступить?

— Разумеется! — сказал портье. — Вот ключ от лифта.
— Вперёд! — завопил Фердинанд и от радости подпрыгнул.

— Вперёд! — весело отозвался директор.

Все трое выбежали из комнаты.

Кабина лифта находилась на первом этаже.

— Сейчас мы её сюда вызовем, — сказал директор.

— То есть как «вызовем»? — удивился Фердинанд.

— А вот увидите, она сама к нам приедет.

— Любопытно...

Портье достал из кармана ключ, вложил его в замок в дверях лифта и повернул. Загудел мотор, и через минуту на четвёртый этаж прибыла кабина. Они открыли дверь и вошли внутрь. Кабина была квадратная, со стеклянными стенками, с зеркалом, с обитой кожей скамеечкой. Портье захлопнул дверь и нажал кнопку. Кабина послушно заскользила вниз.

— Нравится? — спросил директор.

— Очень, — ответил Фердинанд.

На этом разговор и оборвался, потому что кабина остановилась на первом этаже.

— Я здесь, пожалуй, сойду, — сказал портье. — А ты у конторки собралось много народу.

Фердинанд бросил взгляд через стеклянную дверцу кабины и увидел толпу людей. Это были разбуженные урчащим постояльцы. Но он, конечно, не мог этого знать.

— Хорошо, — сказал директор, — выходите. А я ещё ненадолго здесь задержусь и объясню нашему милому гостю, как управлять лифтом.

Портье вышел. Фердинанд остался в кабине вдвоём с директором.

— Видите кнопки? — сказал директор, указывая на ряд белых кнопок. — Под каждой — надпись. Под самой нижней написано: ТРЕВОГА. Это на случай, если лифт застрянет между этажами или произойдёт какая-нибудь авария. Выше кнопка с надписью: 1-й ЭТАЖ. Мы нажимаем на неё, если нам надо спуститься вниз. Затем кнопка с надписью: 2-й ЭТАЖ, потом 3-й ЭТАЖ, потом 4-й ЭТАЖ, потом 5-й ЭТАЖ, потом 6-й ЭТАЖ, потом 7-й ЭТАЖ, потом 8-й ЭТАЖ и, наконец, 9-й ЭТАЖ.

— Как всё продумано! — удивился Фердинанд. — Можно, я нажму какую-нибудь кнопку?

— Ну, разумеется, нажимайте на все кнопки!

— Для начала высоко забираться не будем.

И Фердинанд нажал кнопку второго этажа. Через несколько секунд они были уже на месте.

— Теперь поедem на седьмой.

— Прекрасно! — сказал директор.

— А теперь с седьмого на третий.

— Чудесно!

— А теперь с третьего на девятый.

— Замечательно!

И они принялись ездить сверху вниз и снизу вверх, останавливались на секунду и тотчас отправлялись дальше.

А внизу стояли люди. Марианна Донаувеллен из номера 424, говорливая женщина, которая, общаясь с собеседником, повторяла каждое слово дважды, и рокощущий басом человек из 523 номера, и знаменитый пианист из 241 номера, и Лилля де Парма из 118, и маг Абракадабра из 303, и боязливая дама из 323, и жилец из 422, и вся футбольная команда, занимающая комнаты с 401 по 412 включительно, — все с интересом наблюдали за необычным поведением лифта. Они были так захвачены этим зрелищем, что забыли даже о претензиях, с которыми прибежали к портье. Задрав голову, стояли они внизу и старались угадать, на каком этаже остановится сейчас лифт.

— А я говорю, на восьмом! — кричала Лилля де Парма.

— А я говорю, на четвёртом! — кричал маг Абракадабра.

— А я говорю, на шестом! — надрывался знаменитый пианист.

Тем временем лифт поднялся снова на девятый этаж. С девятого опустился на первый, и тут же снова устремился на девятый, даже никто рта не успел раскрыть.

Фердинанд с директором удобно устроились в лифте на скамеечке, и только время от времени кто-нибудь из них нажимал облюбованную заранее кнопку. Потом это им надоело, и с закрытыми глазами они стали тыкать пальцем наугад.

Так они уже сделали, наверно, добрых несколько километров, как вдруг Фердинанд спросил:

— А для чего самая верхняя кнопка?

— Самая верхняя на девятый этаж, — ответил директор.

— Это я вижу, — ответил Фердинанд, — но для чего та кнопка, которая над ней?

— Там нет никакой кнопки, — ответил директор, который всё ещё сидел с закрытыми глазами.

— Как же, есть! Посмотрите сами.

Директор открыл глаза.

— Действительно, ещё одна кнопка, — удивился он. — Я готов поклясться, что раньше её не было. Я никогда её не видел.

— Интересно, для чего эта кнопка? — задумчиво спросил Фердинанд.

— Можно попробовать, — сказал директор.

— Вам никогда не приходилось на неё нажимать? — спросил Фердинанд.

— Никогда, — ответил директор.

— Знаете что, — предложил Фердинанд, — чтоб никому не было обидно, давайте нажмём на неё вместе, ладно?

— Превосходно, — ответил директор. — С вами, дорогой Фердинанд, не соскучишься.

Они вместе нажали на кнопку, и толпящиеся в холле люди с ужасом увидели, как лифт, дойдя до девятого этажа, не остановился, прошёл выше, миновал чердак, потоп крышу, которая вдруг раздвинулась перед кабиной, устремился вверх, в светло-голубое, подёрнутое лёгкими облаками небо.

VIII

Портье посмотрел вслед исчезающей в голубых просторах кабине, почесал затылок и, не теряя времени даром, вывесил на лестнице табличку

СЕГОДНЯ ЛИФТ НЕ РАБОТАЕТ.

А Фердинанд и директор никак не могли взять в толк, что же, собственно, произошло.

— Кажется, мы поднялись в воздух, — сказал Фердинанд.

— У меня точно такое же впечатление, — сказал перепуганный директор.

— Может, не стоило нажимать эту кнопку?

— Теперь ничего не поделаешь.

Кабина всё поднималась. Домá становились меньше и меньше, улицы уже, а трамваи и автобусы напоминали детские игрушки. Навстречу им плыли облака.

— Интересно, на какой высоте мы находимся? — подумал вслух Фердинанд.

— Вы находитесь на высоте четырѐхсот восьмидесяти пяти метров, — сообщила набегающая тучка.

— О, вы очень любезны! — воскликнул Фердинанд, галантно раскланявшись. — Благодарю вас за сообщение, милая тучка.

Тучка помахала рукой, поплыла дальше.

— Вы меня удивили, дорогой Фердинанд, — сказал директор, — я и не предполагал, что вы умеете разговаривать с облаками.

— С каждым можно найти общий язык, нужен только подход, — не без самодовольства отозвался Фердинанд, забыв о том, что тучка заговорила с ним первая. — Попробуйте теперь вы, тут нет ничего особенного.

Директор незамедлительно принялся высматривать тучку. Как только она подплывала, он открывал дверь, высовывался наружу и кричал:

— Здравствуй, малышка!

— Здравствуйте, директор, — отвечала тучка. — Желаю приятного путешествия.

— Как дела, розовая тучка? — обращался он к следующей.

— Большое спасибо. Неплохо. Куда держите путь?

— Да так, вообще, — отвечал директор, потому что не знал сам, куда и зачем они направляются. — Хотим посмотреть сверху на землю.

— Что ж, приятной прогулки! — кричала в ответ тучка и исчезала, а директор затевал уже новый разговор. — Привет, хорошенькая тучка, как спалось?

— Неплохо, — отвечала тучка. — Нынче ночью небо изволило быть безоблачным, и мы все хорошо выспались.

— Потому-то ты так и выглядишь, что хорошо выспалась.

Тучка заливалась лёгким румянцем и улетала прочь, крикнув на прощание:

— Простите, не могу больше задерживаться, наш начальник Ветер сегодня нас ужасно гоняет! До свиданья! И исчезла.

— Очень приятно беседовать с тучками, — сказал директор, потирая от удовольствия руки.

— Может быть, хватит? — заметил Фердинанд. — А то мы всё время поднимаемся, а вы без конца высовываетесь. Как бы не вывалиться из кабины...

Директор глянул вниз, и голова у него закружилась. Он захлопнул дверь и уселся на скамейке.

— Не отчаивайтесь, — подбодрил его Фердинанд. — Пока мы не падаем, у нас нет оснований отчаиваться.

— Неужели мы всё ещё поднимаемся? — простонал директор.

— По-моему, да, — ответил Фердинанд. — Наша кабина не оснащена высотомером, и мы не можем судить...

— А что, если спросить?

— У кого?

— Я вижу птицу, — крикнул директор, — спросите птицы.

— Эй, птица, птица! — крикнул Фердинанд. — Не можете ли вы сказать, на какой высоте мы находимся?

Птица подлетела ближе и села на крышу.

— Спуститесь, пожалуйста, в кабину! — закричали один голос оба путешественника.

Птица впорхнула в кабину и устроилась на скамейке между директором и Фердинандом.

— Вас интересует высота? — осведомилась птица.

— Да, нам нужно знать, далеко ли земля.

— В настоящий момент вы находитесь на высоте пятнадцати тысяч ста одиннадцати клювов... — деловым тоном ответила птица.

— Я что-то не очень понимаю... — замялся Фердинанд.

— Клюв — это мера длины, — объяснила птица.

— Сколько получится, если клюв перевести на сантиметры? — спросил директор.

— Этого я не знаю, — ответила птица.

— Ну хотя бы примерно, — попросил Фердинанд.

— Взгляните на мой клюв, — сказала птица.

— Очень красивый клюв, — отозвался Фердинанд.

— Не в том дело... Сколько в нём сантиметров?

— Трудно сказать, сантиметра четыре...

— А по-вашему? — обратилась птица к директору.

— Наверно, сантиметров шесть.

— Ну, скажем, пять... Согласны?

— Конечно, согласны! — воскликнули Фердинанд и директор.

— Тогда всё очень просто, — сказала птица, гордясь своей сообразительностью, — клювы нужно перевести в сантиметры, а сантиметры — в метры.

— Считать!.. Терпеть не могу! — заволновался Фердинанд. — Может, вы этим займётесь? — предложил он директору.

— Попробую, — ответил директор. — Предположим, один клюв равен пяти сантиметрам. Тогда десять клювов — это пятьдесят сантиметров, сто клювов — пятьсот сантиметров, тысяча клювов — пять тысяч сантиметров, десять тысяч клювов — пятьдесят тысяч сантиметров, пятнадцать тысяч клювов — семьдесят пять тысяч сантиметров, а семьдесят пять тысяч сантиметров равны семистам пятидесяти метрам. К этому остаётся прибавить ещё сто одиннадцать клювов, что составляет пять метров пятьдесят пять сантиметров. Итак, пятнадцать тысяч сто одиннадцать клювов равняется семистам пятидесяти метрам и пятидесяти пяти сантиметрам. Это как раз и есть высота, на которой мы находимся. Я весь взмок от этих подсчётов.

— Вы решили эту задачу замечательно, — сказал с восхищением Фердинанд. — Поздравляю вас, дорогой директор.

— Ничего здесь нет замечательного, — скромно ответил директор. — Когда работаешь директором, надо уметь считать. Мы всё ещё поднимаемся?

— Да, — ответила птица, — мы поднялись ещё клювов на пятнадцать.

— Ужасно! — испустил отчаянный вздох директор. — Дорогой Фердинанд, надо что-то предпринимать! Не можем же мы без конца подниматься и подниматься.

— Будем надеяться, нам подскажут, что делать в таких случаях, — сказал Фердинанд и вопросительно посмотрел на птицу.

Птица в свою очередь с серьёзным видом взглянула на Фердинанда.

— Прежде всего, позвольте представиться. Я вошёл в вашу ракету и даже не представился.

— Какая там ракета... — махнули рукой директор и Фердинанд, — это самая обыкновенная кабина от лифта, которой вздумалось вдруг взлететь в воздух. Вот мы и летим.

— Это не имеет значения. Кабина... лифт... В настоящий момент это воздушный корабль, иначе не назовёшь. Можете мне верить, уж я-то в этих делах толк знаю. Моя фамилия Голубовский.

Фердинанд с директором глянули на птицу повнимательней. Действительно, в ней было что-то голубиное. Это лишний раз подтверждало, что фамилия невымышленная. Каждый по очереди назвал своё имя.

— Великолепный, Фердинанд Великолепный, — представился Фердинанд.

— Девон. Алексей Девон, — представился директор.

— Очень приятно, — сказал Голубовский.

— О нет, это нам приятно! — воскликнули директор и Фердинанд.

— Итак, чем могу быть полезен? — спросил у путешественников Голубовский.

— Дело в том, — сказал директор, — что мы не представляем себе, как спуститься на землю. До сих пор мы только поднимались. А это становится опасно.

— Насколько мне известно, — ответил Голубовский, — существует несколько способов: если мы складываем крылья, мы падаем камнем вниз; если мы используем воздушные течения, мы плавно снижаемся, распластав крылья, при этом мы делаем круги; если мы поворачиваем определённым образом хвост...

— А других способов нет? — спросил сдавленным голосом Фердинанд.

— Может, и есть, но мне они не известны.

— У нас, видите ли, нет крыльев, — сказал, заламывая руки, директор.

— И хвостов, — добавил со слезами на глазах Фердинанд.

— И всё же надо что-то предпринять, — сказал, трянуv головой, директор.

— Надо! — поддержал его окрепшим голосом Фердинанд.

— Но что? — сказал упавшим голосом директор.

— Что? — простонал Фердинанд.

— Что? — задумался Голубовский.

— Мне кажется, если положить к нам в кабину какие-нибудь тяжести, то она в силу законов земного тяготения начнёт снижаться, — заметил директор.

— Тяжести... — отозвался Фердинанд. — Но какие?

— Любые. Например, кирпичи, — сказал директор.

— Смешно и говорить, — отозвался Фердинанд, — откуда здесь кирпичи? Насколько мне известно, кирпичи по воздуху не летают.

— Одну минуточку, — вмешался в разговор Голубовский. — Мне в голову пришла мысль. Может быть, нам удастся загрузить вашу кабину и заставить ее опуститься.

— Если вы этого добьётесь, вы — маг и волшебник, — не без ехидства заметил Фердинанд.

— Я дам вам премию: сто мешков с горохом, — заявил директор, которому эти слова тоже показались забавными.

— Ловлю вас на слове, — ответил Голубовский. — Не надолго мне придётся вас покинуть. Откройте, пожалуйста, дверь.

Фердинанд открыл дверь, птица привстала на скамейке, взмахнула крыльями и выпорхнула наружу. Она сделала несколько кругов над кабиной, которая тем временем поднялась ещё клювов на двадцать, махнула на прощание хвостом и улетела.

Директор и Фердинанд остались одни. Где-то далеко-далеко внизу виднелась земля. Высоко-высоко над ними сияло солнце. Даже облака попрятались куда-то. Путешественников окружала сплошная ровная синева. Чувство одиночества щемило сердце.

— Кажется, мы уже не вернёмся на землю, — с отчаянием сказал директор.

— Эх, и нужно же нам было... — заскулил Фердинанд.

— Никогда-никогда не увижу я своей любимой гостиницы... — стал всхлипывать директор.

— А я не увижу своих друзей... — присоединился к директору Фердинанд.

— Нужно было вам нажимать на эту кнопку! — сказал с укором директор.

— Мне? — возмутился Фердинанд. — Да ведь это вы нажали!

— Это не я! — крикнул директор. — Это вы! А я только сделал вид, что нажал.

— Неправда! — завопил задетый за живое Фердинанд. — Это я сделал вид, а вы нажали по-настоящему.

— Есть о чём спорить... — сказал директор, и его глаза наполнились слезами. — Мы оба нажали на эту кнопку...

— Да, вы правы, — сказал Фердинанд примирительным тоном. — Оба мы виноваты. Зачем только мы нажали на эту кнопку?

— Зачем мы нажали на эту кнопку, дорогой Фердинанд?

Пока они вели этот разговор, вдали показалась большая серая туча. Она росла, росла и окружила кабину с

всех сторон. Стало темно, и в темноте послышался ровный шорох крыльев. Это Голубовский призвал на помощь стаю знакомых голубей.

— Садитесь на крышу! — кричал он охрипшим голосом. — На крышу!

Голуби быстро расселись на крыше. Кабина перестала подниматься. Она повисла в воздухе.

— Делаем пирамиду! — скомандовал Голубовский.

Следующая стая уселась на спинах тех голубей, которые перед этим уместились на крыше. Кабина стала медленно опускаться. А голуби строили свою пирамиду всё выше и выше, и кабина опускалась и опускалась. Директор и Фердинанд принялись скакать от радости и бить в ладоши. Наконец голубиная пирамида была готова. На вершине её сидел Голубовский. Фердинанд приоткрыл дверь и крикнул:

— Голубовский, вы маг и волшебник!

А директор добавил:

— За мной сто мешков гороха!

IX

— Теперь главное — приземлиться на ровном месте, — уже спокойнее сказал Фердинанд.

— Вы правы, Фердинанд, — подхватил директор, — только с высоты и замечаешь, что вся земля утыкана торчащими предметами. Совсем как подушечка для иголок.

— Бррр! Даже мороз подирает по коже! — содрогнулся Фердинанд, глянув вниз.

— Кто может поручиться, что мы не приземлимся на дерево? — упавшим голосом проговорил директор.

— Или на телеграфный столб... — добавил Фердинанд.

— Или на фабричную трубу...

— Или на башню...

— Или на антенну радиостанции...

— Или на громоотвод...

— Или на вершину горы...

- Или на фонарный столб...
- Или на остроконечную крышу...
- Минуточку, — прервал Фердинанд этот леденящий душу перечень. — Взгляните-ка, далеко ли ещё до земли?
- Ещё порядочно, — ответил директор.
- Тогда продолжаем. Или на телевизионную вышку...
- Или на нефтяную вышку...
- Или на семафор...
- Далеко ещё?
- Далеко.
- Или на парашютную вышку...
- Или на дерево...
- Дерево уже было! — воскликнул обиженно Фердинанд.
- Это ничего, — ответил директор, — я имел в виду другое дерево, не то, которое вы.
- Откуда вы можете знать, какое дерево имел в виду я?
- Мне кажется, вы подразумевали высокое дерево.
- Угадали! — воскликнул Фердинанд. — Это правда. Я имел в виду высокое дерево. А вы?
- Я подумал о другом дереве, тоже высоком, но не таком высоком, как ваше.
- Тогда всё в порядке. Далеко ещё?
- Далеко.
- Или на ратушу...
- Или на колокольню...
- Или на фонарь...
- Фонарь уже был, — поспешил взять своё директор.
- Вы ошибаетесь, — заявил Фердинанд. — Было сказано «фонарный столб», а о фонаре речи не было.
- Не вижу никакой разницы между фонарём и фонарным столбом, — пренебрежительно заметил директор.
- А я вижу. Впрочем, стоит ли спорить? — сказал примиряюще Фердинанд. — Лучше посмотрите, далеко ли до земли?
- Директор высунулся из кабины, глянул вниз, задумался на мгновение и сказал:

— Не так далеко, как раньше, но всё-таки ещё порядочно.

— Тогда продолжаем.

— Или на колючую проволоку.

— Аууу! — взвыл Фердинанд.

— Что с вами? — спросил с испугом директор.

— Лучше об этом не вспоминать, мы можем покалечиться.

— Можем, можем, — печально согласился директор.

— Я предпочёл бы приземлиться на что-нибудь помягче, — признался Фердинанд.

— Больше всего нам подошёл бы торт с шоколадным кремом, — сказал с насмешливой улыбкой директор.

— О торте не приходится и мечтать, — вздохнул Фердинанд. — Впрочем, хорошо ли это? Мы испачкаем костюмы...

— А химчистка на что? — возразил директор.

— Это уже слишком! — запротестовал Фердинанд. — По-моему, лучше вылизать.

— Покорнейше благодарю, — оскорбился директор.

— Если вам не хочется, я сам вылижу ваш костюм, — заверил директора Фердинанд и невольно облизнулся.

— Стоит ли говорить на эту тему, — довольно сухо отозвался директор, — на торт мы пока не приземлились.

— Это верно, — сказал Фердинанд. — Далеко ещё?

— Уже близко, — ответил, высунувшись, директор.

— Только б не на битое стекло... — буркнул Фердинанд.

— Ооо! — завопил во весь голос директор.

— Что случилось? — с тревогой спросил Фердинанд.

— Как у вас язык повернулся сказать мне такое!

— Вы думаете, моё битое стекло лучше вашей колючей проволоки?

— Если говорить откровенно: ни то, ни другое мне не нравится.

— Вот видите. Стоит ли пугать друг друга. Далеко ещё?

Директор снова высунулся и в ужасе отпрянул.

— Караул! Земля рядом.

— Прекрасно! — ответил Фердинанд.

— Взгляните сами, тогда увидите, прекрасно или нет, — со стоном выдал из себя директор.

Фердинанд высунулся наружу, и у него от страха шерсть под костюмом встала дыбом. Внизу, насколько хватал глаз, виднелись вбитые в землю высокие колья, какие расставляют в огороде под фасоль или под горох.

— Вот так штука! — И перепуганный Фердинанд, сдвинув на лоб котелок, стал почёсывать затылок. — Что же делать? Через минуту мы напоремся на эти дурацкие колья, и тогда? .. Хотел бы я посмотреть на вас, директор, как вы сядете на кол?

— Побеспокойтесь лучше о себе, — с горечью отозвался директор. — Нашли время для шуток. Нужно подумать о спасении.

— Но ведь это не в нашей власти, — отозвался Фердинанд.

— Не совсем, — решительно возразил директор. — Нужно только снова начать подъём.

— Да, но как?

— Очень просто — согнать с крыши голубей.

— Понял! — подхватил Фердинанд и, высунувшись из кабины, закричал: — Голубовский, а Голубовский!

Но Голубовский не отзывался.

Тогда принялся кричать директор.

Опять молчание.

Тогда они закричали вместе:

— Го-лу-бов-ский! Го-лу-бов-ский!

Снова никакого ответа. Оказывается, Голубовский уснул на вершине пирамиды и ничего не слышал. Он проснулся только тогда, когда один из примостившихся внизу голубей легонько клюнул его в живот.

— Что случилось? — спросил с досадой Голубовский. — Даже вздремнуть нельзя.

Директор и Фердинанд сразу узнали его голос.

— Голубовский, спасите нас, мы погибнем на кольях для гороха, спасите!

Голубовский покинул свой пост на вершине пирамиды и впорхнул в кабину.

— Что делать? — спросил он.

— Забирайте своих голубей! — крикнули полуживые от страха пассажиры.

— Все с крыши! — крикнул Голубовский, и, послушные приказу, голуби разлетелись в разные стороны.

Кабина подскочила вверх и, набирая скорость, устремилась ввысь, к облакам.

— Помогите нам, Голубовский! — завопили опять директор с Фердинандом. — Мы погибаем в космическом пространстве!

— Что делать? — спросил с готовностью Голубовский.

— Пусть голуби снова сядут на крышу.

— Всем на крышу! — скомандовал Голубовский. — Нет, не всем, пусть на крышу сядет половина. А остальные пусть кружат поблизости.

Часть голубей забралась на крышу, и кабина сразу перестала подниматься. Но и вниз не опускалась. Она просто висела в воздухе.

— Великолепно, — сказал Фердинанд. — Только мы не можем висеть до скончания века в воздухе.

— Не огорчайтесь, дорогой Фердинанд, — сказал Голубовский, — сейчас подует ветер и унесёт нас от этих оцетинившихся кольями полей. Когда мы окажемся над подходящим местом, я велю остальным голубям снова сесть на крышу, и уж тогда-то, я думаю, вы приземлитесь без помех.

— Просто диву даёшься, до чего вы предусмотрительны, — не мог сдержать восхищения директор. — Что касается меня, то я с удовольствием высадился бы в городском парке.

— Почему именно в парке? — поинтересовался Фердинанд.

— Потому что там сегодня выставка собак, которую я собираюсь посетить. В ней принимает участие моя любимая такса Мерседес. Вы не можете себе представить, дорогой Фердинанд, какая это замечательная собака!

— По-моему, «мерседес», — марка автомобиля, — заметил Фердинанд.

— Да что вы! — изумился директор. — Вот никогда бы не подумал, что автомобиль назовут так же, как мою собаку. Впрочем, разве дело в этом?

— Разумеется, нет, — ответил Фердинанд. — Каждый имеет право носить имя, которое ему нравится. Мерседес... Мерседес... Звучит неплохо. Я с удовольствием познакомлюсь с вашей Мерседес.

— Как вы думаете, не высадиться ли нам прямо на выставке? — спросил директор у птиц.

— Надо наладить связь с Ветром, — сказал Голубовский.

— Мы с ним, к сожалению, не знакомы! — воскликнули в один голос директор и Фердинанд.

— О, это не так важно, я попробую поговорить с ним сам, — ободрил путешественников Голубовский и выпорхнул из кабины.

Он пропадал минут пятнадцать, а может, и полчаса. Но вот он появился снова и с улыбкой сообщил:

— Всё в порядке. Ветер обещал поддуть вас к городскому парку.

Теперь осталось только ждать. Ощетинившиеся кольями поля постепенно исчезли из виду, появились леса, луга, река с мостом, затем замелькали домики, потом показались большие дома, снова домики, и вот кабина поплыла, наконец, над парком.

— Вот мы и на месте, — сказал директор.

Голубовский велел всем голубям сесть снова на крышу, и кабина стала опускаться. До их слуха донёсся многоголосый лай. Это все собранные на выставке собаки приветствовали, каждая на свой лад, необыкновенный воздушный корабль.

Х

Кто никогда не был собакой, тот не в состоянии понять, что такое для породистой собаки выставка. Это то, о чём собака мечтает. Это то, что она видит во сне. Это то, о чём

она тайком беспрестанно говорит с другими собаками при встрече на прогулке. Выставка имеет такую же притягательную силу, как бал для молоденькой девушки или игра в футбол для мальчишки, синева моря для глаз, вкус мороженого для нёба.

Кабина благополучно приземлилась на окружённой деревьями лужайке. Под приветственный лай, вой и урчание всех собравшихся на выставке экспонатов Фердинанд с директором спокойно, величественно переступили порог кабины. На их лицах было написано равнодушие, но сердца бешено бились в груди от радости. Что и говорить, приятно после столь необычного путешествия очутиться снова внизу и ощутить под ногами землю.

Фердинанд, который, как мы знаем, ни при каких обстоятельствах не терял хладнокровия, сказал, обратясь к директору:

— Нет ли у вас верёвки?

— Зачем вам верёвка? — спросил директор.

— Верёвка необходима, чтобы привязать кабину к дереву, а то она, чего доброго, улетит без нас.

— Пусть летит куда ей вздумается, я не намерен больше пользоваться её услугами.

— Я тоже. Но ведь кабина — это имущество гостиницы, не так ли?

— Да, конечно.

— А вы директор гостиницы, верно?

— Верно.

— Вот видите. Когда вы вернётесь обратно, в гостинице у вас могут быть неприятности: скажут, что вы не только воспользовались служебным лифтом для частной прогулки за город, но вдобавок ещё позволили кабине летать где ей вздумается. Представляете, как будет выглядеть ваша гостиница без лифта? Кто может поручиться, что, улетев отсюда, кабина вернётся на место?..

— Вы, кажется, правы, — сказал директор и принялся лихорадочно рыться в карманах. — Попробуем привязать её этим шнурком... Ничего другого у меня нет.

Это был шнурок от ботинка. Его проделали в ручку двер-

цы и привязали концы к ветке. С большим трудом удалось затянуть узел.

— Интересно, кому придётся его распутывать? — заметил Фердинанд.

— Мне-то какое дело? — ответил директор. — Пусть распутывает кто хочет. Самое главное, мы её привязали.

Впрочем, утомлённая путешествием кабина не проявляла желания улетать. «Вздремну», — подумала она. Мы знаем, что под деревьями, в тени, всегда хорошо спится.

Директор и Фердинанд, уходя, потрепали кабину по сверкающему боку, как треплют по шее доброго коня, на котором приезжают из далёкого путешествия.

— Пошли посмотреть собак, — сказал директор.

— Пошли! — подхватил Фердинанд.

Не успели они сделать двух шагов, как увидели, что им навстречу мчится небольшая группа людей. Это был выставочный комитет во главе с председателем.

— П-п-п-приветствуем с-с-с-сердечно в-в-в-новью п-п-п-прибывших! — кричал на ходу председатель. Он был заика. И чем больше волновался, тем ощутимей был его недостаток.

— Мы бесконечно благодарны вам за то, что вы оказали нам честь своим высоким посещением! — кричал вице-председатель.

— Вы оказали нам честь своим прибытием! — вопил секретарь.

— Моё почтение, моё почтение, моё почтение! — надрывался казначей.

Фердинанд с директором от изумления разинули рты.

— Почему такая встреча? — пробормотал Фердинанд.

— Такая встреча... — отозвался, как эхо, директор.

— Мы тут случайно... — сказал Фердинанд.

— Мы прилетели посмотреть собачек... — пояснил директор.

— В-в-в-все с-с-с-собаки, — крикнул председатель так громко, что директор и Фердинанд вздрогнули, — в-в-в-в-в-вашем расп-п-п-поряжении! — закончил он со вздохом облегчения.

— Нам надо купить входной билет,— сказал директор.
— Об этом не может быть и речи,— запротестовал казначей,— вы почётные гости.

— Н-н-ник-к-каких билетов! — выдавил из себя председатель.

— И слышать не хотим,— поддержал его вице-председатель.

— Вы нас этим огорчите... — приложив руку к сердцу, заверил их секретарь.

— Да ведь мы только обыкновенные любители собак,— сказал Фердинанд.

— Обыкновенные любители приходят на выставку пешком, а не спускаются с неба,— шепнул вице-председатель председателю.

— Или п-п-п-приезжают на т-т-т-трамвае,— шепнул председатель, подмигнув, вице-председателю. И более громко добавил: — О ч-ч-ч-чём т-т-т-тут г-г-г-говорить! П-п-п-прошу з-з-з-за мной!

В сопровождении членов комитета директор и Фердинанд принялись осматривать выставку.

На главной аллее к каждому дереву привязана была собака с крупным номером на ошейнике. Под этим номером собака была внесена в каталог выставки. Кто интересовался тем, что это за собака, как её зовут, кем были её мама и папа, откуда она родом, сколько ей лет, добрая она или злая, — тот заглядывал в каталог и находил всё, что ему нужно. Рядом с собакой на складном стульчике сидел хозяин или кто-нибудь из его семьи, сменяя хозяина, когда тот, утомясь продолжительным дежурством, отправлялся в ближайший киоск выпить газированной воды с малиновым сиропом. Впрочем, некоторые пили с лимонным, некоторые с апельсиновым. Были и такие, которые требовали вишнёвого сиропа, не говоря уже о чудачках, которые глотали воду без сиропа.

Разве это так важно, кто что пьёт? Ещё бы! Если вы задумаетесь над этим, то вам станет ясно, почему на свете такое количество разных собачьих пород. Один любит воду с вишнёвым сиропом, другой — с малиновым, третий —

с апельсиновым, четвёртый — с лимонным, а пятому подавай воду без сиропа. Так же и с собаками. Один любит овчарок, другой — легавых, третий — боксёров, четвёртый — доберманов, пятый — терьеров и так далее, и так далее... Кажется, вы уже всё поняли...

— Я думаю, лучше всего начать с номера первого, — сказал вице-председатель, которого председатель шёпотом попросил провести гостей по выставке.

— Разумеется! — воскликнул Фердинад. — Мы будем смотреть всё по порядку.

И они очутились перед огромным бульдогом, у которого на ошейнике красовался первый номер.

— Замечательный экземпляр, — сказал вице-председатель. — Собака по кличке Бас. У неё очень низкий голос. Пёс страшно злой. Подходить не советую.

— Очень милая собачка, — сказал Фердинанд и направился к бульдогу, желая его погладить.

— Назад! — крикнул в один голос весь выставочный комитет. — Бас укусит вас.

— Пусть попробует. Вы думаете, я дамся? — тряхнув головой, ответил Фердинанд.

— Вы не очень-то, Фердинанд, — заметил директор.

— Обо мне не беспокойтесь, я знаю, что делаю.

Лежавший без движения бульдог весь ощетинился, поднялся и зарычал. Фердинанд был на расстоянии шага от собаки. Всё внимание бульдога сосредоточилось на Фердинанде: оскалив зубы, он угрожающе рычал.

На губах у Фердинанда блуждала насмешливая улыбка, и вдруг он тоже зарычал. Со стороны могло показаться, что Фердинанд произносит обыкновенное «ррр!». Но если прислушаться повнимательней, можно было понять, что происходит весьма интересный разговор.

— Рррнерррва-рррляй ррррдуррррака! — сказал Фердинанд.

— Рррчто рррты ррриз рррсе-рррбья рррво-ррро-рррбра-ррр-жа-ррраешь! — ответил бульдог.

— Рррцыц, рррма-рррряв-рррка! — ответил ему с достоинством Фердинанд.

- Собака — это великолепно, не правда ли?
- Ты нравишься мне, малыш.
- Помни: костями объедаться нельзя.
- Как дела, фокстерьер?
- Знаете ли вы, что маленькие собаки едят гораздо меньше больших? Забавно, а?
- Привет, пудель! Если ещё встретимся — вот устроим возню...
- До чего же ты хороша, боксёрочка!
- Я считаю, блох надо истреблять всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами.
- Не лови хвост, болоночка, всё равно не поймаешь.
- Если бы я вёл другой образ жизни, я держал бы дома собаку, кто знает, может, и двух.
- Волк, не смотри на меня волком, можно подумать, что у тебя глаза косые.
- До чего ж хороша эта китайская болонка!
- Не чешись при людях!
- Не жила ли твоя мать когда-то в Белостоке?
- Bravo! Bravo!
- Хотел бы я быть овчаркой и пасти в горах стада.
- Вот жизнь!
- Не кажется ли вам, что слишком мало собак знает грамоту?
- Я был знаком с одним сен-бернардом, который весил ровно семьдесят восемь болонок.
- Ну-ка, вытяни лапу! Ой, кажется, ты ленишься делать по утрам зарядку, а?
- Дай я тебя поцелую, прекрасная доbermanка.
- Если б у людей был острее нюх, собакам жилось бы куда лучше.
- Хвост, хвост, мой друг!
- На псарне у французского короля Людовика XII была такая борзая, которая могла гнать одновременно двух зайцев, убежавших в разные стороны.
- Привет, такса!
- Умная собака не твякает про запас, помни это.
- Серый спаниель, ты неотразим.

— Хо-хо-хо!
— Один лучше другого!
— Современная собака не должна бояться самолёта: самолёт не кусается.

И так далее, и так далее...

Сопровождающие Фердинанда члены комитета только рты открывали от изумления. Впервые им пришлось иметь дело с человеком, который знает о собаках абсолютно всё, знает больше, чем они все, вместе взятые.

— Н-н-н-не-в-в-в-вероят-т-тно! — не удержался председатель.

— Может быть, назначить его главным судьёй выставки? — предложил шёпотом вице-председатель.

— Ох, разбирается! Ох, разбирается! — поддакнул скороговоркой казначей.

— П-п-п-предложите ему, п-п-п-пожалуйста, — попросил вполголоса председатель секретаря.

Секретарь подошёл к Фердинанду и сказал:

— От имени комитета мы просим вас дать своё согласие быть главным судьёй на выставке. Через часок мы устроим конкурс на самую красивую собаку. Нам будет очень приятно, если это дело возьмёт в свои руки такой замечательный специалист, как вы.

Фердинанд скромно потупился.

— Что вы, какой я специалист... просто любитель, вот и всё. Дело в том, что я с малых лет люблю собак, мне приходилось часто иметь с ними дело. Не знаю, достоин ли я...

— Трудно представить себе более достойного! — воскликнул секретарь.

— Трудно! — подтвердил вице-председатель.

— Трудно! — поддакнул казначей.

— Т-т-т-трудно! — крикнул после всех председатель, который, впрочем, открыл рот первым.

— Ну что же, не остаётся ничего другого, как принять ваше предложение, — сказал Фердинанд. — Я согласен.

— Bravo! Bravo! Bravo! — закричали наперебой члены комитета.

Когда начался конкурс, Фердинанда усадили на почётное место в специальную ложу. Перед ложей проходили хозяева, ведя на нарядных поводках своих питомцев. Это было одно из самых потрясающих зрелищ, виданных когда-либо Фердинандом. Неподдалёку от ложи гремел оркестр пожарников. То и дело рукоплескала толпа, приветствуя красивых животных.

«Кому присудить первый приз? — Пока Фердинанд смотрел на собачий парад, эта мысль не давала ему покоя. — Не знаю, как выйти из положения. Мне по сердцу все. Я с удовольствием присудил бы первый приз каждой. К сожалению, первый приз только один. Он может достаться только одной собаке. Ужасно! Здесь на этой выставке есть один экспонат, который, безусловно, заслуживает первого приза. Боюсь, никому не придёт в голову, кто это такой. Не могу же я сам предложить свою собственную кандидатуру...»

Фердинанд зажмурился и отдался мечтам. Вот жюри присуждает ему первый приз на выставке расовых собак. Оркестр играет марш под названием «Весёлый пёс». Вот председатель приближается к Фердинанду, подаёт ему руку и говорит: «Поздравляю тебя, Фердинанд», — и привязывает к его ошейнику высшую награду — жёлтую ленточку.

— Хоть бы раз испытать такое! — вздыхает Фердинанд. — Один-единственный раз...

— Эй, Фердинанд, Фердинанд! — слышит он вдруг над самым ухом шёпот и чувствует, что кто-то толкает его в бок. — Не спите, — шепчет ему директор. — Неудобно. Что подумают про вас?

— Я не сплю, — отвечает Фердинанд и открывает глаза. — Я вовсе не сплю. Вот только замечтался на секунду...

— Приятные мечты?

— Такие приятные, что не можете себе представить...

Собачий парад окончился, жюри удалилось на совещание. Председательствовал Фердинанд.

— Друзья мои, — сказал он, открывая совещание. — Мы видели только что великолепный парад великолепней-

ших собак. Нам не просто прийти к решению. Что касается меня, то скажу, положив руку на сердце: я не в состоянии назвать имя той собаки, которая мне больше всего понравилась. Таких собак очень много. Чтоб никого не обидеть, я предлагаю устроить тайное голосование.

Всё жюри было того же мнения. Со всех сторон посыпались возгласы:

— Он прав!

— Верно говорит!

— Единственный выход!

— Голосовать! Голосовать!

— Bravo, главный судья!

— Спасибо, — сказал Фердинанд, когда шум утих. —

Называйте кандидатуры.

— Агава! — крикнул кто-то раньше всех.

— Карампук! — крикнул кто-то другой.

— Зефир!

— Ас!

— Мика!

— Магик!

— Донна!

— Вис!

— Мерседес!

— Дракон!

— Кука!

— Достаточно! — сказал Фердинанд. — Десять кандидатур вполне хватит. При голосовании будет соблюдаться полнейшая тайна.

Члены комитета разбрелись по закоулкам парка и, таясь друг от друга, вписывали имена своих избранных в приготовленные заранее бюллетени.

Победил Магик, которого звали также Магом. Когда Фердинанд подошёл к нему и поздравил его с победой, на глазах у Мага выступили слёзы. Огромный волкодав расплакался, словно малый ребёнок; такого не помнили даже самые старые собаки.

— Поздравляю тебя от всего сердца, — сказал Фердинанд. — Дай лапу.

Маг сел, приподнял левую лапу. Но когда Фердинанд незаметно подмигнул ему правым глазом, он торопливо опустил её и с решительным видом протянул правую.

— Замечательно! — похвалил Мага Фердинанд. — Вижу, ты мыслящий пёс. От имени жюри вручаю тебе первый приз. Кроме медали, получишь два килограмма копчёных рёбер. Съешь сейчас или завернуть?

— Мне хотелось бы взять их домой, — ответил Маг. Говорил он на таком языке, что понять его мог только Фердинанд. — Дома я съем их вместе с женой. Она не смогла прийти на выставку — у неё насморк.

— Я уверен, рёбрышки придутся ей по вкусу, — ответил на том же языке Фердинанд, хорошо знавший все собачьи языки. — Желаю приятного аппетита. До свиданья! Передай привет жене.

Перед закрытием организовали ещё один конкурс. Теперь собакам предстояло выбрать самого симпатичного посетителя. Некоторые знали об этом и старались заранее завоевать сердца собак.

Многие посетители шныряли взад и вперёд по парку и, перебегая от собаки к собаке, подсовывали кому конфетку, кому сосиску, кому пряник, и всё только для того, чтобы снискать расположение собак. Некоторые потратились даже на свиные отбивные.

По знаку председателя все собаки были спущены с поводка. Победителем решили признать того, кто соберёт вокруг себя наибольшее число собак.

Фффффффффъььььььююююююю! — прозвучал свисток председателя.

Все до единой собаки бросились в одну сторону. Они сгрудились под каштаном, где сидел на стуле утомлённый волнениями дня Фердинанд.

XII

Под приветственные возгласы Фердинанду вручили большую золотую медаль. Председатель собственноручно приколот её к лацкану пиджака. Вид у председателя был

— Взять... Но как?

— Может, там есть ещё одна кнопка, которой мы не заметили? Нажмёшь её — и кабина вернётся на место.

— Ах эти кнопки! И слышать о них не хочу! — рассердился директор.

— Что же делать? Ведь нельзя бросить такую вещь на произвол судьбы.

— Не кажется ли вам, что она не стоит ваших забот? — спросил директор, с улыбкой покосившись на Фердинанда.

— Скажу вам откровенно, — не уступал Фердинанд, — я привязался к этой кабине. Она вовлекла нас в такие приключения!..

— Не представляю, что с ней делать!

— Может, погрузим в такси?

— Не войдёт.

— Придумал! — воскликнул Фердинанд. — Поставим её на извозчиью пролётку.

— Как хотите, — ответил директор.

— Поедем с кабиной на извозчике! — крикнул, подпрыгивая от радости, Фердинанд.

— Поедем, но не все, — холодно отозвался директор.

— То есть как «не все»? — опешил Фердинанд.

— Я лично не поеду, — заявил директор. — Не желаю быть посмешищем.

— Чего тут особенного — везти кабину в пролётке?

— Не в том дело, — отрезал директор. — Особенного тут ничего нет, но это несолидно. Солидный человек не может вести себя несолидно. Вы меня понимаете, Фердинанд?

— Понимаю, но не очень, — признался Фердинанд. — Вы боитесь, что над вами станут смеяться...

— Что значит «боитесь»? Я просто уверен в этом. Завтра, стоит мне только высунуть нос на улицу, все мальчишки в городе станут орать:

Кобыла кабину тащит,
Директор глаза таращит.

— Чудный стишок! — не удержался Фердинанд. — Ах, какой чудный! Я готов дать что угодно, только б меня подразнили так на улице...

— Вы считаете это забавным?

— Дорогой мой, это прелестно! Если хотите, можете не ехать, я поеду один.

— Я бы, пожалуй, с вами поехал, — начал оправдываться директор, — но доктор велит мне ходить как можно больше пешком. Мне, знаете ли, нужно двигаться. А сегодня я уже прокатался полдня в этой проклятой кабине. Вы на меня не будете в обиде, дорогой Фердинанд, если я с вами не поеду, не правда ли?

— Конечно, не буду, — ответил Фердинанд, — ведь вы знаете, как я к вам отношусь. Только скажите правду, — и тут голос у Фердинанда дрогнул, — они в самом деле станут так кричать?

— Да, это бывает: если уж прицепятся, так не отстанут.

— А что сделать, чтобы прицепились?

— Надо броситься им в глаза.

— А как броситься в глаза?

— Надо чем-то привлечь их внимание.

— А как привлечь внимание?

— Надо сказать им что-нибудь обидное или...

— Или...

— Или рассмешить их своим нелепым видом.

— Как вы считаете, вид у меня нелепый?

— По-моему, нет.

— А как им покажется? — спросил срывающимся голосом Фердинанд.

— Мне трудно говорить за них, — сказал директор, помедлив. — Но, мне думается, у вас есть некоторые шансы, в особенности если вы поедете в пролётке да ещё с кабиной... Ха-ха-ха, это действительно будет смешно...

— Большое вам спасибо! — перебил директора Фердинанд и стал трясти ему руку. — Спасибо, что вы смеётесь. Теперь не сомневаюсь: они тоже будут смеяться.

— Очень может быть, ха-ха-ха...

- Мне удастся обратить на себя их внимание.
— Не исключено, ха-ха-ха!
— Я брошусь им в глаза.
— Весьма вероятно, ха-ха-ха!
— И они ко мне прицепятся...
— От души вам этого желаю, раз вам так хочется, ха-ха-ха!
— А если уж не прицепятся, так побегут следом и будут кричать:

Кобыла кабину тащит,
Глаза Фердинанд тарашит!

- Да, тогда уж будут кричать, ха-ха-ха!
— Вы не представляете себе, как мне хочется, чтоб они так кричали!

— Ха-ха-ха-ха-ха! — смеялся директор. — Желаю успеха. Наймите пролётку, а я тем временем прогуляюсь. Мы встретимся в гостинице. До свиданья! Мерседес, ко мне! — позвал директор свою любимую таксу. — Не огорчайся, что тебе не удалось получить приз, — сказал он таксе, — тебе повезёт на следующей выставке.

Директор и Мерседес исчезли уже за деревьями, и тут только Фердинанд вспомнил, что у него нет ни гроша!

— Пан директор, пан директор! — завопил что было мочи Фердинанд и в несколько прыжков нагнал директора. — Дайте мне денег на извозчика. У меня есть, правда, золотая медаль, но у него может не оказаться мелких медалек, чтобы дать мне сдачи...

XIII

Фердинанд отправился искать пролётку.

Это оказалось делом нелёгким. С каждым годом пролёток на свете становится всё меньше и меньше. Они прячутся в старых, обветшалых сараях, и, видимо, надалёк тот день, когда им не захочется больше выезжать в город. Всё неуютней чувствуют они себя среди автобусов, машин и мотоциклов. «Куда спешить?» — ворчат себе под нос про-

лётки в такт размеренному стуку конских копыт — цок-цок-цок-цок-цок...

К счастью, около парка стояла одинокая пролётка.

Извозчик безмятежно храпел на козлах, надвинув на глаза чёрный цилиндр, а лошадь, спрятав морду в мешок, неторопливо ела овёс.

— Послушайте-ка... — сказал Фердинанд.

Извозчик даже не шелохнулся.

— Послушайте... — сказал Фердинанд громче.

Извозчик как ни в чём не бывало продолжал храпеть.

! — Послушайте! — крикнул Фердинанд.

Извозчик и тут не проснулся.

И только когда Фердинанд влез на козлы и заорал в самое ухо: «Послушайте!», извозчик открыл сперва один глаз, потом другой, потом сдвинул на затылок цилиндр, взглянул на Фердинанда и спросил хриплым голосом:

— Чего?

— Вы меня повезёте? — спросил Фердинанд.

— Почему же не повезти? — ответил извозчик. — Вот только сниму с лошади эту штуку и поедем. Садитесь.

Извозчик слез с козел, протёр глаза, снял с лошадиной морды мешок и взнуздal её.

— Ехать-то куда? — спросил он, вскарабкавшись на козлы и беря в руки кнут.

— В парк, — ответил Фердинанд. — Надо взять там одну вещь.

— Наверно, вашу мамашу, — сказал, не повернув головы, извозчик. — Но, па-ашёл!

Пролётка тронулась.

— Не угадали, — ответил с улыбкой Фердинанд. — Мы поедем не за мамой.

— Ну так за бабушкой...

— И не за бабушкой.

— Ну так за тёткой...

— И не за тёткой.

— Ну за чемоданом или за сундуком...

— И не за чемоданом, и не за сундуком.

— Может, за бочкой пива?.. — спросил извозчик,

и глаза у него загорелись, потому что он очень любил пиво.

— И не за бочкой пива.

— Знаете, это уже интересно, — сказал извозчик. — Что вы собираетесь вывезти из парка? Розы?

— Нет, не розы.

— Может, скамейку?

— Нет, не скамейку.

— Не отгадать, — прохрипел извозчик.

— Я помогу вам, — сказал Фердинанд, — это начинается на «к».

— Куст?

— Нет.

— Карусель?

— Нет. Карусель к вам в пролётку не поместится. Там есть ещё «б» и «а».

— Клумба? — спросил с победоносным видом извозчик.

— Нужно забрать кабину от лифта. Вы не знаете, что такое лифт? Это такой ящик, который ходит вверх и вниз между этажами.

— Да нет, — сказал извозчик, — я знаю, что такое лифт. Только зачем его брать в пролётку?

— Это маленькая кабина, — сказал Фердинанд. — Всего на двоих... Самое большее на троих... Мы погрузим её сзади, а я сяду рядом с вами.

— Да где она?

— В парке, я привязал её к дереву.

— Привязали?

— Чтоб не улетела.

— Она что же, летает?

— Ещё как!

— Вот тебе нá! Просто не верится. Но-о!

Цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок...

Они подъехали к дереву, к которому была привязана кабина.

Фердинанд спрыгнул с пролётки, потрепал кабину по сверкающему боку и распутал шнурок.

— Помогите-ка мне! — крикнул он извозчику.

Шумно дыша и постанывая от натуги, они уместили кабину на заднее сиденье.

— Только, пожалуйста, без глупостей, — сказал Фердинанд кабине. — Не вздумай улетать. Мы возвращаемся домой.

Но кабина и не собиралась улетать. Она была очень довольна, что возвращается в гостиницу, да вдобавок, словно важная барыня, прокатится ещё в пролётке по всему городу.

Фердинанд уместился на козлах рядом с извозчиком.

— Дайте мне вожжи, ну хотя бы кнут... — попросил он умоляющим голосом.

— Берите и правьте, — сказал извозчик.

Фердинанд взял вожжи, махнул кнутом и крикнул:

— Лошадка, но-о!

Цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок...

Когда въехали в город, Фердинанд отдал вожжи извозчику, а сам, крутясь на сиденье, принялся озираться по сторонам.

— Кого вы ищете? — спросил извозчик.

— Смотрю, нет ли где мальчишек-озорников.

— Боитесь?

— Ничего подобного. Хочу выяснить, не собираются ли они меня дразнить.

— Раз не дразнят, значит, всё в порядке.

— Не очень-то, — с досадой возразил Фердинанд. — Мне как раз хочется, чтоб они меня дразнили. Понимаете?

— Тогда надо, чтоб они к вам прицепились. Видите? Вон там за углом стоит парочка.

— Умоляю, — сказал Фердинанд, — подъедем ближе.

Цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок...

Пролётка проехала под самым носом у мальчишек, но те даже головы не повернули.

— Остановитесь, пожалуйста, — попросил Фердинанд. Он был близок к отчаянию.

Фердинанд соскочил с пролётки, подбежал к озорникам и спросил:

— Почему вы меня не дразните?

— Неохота, — ответил один из них.

— Может, всё-таки передумаете? — грозно спросил Фердинанд и оскалил зубы.

Мальчишкам стало не по себе.

— Как прикажете вас дразнить? — вежливо спросил другой мальчишка.

— Хотелось бы, чтоб вы кричали мне вслед:

Кобыла кабину тащит,
Глаза Фердинанд таращит.

— Стишок ничего, — сказали мальчишки. — Мы можем... Почему бы нет? А когда начинать?

— Сейчас. Живо! Бегите следом и кричите во всё горло. Не будете кричать — пеняйте на себя: так покусаю, что долго меня не забудете.

И Фердинанд вскочил на козлы. Пролётка тронулась.

Цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок...

Люди распахивали окна, выбегали на балконы, оставались на тротуарах и с изумлением смотрели вслед пролётке, на которой везли кабину от лифта. Спереди на козлах сидели блаженно улыбающийся Фердинанд и извозчик, время от времени равнодушно щёлкавший кнутом.

За пролёткой бежала толпа сорванцов, оравших во всё горло:

Кобыла кабину тащит,
Глаза Фердинанд таращит.

XIV

Так доехали они до гостиницы «Под весёлым драконом». Стоило кабине увидеть знакомый дом, как она прыгнула с пролётки и очутилась на своём месте, внизу под лестницей. Жизнь в гостинице сразу закипела. Все страшно обрадовались — и портье, и горничные; но больше всего были довольны приезжие, которых поселили в верхних этажах. Что и говорить: гостиница без лифта — всё равно что стол без ножек, хлеб без масла, чай без саха-

ра, ваза без цветов, пианино без клавиш, газированная вода без газа.

Фердинанд принял ванну и немедленно отправился в постель. Он был так утомлён дневными приключениями, что мгновенно заснул. На улице тем временем пошёл дождь.

В первый день на землю падали только редкие капли, которые по временам ветер смахивал с пробегающей тучки.

Выглядело это примерно так :

кап
кап кап
кап кап
кап кап кап
кап
кап кап

На другой день ветер пригнал ещё несколько туч, и дождь пошёл сильнее :

кап кап кап кап кап
кап кап кап кап
кап кап кап кап кап
кап кап кап кап
кап кап кап кап кап

На третий день ветер подул слева :

кап кап кап кап
кап кап кап кап
кап кап кап кап
кап кап кап кап
кап кап кап кап

На четвёртый день ветер переменился и подул справа :

кап кап кап кап
кап кап кап кап
кап кап кап кап
кап кап кап кап
кап кап кап кап

На пятый день Фердинанд перевернулся на другой бок.

Дождь лил вовсю. Большие капли попеременно с маленькими барабанили по крыше:

кап КАП кап КАП
 КАП кап КАП кап
кап КАП кап КАП
 КАП кап КАП кап
кап КАП кап КАП
 КАП кап КАП кап
кап КАП кап КАП
 КАП кап КАП кап

А на шестой день туча обрушила весь запас воды на землю. Хлестал ливень.

КАП КАП КАП КАП КАП
КАП КАП КАП КАП КАП
КАП КАП КАП КАП КАП
КАП КАП КАП КАП КАП
КАП КАП КАП КАП КАП
КАП КАП КАП КАП КАП
КАП КАП КАП КАП КАП
КАП КАП КАП КАП КАП
КАП КАП КАП КАП КАП
КАП КАП КАП КАП КАП

Мы знаем, что во время дождя сон бывает самым крепким. Ни одна колыбельная песня не убаюкивает так, как монотонный шум дождя. Фердинанд проспал бы, наверно, ещё очень долго, может, неделю, две, а может, даже и три, если б не появилась мохнатая серая туча, из которой посыпался град:

бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум

БУМ БУМ БУМ БУМ БУМ
БУМ БУМ БУМ БУМ БУМ
БУМ БУМ БУМ БУМ БУМ
БУМ БУМ БУМ БУМ БУМ
БУМ БУМ БУМ БУМ БУМ

Фердинанда разбудил сильный стук в окно.

— Кто там? — спросил он сонным голосом.

Ответа не последовало.

— Кто смеет будить меня, когда я сладко сплю?! — в исповстве завопил Фердинанд.

И опять нет ответа. Только кто-то продолжал барабанить по стеклу.

Фердинанд протёр глаза, посмотрел в окно и понял, что его разбудил град.

— Ничего не поделаешь, — зевая, сказал Фердинанд, — придётся вставать.

Он нажал на звонок. В номере появилась горничная.

— Добрый день, — сказала она, — как вам спалось?

— Прекрасно, — ответил Фердинанд.

— В нашей гостинице никто ещё так долго не спал.

— Что вы говорите? Значит, я поставил рекорд гостиницы?

— Один скрипач после концерта проспал двое суток.

— Вот так соня!

— Но уж не такой, как вы.

— Не такой, как я? — удивился Фердинанд.

— Конечно. Вы проспали целую неделю!

— Что?!

— Да-да, ровно неделю.

— Быть не может!

— Очень даже может. Поздравляю, за вами рекорд.

— Ну что ж, тогда принесите мне завтрак, — сказал Фердинанд. — За все семь дней!

Горничная схватила за голову и выбежала из номера. Прежде чем она появилась снова, Фердинанд успел умыться и одеться.

— Вот вам четырнадцать яиц всмятку, двадцать одна булочка, семь стаканов молока, семь чашек чая, кусок масла и банка с джемом, — сказала она. — А вот счёт.

— Какой счёт? — спросил встревоженный Фердинанд.

— Счёт за номер и завтрак, — объяснила горничная.

— Положите его, пожалуйста, вот сюда, я займусь им позже, — сказал Фердинанд таким тоном, точно карманы у него были набиты деньгами.

— Приятного аппетита, — сказала горничная и вышла. Фердинанд принялся за еду.

«Сперва надо поесть, — подумал он, — а потом мы решим, как быть со счётом...»

Вы можете мне не поверить, но, клянусь, это правда. Фердинанд съел всё до последнего кусочка.

— Ну-ка посмотрим, что за счёт, — рассуждал сам с собой Фердинанд, вылизывая банку с джемом. — Что?! Семьсот двадцать шесть злотых восемьдесят грошей?! И это требуют с меня?! С меня?! Друга директора?! Рекордсмена гостиницы «Под весёлым драконом»? Да ведь у меня нет ни гроша!

Он подошёл к окну, распахнул его, глянул вниз.

— Высоко! Бр-рр! Что делать?

Град прекратился. Фердинанд мгновенно принял решение: скинул с себя костюм и остался в чём мать родила. Всю одежду он связал в узелок, выбросил в окно и проследил за его полётом.

Прекрасно! Узелок упал на газончик на другой стороне улицы, как раз напротив гостиницы.

Фердинанд зажмурился, потом открыл глаза и, в последний раз окинув взглядом свой номер, на четвереньках выбежал в коридор. Спустился по лестнице в холл.

Для очистки совести он подбежал к стойке, за которой восседал портье, и, встав на задние лапы, забормотал:

— Разрешите узнать, разрешите узнать...

Возмущённый портье вскочил со стула.

— Пшёл вон! — крикнул он. — Живо!..

— Не хотите, не надо, — гордо ответил Фердинанд и устремился к выходу. — Собираешься всё уладить, — пробормотал он уже на улице, — тебе возражают. Навязываться не стану.

Он разыскал на газоне между астрами узелок и с узелком в зубах забежал в безлюдный двор по соседству. Немного погодя из ворот вышел мужчина и смешался с толпой.

XV

Как это часто бывает, после ненастья установилась хорошая погода. Шагая по улице, Фердинанд весело насвистывал:

— Фью-фью, какой чудесный день, фью-фью-фью... Солнышко пригревает, фью-фью... Все такие весёлые, фью-фью-фью... И я тоже весёлый, фью-фью-фью... Что же мне теперь делать, фью-фью-фью? Стоит ли думать о таких пустяках? Чувствую я себя прекрасно, фью-фью... Что будет потом — увидим, фью-фью... Стоит ли, впрочем, волноваться? Фью, фьюююююююю!

Но в большом городе без дела не останешься.

Фердинанд, сам того не заметив, стал осматривать его

достопримечательности. Сначала он зашёл в один музей, потом в другой, в третий, потом постоял перед четвёртым, но заходить не стал, потому что надоело.

Тогда он занялся памятниками. Он осмотрел их по очереди:

памятник бургомистру,

памятник генералу,

памятник музыканту,

памятник поэту,

памятник королю,

памятник королеве

и прочие памятники, среди которых было два конных.

«Почему так много лошадей на памятниках? — подумал Фердинанд. — Где ж справедливость? Почему ни одному скульптору до сих пор не пришло в голову посадить короля верхом на собаку? Думаю, что это выглядело бы не хуже. Собака — животное благородное, собака преданней, чем лошадь. Кто когда видел, чтоб лошадь спала в одной постели с человеком? А собака спит. Мне известно множество таких случаев. А вот про лошадь я никогда ничего подобного не слышал. И мой отец не слышал, и мой дед, и мой прадед, никто, никто не слышал».

Когда Фердинанд осмотрел все памятники, его внимание привлекли уличные весы, на которых взвешивались прохожие. Захватывающее зрелище! Они становились на небольшую платформу. Стрелка на шкале стремительно неслась вперёд. И замирала против какой-нибудь цифры. Эта цифра означала вес.

Фердинанду страшно захотелось взвеситься. Он забрался на весы после какой-то полной дамы. Подождал — ничего. Подпрыгнул — опять ничего. Поднял вверх одну ногу — ничего. Поднял другую — ничего. Встал боком — ничего. Стрелка даже не дрогнула.

Тогда он сошёл с весов и попробовал ещё раз.

«Может, я неправильно встал на весы, — подумал он, — может, надо становиться с левой ноги, а не с правой?»

Увы, левая нога не помогла тоже. Разволновавшись,

Фердинанд стал подпрыгивать всё выше и выше. Но упрямая стрелка не хотела ни за что сдвинуться с места.

Вокруг собралась толпа.

— Опять, наверно, испортились, — сказал мужчина в зелёном пиджаке, — они всё время портятся.

— Вы станьте подальше от края, — добродушно посоветовала пожилая женщина.

— Зачем становиться подальше от края? — зашепелявил продавец мороженого. — Это не поможет, нужно встать ближе к краю. Это каждый мальчишка знает...

— Лучше всего подпрыгнуть три раза, — сказал кто-то басом.

— Почему не четыре? — пропищала женщина с зонтиком.

— Да стоит ли взвешиваться? — обратился к Фердинанду мужчина в чёрной шляпе. — Всё равно свой вес не узнаете. Здесь все весы показывают по-разному.

Фердинанд совсем растерялся. Каждый советовал своё. В конце концов послышался чей-то голос:

— А пятьдесят грошей вы бросили?

— Какие ещё пятьдесят грошей? — спросил изумлённый Фердинанд.

— То есть как «какие»? Обыкновенные, польские.

— А куда их бросать? — спросил, заикаясь от смущения Фердинанд.

— Сюда, вот в эту щёлку.

— Не бросил, — чистосердечно признался Фердинанд.

— У него, наверно, нет мелочи... — сочувственно загалдели вокруг. — Вам нужно пойти и разменять.

— Действительно, — сказал Фердинанд, — совсем из головы вон... Ведь у меня нет мелочи. («Крупных, впрочем, тоже», — добавил он про себя.) Простите, пожалуйста. Позвольте, пожалуйста, пройти, я сейчас разменяю.

С проворством, которого от него, очевидно, не ожидали, Фердинанд спрыгнул с весов и прошмыгнул сквозь толпу. Он был уже на другом конце города, а зеваки всё ещё стояли вокруг весов и, удивляясь, говорили друг другу: «Чего он так долго копаётся? Куда это он пропал?..»

А Фердинанд шёл по улице, насвистывал и думал: «Фью-фью, теперь я знаю, как обращаться с этими весами. Надо только, чтоб у тебя было пятьдесят грошей, фью-фью-фью... Странно всё-таки... Есть у меня золотая медаль, а вот пятидесяти грошей нету... Забавно...»

Вдруг Фердинанд заметил что-то на тротуаре. Что-то блестящее. Он нагнулся, точным, едва уловимым движением поднял сверкающий предмет.

«Фью-фью, интересно, что это такое?» — подумал Фердинанд, как ни в чём не бывало продолжая свой путь.

Глянул — и чуть не сошёл с ума от радости. Это были пятьдесят грошей.

Фердинанд тотчас помчался к ближайшим весам, встал на них, бросил в щёлку свою единственную, чудом найденную монетку и с наслаждением, которое невозможно передать словами, стал наблюдать за стрелкой, понёсшейся вперёд по делениям.

— Приличный вес, — буркнул Фердинанд, не без сожаления покидая весы. — Не назовёшь меня заморышем, да и не скажешь, что толстяк. Вешу ровно столько, сколько надо. Интересно, фью-фью-фью, как это получится на других весах? Не мешало бы, фью-фью, проверить. Оказывается, люди теряют деньги. Попробуем-ка мы их, фью-фью-фью, отыскивать.

И, устремив глаза к земле, Фердинанд принялся кружить по улицам города. С каждым шагом он пригибался всё ниже и ниже, и сам того не заметил, как побежал на четвереньках, припадая мордой к земле.

Стоило ему найти пятьдесят грошей, как он мчался опрометью к весам, бросал в отверстие монету и с замиранием следил за стрелкой. В зависимости от того, что показывала стрелка, слышался его огорчённый или торжествующий крик:

— Похудел!!!

Или:

— Пополнел!!!

Перебегая так от весов к весам, Фердинанд добрался до вокзала. На вокзале, как всюду на вокзалах, была сума-тоха и сутолока. Все куда-то спешили. Носильщики таскали чемоданы, в кассе продавали билеты, в киосках можно было купить газету, а в буфете — напиток лимонаду. При входе на перрон стояли контролёры и специальными щипчиками пробивали дырки на билетах. Фердинанду это очень понравилось.

«Вот бы достать такие щипчики! — подумал он. — Наверно, это очень приятно — дежурить и пробивать дырки на билетах. Пробивать, пробивать...»

Потом Фердинанд постоял перед камерой хранения. Наблюдал, как приезжие сдают багаж, чтоб не таскаться с ним по городу. На чемоданы наклеивают ярлык с номером; пассажиру выдают квитанцию, удостоверяющую, что он сдал багаж; чемодан ставят на полку, где он спокойно дожидается возвращения хозяина.

Фердинанд почувствовал вдруг, что он очень устал, и в голове у него зародилась идея.

— Может быть, сдать самого себя в камеру хранения? — стал размышлять вслух Фердинанд. — Я утомился, дел у меня никаких нет. Пусть положат на полку, наклеют на бок ярлык, по крайней мере выплусь.

Фердинанд обратился к служащему:

— Мне хотелось бы сдать вам кое-что на хранение.

— Пожалуйста, — с вежливой улыбкой ответил служащий. — Где же ваш багаж? При вас ничего нет.

— Не о багаже речь, — доверительным тоном сказал Фердинанд.

— О-о? — удивился служащий. — Что же вы тогда хотите сдать?

Тут Фердинанд разлёгся во всю длину на стойке скромно ответил:

— Себя.

Служащий сдвинул очки на лоб, затем снял их, протёр стёкла платком и вновь нацепил на нос.

BAGAŽ

000000 000000 0000 1000
0000000000000000 1000

— Я вас не совсем понял...

— Мне хотелось бы сдать на хранение себя лично... — пояснил Фердинанд и посмотрел долгим взглядом в глаза служащему.

— Себя?!

— Да.

— Вы шутите...

— Ничего подобного! — воскликнул Фердинанд и ударил себя лапой в грудь в знак того, что говорит сущую правду.

— К сожалению, это невозможно, — ответил служащий.

— Почему невозможно? Ведь принимаете же вы на хранение сундуки, чемоданы, корзины и прочие вещи? Неужели нельзя считать меня багажом? Я очень устал, мне хочется спать.

— Увы! — сказал служащий. — Я не могу вас принять. Мы не принимаем на хранение людей.

При этих словах Фердинанд спрыгнул со стойки.

— Дорогой мой! — воскликнул он. — Милейший! Повторите, пожалуйста, то что вы сказали.

— Людей на хранение мы не принимаем, — равнодушно повторил служащий.

— Ещё, ещё! — умоляющим голосом просил Фердинанд.

— Мы не принимаем на хранение людей.

— Ах, как это звучит! — наслаждался Фердинанд. — Можно вас попросить повторить ещё раз?

Служащий косо взглянул на Фердинанда, как смотрят на тех, у кого неопасное помешательство. Однако собеседник показался ему человеком симпатичным, и он, желая поскорей кончить этот разговор, повторил ещё раз:

— Мы не принимаем на хранение людей.

— Чудесно! Чудесно! — твердил Фердинанд. — Повторите хотя бы последнее слово!

— Людей.

— Ещё!

— Людей.

— Ещё!

— Людей!!! — рявкнул рассерженный служащий и умолк.

Вне себя от счастья Фердинанд, пятясь, уходил. При каждом шаге он кланялся и повторял:

— Большое вам спасибо... Большое вам спасибо...

Фердинанд принялся бродить по вокзалу, примеряясь, в каком закоулке удобней выспаться.

— Как мне быть? — рассуждал вслух Фердинанд. — Не мешало бы вздремнуть... Но где?

Вероятно, он говорил слишком громко, потому что над самым его ухом раздался вдруг противный хриплый голос:

— Если вам хочется, так сказать, выспаться, то нет ничего лучше, как забраться в вагон, который стоит, так сказать, на запасном пути.

— Кто вы такой? — спросил Фердинанд у хриплого голоса.

— Я, так сказать, добрый человек, который всегда рад оказать ближнему, так сказать, услугу. Вы не возражаете?

Добрый человек выглядел весьма подозрительно: кепка надвинута на глаза, руки засунуты в брюки. Но Фердинанд так устал, что ему было всё равно.

— Пожалуйста, — вежливо ответил он. — Я вот только не знаю, как пройти на запасной путь.

— О, это несложно. Я проведу вас.

— Вы очень любезны, — сказал Фердинанд.

— Такой уж я с малых лет. Разве можно, так сказать, не помочь человеку в затруднительном положении, а?

«И этот тоже про человека», — не без самодовольства подумал Фердинанд и сказал:

— Ну разумеется, все должны помогать друг другу: мы людям, а люди нам.

— Это вы правильно, так сказать, подметили, — ответил Фердинанду хриплый голос. — Пойдёмте.

— Пойдёмте, — весело отозвался Фердинанд.

Они долго шли сперва по перрону, потом по шпалам, пока наконец не разыскали вагоны на запасном пути.

Неизвестный в кепке распахнул перед Фердинандом дверь и сказал:

— Милости просим.

— Благодарю, — ответил Фердинанд, вскакивая в купе. Следом за ним вошёл провожатый.

— Можете тут спать, так сказать, сколько угодно.

— А эти вагоны никуда не уедут?

— Вы здесь можете спать, так сказать, совершенно спокойно. Только скажите, как долго вы собираетесь спать?

— Дово-о-ольно до-о-о-олго, — ответил, зевая, Фердинанд. — Я здорово устал.

— Очень хорошо, очень хорошо, — удовлетворённо ответил хрипый голос. — Если что-нибудь, так сказать, случится, я вас разбужу. Спите спокойно. — И, хлопнув дверью, он вышел из вагона.

Фердинанд разлёгся на мягких подушках — ему по-

везло, он попал в вагон первого класса — и мгновенно уснул. Его усыпили голоса громкоговорителей.

— Пассажирский поезд до такого-то города отправляется со второго пути...

— Экспресс до такого-то города отправляется в девять двадцать...

— Электропоезд из такого-то города опаздывает на три минуты...

— Скорый поезд до такого-то города, посадка окончена, закрыть двери...

Тем временем в тёмном закоулке между составами тип в кепке хриплым голосом сговаривался с другим таким же типом, тоже в кепке и тоже говорившим хриплым голосом.

— Всё в порядке, — говорил первый. — Он уже дрыхнет. Я ему сказал, что спать можно сколько угодно...

— Как он выглядит? — допытывался второй.

— С виду человек состоятельный.

— Замечательно! — сказал второй, потирая руки. — Очень люблю состоятельных.

— Эти вагоны прицепят сейчас к поезду, — сказал первый. — Мы заберёмся в это же самое купе, будто знать ничего не знаем...

— И когда поезд войдёт в тоннель...

— Вот именно, когда войдёт в тоннель, мы...

Две кепки приблизились друг к другу, два хриплых голоса что-то зашептали одновременно.

XVII

Наступил вечер. Стало смеркаться. В темноте то здесь, то там вспыхивали огни.

Больше всего огней бывает на вокзале. Точно все лампочки сбежались в одно место и устроили состязание — кто кого пересветит.

Интереснее всего вечером на путях и на перронах. В темноте разноцветные огни выглядят на редкость нарядно — красные, зелёные, жёлтые, синие... Их так много на каждой станции.

В вышине, над путями, подмигивая машинистам, пылают яркие глаза семафоров. Моргнёт зелёный — можно ехать дальше, никакой опасности, путь свободен. Зато когда с вышины семафора моргнёт красный, это значит: как бы ни спешил машинист, надо подождать, пока красный глаз не погаснет и вместо него вспыхнет другой глаз — дружеский, зелёный. Впрочем, красный глаз тоже по-своему красив и тоже нужен, хотя может показаться, будто он только мешает движению. Но если бы не было красного глаза, поезда сталкивались бы друг с другом, происходили бы катастрофы. . .

Смотреть на разноцветные мигающие огни очень приятно; и я уверен, что Фердинанд, если бы его не сморил сон, только бы и делал, что смотрел, смотрел, смотрел, смотрел, смотрел, смотрел и не мог бы насмотреться. . .

Лампочки светили, семафоры подмигивали, а тем временем вагон со спящим Фердинандом прицепили к какому-то поезду. На перроне появился дежурный помощник и, давая сигнал к отправлению, поднял вверх зелёный фонарик. Паровоз загудел, застонал от натуги, и поезд тронулся в далёкий путь. В последнюю минуту в вагон, где спал Фердинанд, вскочили на ходу две тени в надвинутых на лоб кепках.

— Этот вагон?

— Этот.

— Здесь он?

— Здесь.

— Спит? .

— Спит.

— Храпит?

— Храпит.

— Один?

— Один.

— Самое главное, чтоб в это купе больше никто не сел, — сказала одна из теней хриплым голосом.

— Не беспокойся, — ответила ей другая. — Мы закроем дверь и никого больше не пустим.

— Будут стучать, — сказала первая тень.

— Ну и пусть стучат, — отозвалась вторая. — Мы прикинемся, будто спим.

— Что ж, давай ложиться. Спокойной ночи.

Один устроился в одном углу, другой — в другом. В третьем углу спал Фердинанд. Четвёртый угол купе был свободен.

Когда поезд, миновав освещённый перрон, оказался в открытом поле, стало совсем темно, только светились узкие щёлки глаз под козырьками надвинутых на лоб кепок. Время от времени блики пронесшихся мимо фонарей озаряли на секунду купе, и тогда две пары глаз впивались в спящего Фердинанда и хриплые голоса шептали друг другу:

— Шляпа у него будь здоров...

— Смотри, какие брюки...

— Галстук тоже ничего...

— Очень мне нравится его рубашка...

— А ботинки...

— Как раз мой размер...

— Тебе они будут малы...

— Говорю тебе, в самый раз...

— Не ори, разбудишь. Ботинки будут мои...

— Ты в таких ботинках и ходить-то не умеешь...

— А вот увидишь.

Фердинанд глубоко вздохнул в своём углу и шевельнулся. Четыре щёлки мгновенно сомкнулись, и вновь наступила тишина.

Мимо одна за другой проносились станции. Приближаясь к ним, поезд громыхал на стрелках, колёса вагонов тараторили в спешке: «Как живёте? Как живёте?» — и проносились дальше.

— Интересно, — отозвалась вскоре одна из теней, — есть ли у него при себе деньги?

— Да уж наверно есть.

— Почему ты так думаешь?

— У таких всегда есть.

— А часы?

— Конечно, есть.

— Часов-то не видно.

— Карманные, кто ж их на руке носит?

— Карманные часы, — тут шёпот стал настолько тих, что слова едва можно было различить, — бывают чаще всего золотые. Дай-ка погляжу.

— Не смей! — тоном приказа остановил его другой. — Всё испортишь. Сейчас будет тоннель...

— Я пощупаю сквозь пиджак...

— Говорю, не смей! Начнём в тоннеле.

В наступившей тишине слышался только стук колёс. Упрямо, монотонно перекликались они между собой.

И вдруг совсем иначе заговорили колёса паровоза. Потом по-другому заговорили колёса почтового вагона, который мчался следом за ним. Потом колёса багажного вагона, который мчался следом за почтовым. Потом колёса первого пассажирского вагона. Потом колёса второго. Потом третьего. Потом колёса всех вагонов заговорили так, словно у них пропал вдруг голос и они осипли.

Поезд вошёл в тоннель.

Грабители сразу очутились возле Фердинанда. Быстро и ловко принялись они снимать с него одежду.

— Сперва шляпу, — слышался шёпот, — чтоб не мешала.

— Готово.

— Теперь ботинки.

— Готово.

— Теперь галстук.

— Готово.

— Теперь пиджак.

— Готово.

— Теперь жилет.

— Готово.

— Теперь рубашку.

— Готово.

— Теперь брюки.

— Сейчас, сейчас. Готово.

— Всё?

— Всё.

— Ну, теперь — ходу!

— Минуточку, — сказал Фердинанд, который давно не спал и чувствовал, что его раздевают. — Минуточку!!! Не спешите!!! Давайте-ка побеседуем.

И залаял так ужасно, как не лаяла ещё ни одна собака на свете.

У незнакомцев в кепках подкосились ноги от страха. Они побросали одежду Фердинанда и попытались, воспользовавшись темнотой, удрать из купе.

Но Фердинанд оказался проворнее. Он вскочил и схватил за ухо сперва одного, потом другого. Он сделал это так ловко, что прихватил каждое ухо с одной стороны.

Слева от него болталась теперь одна кепка, справа — другая.

Зажав в зубах уши грабителей, Фердинанд, конечно, уже не мог говорить, он мог только рычать от ярости, и в рычании смутно слышались слова :

— Ахрр вырр ворр-ришкиррр, зарр-дуррр-марр-лирр мерр-нярр огрр-рарр-битърр, ярр вамрр порр-карр-журр! Тоннель как раз кончился. Приближалась станция. Поезд замедлил ход и, тяжело дыша, утомлённый, остановился. Фердинанд, не разжимая зубов, высунулся в окошко.

— Но-рр-силь-рр-щик-рр! — крикнул Фердинанд.

Но ни один из носильщиков не обратил на него внимания.

— Но-рр-силь-рр-щик-рр! — крикнул Фердинанд ещё раз.

И опять ничего не вышло. Носильщики сновали взад и вперёд по перрону, но ни один из них даже не взглянул на Фердинанда.

— Но-рр-силь-рр-щик-ррррр! — повторил ещё раз Фердинанд.

К счастью, крик услышал какой-то старичок. Он остановился и прислушался.

— Вы, кажется, звали носильщика? — сказал старичок. — У вас, верно, насморк?

Фердинанд мотнул головой — дескать, у меня не насморк, и только тут старичок заметил болтающиеся в разные стороны головы воришек.

— Ага, — сказал он, — понятно.

И он подозвал двух дюжих носильщиков. Один из них схватил одного вора, другой — другого. Воры до того струсили, что идти сами были не в состоянии. Между двумя носильщиками, раздетый, с одеждой под мышкой, как с вещественным доказательством, шёл Фердинанд и грозно скалил зубы — он опасался, что один из воришек может вдруг дать тягу.

— В комиссариат! — приказал Фердинанд.

XVIII

— Фамилия? — спросил у Фердинанда комиссар.

— Великолепный, — ответил Фердинанд.

— Имя?

— Фердинанд.

— Возраст?

Фердинанд не знал, что ответить. Сказать правду — комиссару это может показаться подозрительным, прибавить года — значит, во-первых, соврать, во-вторых, красиво ли это, когда посторонние думают, что ты старше, чем ты есть на самом деле?

— Возраст? — повторил комиссар.

Голос у него был строгий, усы — грозные. Он ещё ни разу не взглянул на Фердинанда. Он задавал вопросы и тут же, не отрывая глаз от стола, делал пометки на бланке.

Фердинанда меж тем пробрал озноб.

— Брумбумпять! — выпалил Фердинанд, потому что молчать становилось невозможным.

— Прекрасно, — сказал комиссар, не обратив ни малейшего внимания на странную цифру, которую назвал Фердинанд. — У вас ничего не пропало?

— Ничего.

— Были при вас какие-нибудь ценности?

— Нет, — машинально ответил Фердинанд и вдруг вспомнил про медаль. — Простите, пожалуйста, я забыл про одну вещь. Да, при мне были ценности...

— Что это было? — спросил комиссар, ни на секунду не прекращая писать.

— Медаль, — ответил Фердинанд, — золотая медаль.

— Это была лично ваша медаль?

— Да, это была лично моя медаль.

— Можно узнать, где вас наградили?

— Меня наградили на выставке собак.

— Вы увлекаетесь собаками?

— Да, у меня есть к ним некоторый интерес, — ответил Фердинанд, к которому вернулось его обычное самообладание.

— Скажите, эту медаль у вас не похитили? — спросил комиссар.

— Минуточку, сейчас проверю. — И Фердинанд, всё ещё голый, принялся рыться в карманах.

— Здесь нет, здесь нет, здесь нет, здесь нет, здесь нет, здесь нет, здесь нет и здесь нет. Сейчас, ещё один карман... Здесь тоже нет. Комиссар, у меня украли эту медаль.

— Не огорчайтесь,— ободрил Фердинанда комиссар.— Мы сделаем всё, что от нас зависит, чтобы вернуть вам пропажу. Побудьте пока здесь, а я поговорю с преступниками.

И, не взглянув на Фердинанда, комиссар вышел из комнаты.

Фердинанд принялся терпеливо ждать. Холод пробирал его всё сильнее и сильнее. Фердинанд принялся размышлять:

«Стоит ли мёрзнуть... никто даже не замечает, что я раздет... не смотрят вовсе на вещественные доказательства... им ни к чему, что я поймал воров в тоннеле, когда они снимали с меня одежду... но, может быть, это неважно... а я думал, что надо сделать непременно так, чтоб не оставалось сомнений, что именно они меня раздели и хотели унести костюм... уж лучше я всё это на себя надену, потому что в костюме я согреюсь, а без костюма... брр...»

И Фердинанд не спеша стал одеваться. Он уже завязывал галстук, когда в дверях появился комиссар.

— Должен вас поздравить, пан Великолепный! — крикнул комиссар с порога. — Благодаря вам мы поймали двух опасных грабителей. Вы сделали это просто великолепно, пан Великолепный!

Фердинанд скромно потупился.

— Ничего особенного...

— Превосходно!

— Пустяки... — шёпотом проговорил Фердинанд.

— Я горжусь вами!

— Есть о чём говорить, — буркнул Фердинанд. — Просто мне удалось их задержать, вот и всё.

— Всё было проделано замечательно, просто замечательно! К сожалению, должен вас огорчить.

— Что случилось? — спросил обеспокоенный Фердинанд.

— Вашей медали не нашли.

- Не нашли?
- Нет, не нашли.
- Ой-ой-ой! — жалобно заскулил Фердинанд.
- Они говорят, будто её не видели.
- Ой-ой-ой!
- Не припоминают...
- Ой-ой-ой!
- Говорят, что медали у вас не было.
- Ой-ой-ой!
- Потому что, если бы у вас была медаль, они взяли бы её в первую очередь.
- Ой-ой-ой!
- Говорят, что они обшарили все ваши карманы.
- Ой-ой-ой!
- И ни в одном медали не было...
- Ой-ой-ой!
- Вы, кажется, расстроились? — с сочувствием спросил комиссар.
- Ой-ой-ой, я нисколечко не расстроился,— простонал Фердинанд.
- Так в чём же дело?
- Мне страшно, комиссар, страшно... Ой-ой-ой!
- Что вы так боитесь, пан Великолепный, в чём дело?
- Вас боюсь. Ой-ой-ой!
- Почему?
- Боюсь, посадят.
- Посадят в тюрьму? За что? — спросил комиссар, которого этот разговор начал забавлять.
- За медаль, комиссар, ой-ой-ой... ой-ой-ой... ой-ой-ой... За эту медаль...
- Ничего не понимаю, — сказал комиссар.
- Я дал ложные показания, ой-ой-ой!
- Ложные!
- Ведь медаль при мне. Только сейчас мне пришло в голову, ой-ой-ой. Я искал её во всех карманах, и воры искали её во всех карманах, а её, ой-ой-ой, там не было. Я вспомнил, она у меня на шее. Скажите, сколько?..
- Что — сколько? — удивился комиссар.

— Сколько за это? — жалобно скуля, допытывался Фердинанд.

— За что?

— За дачу ложных показаний. Сколько лет?

— Давайте забудем про этот случай, — с улыбкой сказал комиссар. — Самое главное, ваша медаль, ваша золотая медаль не пропала. Фердинанд, куда вы?

Фердинанд был уже в дверях. Вместо ответа он выпалил скороговоркой:

— Сейчас вернусь. Мне надо извиниться перед ворами, ведь я обвинил их в воровстве.

XIX

После всех этих ужасных волнений Фердинанд отправился в парк, чтобы немного рассеяться. Он сел на скамейку под развесистым каштаном, заложив ногу за ногу, откинулся на спинку и решил некоторое время ни о чём не думать. Он следил за облаками, скользившими по небу, слушал щебет птиц в листве, на душе у него было необыкновенно легко и весело.

Времени хоть отбавляй, спешить некуда, дел никаких. С чистой совестью мог сидеть Фердинанд на скамейке и отдыхать.

И вдруг, увидев мальчишку, который ел эскимо, Фердинанд машинально облизнулся и почувствовал: что-то с ним произошло, что-то изменилось, что-то случилось, что-то не в порядке.

Вначале он не придавал этому особого значения, но когда понял, что облизывается во второй раз, ему стало не по себе.

Фердинанд проверил языком. Да, сомнений не было. Случилось непредвиденное. Он проверил ещё раз. Увы, это была правда. Опять коснулся языком. Да, нечто ужасное. И теперь уже Фердинанд никак не мог удержаться от того, чтобы беспрестанно не ощупывать языком надломленный зуб.

Фердинанд был до такой степени поглощён этим заня-

тием, что не заметил, как на скамейку рядом с ним села какая-то дама.

Дама некоторое время читала газету, потом аккуратно её сложила, спрятала в сумочку и взглянула на Фердинанда. А тот всё притрагивался и притрагивался языком к сломанному зубу. Дама наблюдала за ним с любопытством.

«Удивительно смесной человек, — подумала она. Дама шепелявила так сильно, что шепелявила даже тогда, когда ей приходилось думать, а подобные явления, как мы знаем, встречаются редко. — Цего он так облизывается?»

Вслух она сказала:

— Извините, позалуйста, с вами сто-нибудь случилось?

Фердинанд вздрогнул, точно его разбудили. Посмотрел на даму, приподнял в знак приветствия котелок и сказал:

— Собственно, всё в порядке. Чувствую я себя неплохо. Только вот...

Не успел он закончить, как дама его перебила.

— Вот именно! — заверещала она. — Вот именно! Кажется, я угадала: вас беспокоит зубик.

— Признаться, да, — сказал Фердинанд.

— Болит? — осведомилась дама.

— Нет, не болит.

— Любопытно! Хузе всего как раз те зубы, которые не болят, не болят, а потом вдруг как заболят, как заболят... Уз вы мне поверьте.

— У меня совсем другое. По правде сказать, зубы у меня замечательные.

— Сто зе тогда с вами?

— У меня отломился кусочек зуба.

— И вы говорите, сто зубы у вас замечательные! Замечательные зубы не кросатся.

— Иногда самый лучший зуб обломится.

— Отцего зе он у вас обломился?

— Не знаю, — ответил Фердинанд, — никак не могу сообразить, отчего обломился.

- Мозет быть, короцка хлеба?
- Нет.
- Мозет быть, зёсткий бифстекс?
- Нет.
- Мозет быть, проволоцка в хлебе?
- Нет.
- Мозет быть, хрясик в колбасе?
- Хрящик — пустяки.
- Для кого как, — покачала головой дама. — Я, на-пример, цетырнадцат лет назад сломала себе зуб колбасой.
- Колбасу я давно не ел.
- Это неважно, ели вы или нет. Всё равно нужно идти к врачу. А то будет хузе. Послушайте меня.
- Пожалуй, вы правы. Только я ни одного врача здесь не знаю.
- Сейчас дам вам адрес. Он зивёт недалеко отсюда. Доктор Дивро. Цудесный целовек. Всё-таки интересно, обо сто вы сломали зуб?
- Вспомнил! — торжествующе крикнул Фердинанд. — Я сломал его о воров.
- Простите, позалуйста, — удивилась дама, — не хотите ли вы сказать, сто вы питаетесь ворами?!
- Я их не ел, я их ловил, — с достоинством ответил Фердинанд.
- Зубами? — осведомилась дама, и в голосе её послышалось недоверие.
- Да, пришлось зубами. Их было двое — не удивительно, что зуб не выдержал и надломился.
- Возможно, — сказала дама и капельку отодвинулась. Она знала, что сумасшедшим ни в коем случае нельзя возражать. — Непременно сходите к доктору Дивро. До свиданья, мне узе пора.
- Про себя она подумала:
- «Надо уносить ноги, опасный псих. Привязется есё... Сто мне тогда делать?»
- Фердинанд остался один.
- «Надо, пожалуй, сходить к врачу, — подумал Ферди-

нанд, лоя себя на том, что непрестанно водит языком по зубам. — Ведь не могу же я всю жизнь щупать и щупать языком зуб. Может, доктор поможет. Раз, два, три — вставай Фердинанд! Пошли к доктору Дивро».

Доктор Дивро оказался на редкость обаятельным человеком. Все в городе хорошо его знали, поэтому Фердинанд отыскал его дом без труда.

В приёмной было много народу. Фердинанд уселся на единственный свободный стул возле стены. Лица у ожидающих были очень серьёзные. Ни смеха, ни шуток, никто не рассказывает аи эжд эв. Все думают только об одном: о том, что ждёт и за дверьми кабинета, где принимает доктор Дивро и где рано или поздно окажутся и они.

Фердинанд впервые в жизни попал на приём к зубному врачу. Легко ли сохранить серьёзность? Ему стоило большого труда не фыркнуть прямо в лицо этим перепуганным людям. Никогда ещё за всю свою жизнь не приходилось видеть сразу столько серьёзных людей. «Надо что-то предпринять, — решил Фердинанд, — не переносу грустных людей».

В тишине приёмной послышался его голос:

— Скажите, вы умеете давать лапу?

Он обратился с этим вопросом к своему соседу, старичку, похожему не то на директора, не то на профессора, а может быть, даже на академика.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, — ответил очень серьёзно старичок.

— Я имею в виду лапу. Вот я, например, — пояснил Фердинанд, — умею давать и правую и левую.

— Ну и давайте себе на здоровье.

— Ничего не выйдет. Вы думаете это так просто? Можно ли дать лапу самому себе? Лапу можно дать только кому-нибудь. Я, например, могу дать вам, вы — мне.

Больные начали улыбаться.

— Вот вам моя лапа, — сказал Фердинанд. — А теперь дайте мне свою.

Старичок, поколебавшись, протянул Фердинанду руку.

— Пожалуйста.

— Превосходно! — воскликнул Фердинанд. — Вы делаете это замечательно. А теперь дайте лапу вон той даме. И больные, изнемогая от смеха, стали давать друг другу лапу.

Когда доктор Дивро открыл дверь кабинета, чтобы крикнуть: «Следующий!» — он увидел в своей приёмной толпу хохочущих людей. Посреди комнаты, на полу, сидел какой-то неизвестный ему пациент и изображал собаку, которая учится служить. Выходило это у него страшно неуклюже.

XX

Каждые десять — пятнадцать минут доктор Дивро открывал дверь и говорил: «Пожалуйста, следующий!»

Народу в приёмной становилось всё меньше.

Под конец остались двое: Фердинанд и старичок, похожий не то на директора, не то на академика.

Фердинанд пришёлся старичку по душе. Старичок был очень доволен, что благодаря новому знакомству он незаметно и весело скоротал время.

— Теперь вы... — сказал Фердинанд.

— Я? — переспросил старичок.

— Теперь ваша очередь.

— Ну да, — согласился старичок. — А может быть, вы хотите вперёд?

— Я? — переспросил Фердинанд.

— Вы, вы!

— Но ведь я пришёл позже вас! — нашёлся Фердинанд.

— Неважно! Я не спешу!

— Я тоже.

— Вы мне так понравились, что я охотно пропущу вас вперёд.

— Вперёд вас... ни за что на свете!

— Можете идти с чистой совестью. Я посижу и пойду потом.

— Нет, нет, нет! — запротестовал Фердинанд. — Только после вас.

— Впрочем, зачем спорить?.. Так или иначе, каждому

придётся войти туда, сесть в это ужасное кресло, открыть рот и ждать, когда начнут сверлить этим жутким сверлом зубы. Если мы этого не сделаем, с нами случится то же самое, что случилось с Перепупом.

— С каким Перепупом? — спросил Фердинанд, вытаращив глаза.

— Как, вы не знаете этой истории?

— Не знаю, — ответил Фердинанд.

— История Перепупа весьма поучительна, — сказал старичок. — Она лишний раз доказывает, как важно своевременно посещать зубного врача. Вот послушайте:

Жил на свете Перепуп

Перепуп,

Перепуп.

У него был с дыркой зуб,

зуб с дырою,

гей!

Стала челюсть как арбуз,

как арбуз,

как арбуз, —

это был огромный флюс,

флюс огромный,

гей!

Перепуп пошёл к врачу,

да, к врачу,

да, к врачу:

«Подлечиться я хочу,

подлечиться,

гей!»

Врач ответил: «Не беда,

не беда,

не беда,

зубик вырвем без труда,

вместе с корнем,

гей!» —

«Нет, — воскликнул Перепуп,

Перепуп,

Перепуп, —

это мой последний зуб. . .

Оставьте мне его, пожалуйста, на память, доктор.

Гей!»

— Из этого следует, — сказал Фердинанд, — что Перепуп впервые в жизни пошёл к врачу только тогда, когда у него разболелся его последний зуб.

— Вы попали в самую точку, — ответил, обрадовавшись, старичок.

— Сколько раз ~~вы~~ были у зубного врача? — спросил Фердинанд.

— Может, сто, а может, и больше.

— Хо-хо, — удивился Фердинанд.

— А вы? — спросил в свою очередь старичок.

— Я... я... о, я, конечно, бывал много раз, но точно припомнить не могу, — бросил небрежно Фердинанд.

Думаете, соврал? Ничуть не бывало. Фердинанд в самом деле посещал зубного врача, но приходил туда не по своей надобности. Во избежание недоразумения уточним: хозяин, отправляясь к зубному врачу, несколько раз брал с собой Фердинанда.

— Вы правильно поступаете, что заботитесь о зубах, — похвалил его старичок.

— Ничего не поделаешь, — скромно ответил Фердинанд, — мои зубы — всё моё достояние.

Старичок взглянул на Фердинанда с интересом.

— Догадался! — воскликнул он. — Вы, наверное, артист?

Фердинанд не знал, что и ответить. Разумеется, в глубине души он считал себя артистом, но нельзя же было открыто заявлять об этом.

К счастью, из затруднительного положения его спас доктор Дивро. Появившись в белом фартуке в дверях кабинета, он крикнул: «Пожалуйста, следующий!»

Старичок улыбнулся Фердинанду и, махнув на прощание рукой, скрылся в кабинете.

Фердинанд остался в приёмной один. На столе кипой лежали иллюстрированные журналы. Фердинанд взял один из них, желая скоротать время. Перелистывая журнал, он думал:

«Теперь уже другого выхода нет... придётся мне помучиться на этом ужасном кресле... теперь моя очередь... ничего не поделаешь... взялся за гуж — не говори, что не дюж... необходимо следить за зубами, иначе не разгрызёшь самой пустяковой кости, а что за жизнь без костей... это не жизнь, не жизнь и ещё раз не жизнь... без костей нет радостей... если будет очень больно, я дам ходу... тут никто меня не знает... вот только потом со мной может случиться то же самое, что случилось с Перепупом...»

И Фердинанд принялся напевать песенку, которой научил его старичок.

Жил на свете Перепуп,
Перепуп,
Перепуп.
У него был с дыркой зуб,
зуб с дырою,
гей!

XXI

— Пожалуйста, следующий, — сказал доктор Дивро, распахнув дверь кабинета.

Фердинанд поднялся со стула:

— К вашим услугам.

— Очень приятно.

— Быть вашим пациентом — сплошное удовольствие.

— С радостью займусь вашими зубами.

— Все мои зубы в вашем распоряжении.

— Постараюсь не причинить им ни малейшей неприятности.

— Отдаю свои зубы в ваши руки.

— Надеюсь, мои руки оправдают доверие ваших зубов.

— Я в восторге. Вижу, у нас с вами одинаковые взгляды.

— Смею уверить, мой восторг не меньше вашего.

— Великолепно! — воскликнул Фердинанд. — Тогда давайте радоваться вместе.

И, схватив за руки доктора Дивро, Фердинанд, словно в вальсе, закружился с ним по комнате. Доктору это так понравилось, что он принялся притопывать ногами, хотя в вальсе притопывать не полагается. В вихре танца влетели они в кабинет.

И вдруг, одурев, замерли посередине. Они так здорово закружились, что всё поплыло у них перед глазами. Доктор Дивро в изнеможении опустил на стул.

— Ой-ой-ой! — сказал он. — Ну и кружится голова! Ой-ой-ой!

Фердинанд еле устоял на ногах. Ему нравилось, что всё плывёт у него перед глазами: то появится белое кресло с поручнями, то шкаф с инструментами, то доктор Дивро на краешке стула, то бормашина, то снова кресло, снова шкаф, доктор, машина и ещё раз кресло, шкаф, доктор, опять машина и снова то же, и снова, только медленнее и медленнее, пока наконец всё не остановилось.

— Это было великолепно! — воскликнул Фердинанд. — Впервые в жизни у меня закружилась голова.

— Что вы говорите? — спросил, не веря своим ушам, доктор. — У вас никогда раньше не было головокружения? Разве вам не приходилось кружиться на одном месте?

— Нет, — ответил Фердинанд. И тут же вспомнил, что кружился не раз, пытаясь поймать свой хвост. — То есть я хочу сказать, мне не приходилось кружиться на ногах стоя. Раньше я кружился на четвереньках. Уверяю вас, это совсем другое.

Доктор Дивро бросил недоумевающий взгляд на Фердинанда, однако и виду не подал, что это показалось ему не вполне нормальным. Впрочем, от такого кружения мысли тоже могли закружиться не в ту сторону.

— Да, да, разумеется, совсем другое, — поддакнул он Фердинанду. — Может, сядем теперь в кресло?

Фердинанд сел в кресло.

— Откройте, пожалуйста, рот.

Фердинанд открыл.

Доктор Дивро стал осматривать зубы.

— Фьююююю, фьююююю, — сказал он с изумлением, — давно не видел таких замечательных зубов!

— Очень приятно слышать, — ответил Фердинанд, стараясь говорить как можно отчётливее. Но попробуйте говорить отчётливо, когда врач засунул вам в рот обе руки.

— У вас всё в порядке, — сказал доктор Дивро. — Что привело вас ко мне?

— У меня, доктол, создалось впечатление, будто у меня сломался зуб.

— Где?

— Сплава, втолой от конца.

— Сейчас проверим, — сказал доктор Дивро и стал проверять второй зуб от конца справа. — Действительно, откололся кусочек, совсем маленький, но это никакой роли не играет.

— Никакой лоли... — повторил Фердинанд. — Я хочу, чтоб у меня все зубы были в полядке. Зубы — это всё моё достояние.

— Конечно, конечно, — поддакнул доктор.

— Чем же я иначе буду глызть?

— Конечно, конечно, — снова поспешил согласиться доктор Дивро. — Хорошо разгрызёшь — хорошо переваришь.

— Кто может заглызть, того бояться, — добавил Фердинанд и в пояснение чуть сдвинул челюсти.

— Ай-ай-ай! — крикнул доктор и отдёрнул руку.

— Ну как? — спросил Фердинанд.

— Надо что-то предпринять.

— Что?

— Может, наденем коронку?

— Коронку? — удивился Фердинанд. — Ведь я не королевич.

— Я говорю о коронке на зуб, а не о короне на голову, — заметил доктор.

— На зуб так на зуб, мне всё равно, — заявил Фердинанд.

— А золото у вас есть?

— Какое золото?

— На коронку. Коронки делают из золота.

— Да, я об этом слышал, — сказал Фердинанд. — А можно использовать медаль?

— Вы, наверно, хотите сказать: металл. Конечно, можно сделать коронку из металла, но это будет уже не то.

— Вы меня не поняли, доктор, я говорю о медали...

— О металле?

— О медали...

— О металле...

Молниеносно вытащил Фердинанд медаль, которую носил на шее.

— Это что? — спросил он.

— Медаль, — ответил Дивро.

— Какая?

— Золотая.

— Может, это металл? — спросил с насмешкой Фердинанд.

— Пожалуйста, извините меня... — сказал доктор. — Это действительно медаль, настоящая золотая медаль, из неё я сделаю вам великолепную коронку на второй зуб от конца справа.

— Большое спасибо, это как раз то, что мне нужно.

Фердинанд сел поудобней и шире раздвинул челюсти. Доктор Дивро достал из шкафчика коробочку и начал перебирать свёрла. Свёрла звякали, ударяясь друг от друга. Звук был неприятный. Фердинанд почувствовал, как по телу пробежали мурашки.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он с растущей тревогой.

— Придётся подпилить зуб, потом наденем коронку, — невозмутимо пояснил Дивро.

— Разве это необходимо?

— К сожалению, да.

— Что ж, пилите, — сказал с решительностью Фердинанд.

Доктор Дивро нашёл наконец нужное сверло, вставил его в наконечник и повернул выключатель. Машина загудела, и неприятное гудение наполнило собой всю комнату. Сердце у Фердинанда ушло в пятки.

— Да вы не бойтесь, — ласково успокоил его доктор Дивро. — Прежде чем сверлить, я вас усыплю. Вы не почувствуете боли. Проснётесь — всё будет кончено.

Он взял со столика шприц и сделал Фердинанду укол. Фердинанд почти мгновенно уснул. Сквозь сон до него доносилось только звяканье инструментов доктора Дивро...

Проснувшись, Фердинанд решил, что откроет глаза не сразу. Инструменты всё ещё звякали.

«Ну и возится этот доктор, — подумал Фердинанд. — Странно, почему у меня нет ощущения, что он чинит мне зуб... Наверно, это происходит из-за укола. Кончит — скажет».

И Фердинанд решил подождать, пока доктор сам к нему не обратится.

Вдруг ни с того ни с сего вместо голоса доктора он услышал голос хозяина.

— Опять толкаешься, Фердинанд? Не слишком ли много ты себе позволяешь?

Фердинанд открыл сперва один глаз, потом другой и увидел, что лежит рядом с хозяином на диване. Фердинанд растерялся... Что же происходит?

— Подвинься, подвинься, — просил хозяин. — Это безобразия... Ты опять меня спихиваешь.

Фердинанд подвинулся немного, изумление его всё росло и росло. В голове была неразбериха. Ведь он ясно слышал звяканье инструментов доктора. Впрочем, действительно ли это инструменты? Ничего подобного! Это звякают на кухне ножи, ложки и вилки, когда их моют после обеда.

— Не колись! — кричит ложка вилке.

— Поосторожней, не то меня покалечишь! — говорит чашка, обращаясь к острому ножу.

— Где мой муж — сковородник? — кричит в отчаянии сковорода.

— Всё ясно, — пробурчал вполголоса Фердинанд. — Я дома... Лежу на диване, рядом лежит хозяин, рядом с хозяином газета, на кухне разговаривают друг с другом тарелки, вилки и ложки — в общем, всё, как обычно. Где же доктор Дивро? Нет никакого доктора Дивро. А золотая коронка на зубе? Нет никакой коронки. Минуточку... Какой это был зуб? Справа, второй от конца. Проверим...

Кончиком языка Фердинанд стал проверять зуб за зубом.

— Ее-есть! — завопил он от радости и соскочил с дивана.

В диване заговорили пружины:

Дрим!..

Гьям!..

Бряк!..

— Ее-есть! — снова завопил Фердинанд и принялся как сумасшедший носиться по комнате.

Справа, на втором зубе от конца, он нащупал языком великолепную золотую коронку! Он подбежал к хозяину и, желая похвастаться, широко разинул пасть.

— Ты что скалишь зубы, Фердинанд? Сдурел, что ли? — сказал хозяин равнодушным голосом и, вместо того чтобы полюбоваться золотой коронкой, сунул нос в газету.

«Не хочешь — не надо, — подумал Фердинанд. — Может, кто другой оценит».

Но и с другими ему не повезло. Стоит только Фердинанду разинуть пасть, чтобы показать свою великолепную коронку на втором зубе справа от конца, как люди шаркаются, а хозяин кричит:

— Спокойно, Фердинанд, спокойно!

Чтоб его не сочли злой собакой, Фердинанд теперь всё реже открывает пасть, и потому о золотой коронке и обо всех его приключениях знаем только мы двое — Фердинанд и я.

*Проснись,
Фердинанд!*

ТЕЛЕЖУЧОК

I

Фердинанд устроился в кресле перед телевизором. Прежде чем сесть, он слегка подтянул брюки — чтоб не измялись. Наверное, кое-кто догадывается, что это были знаменитые брюки, сшитые у знаменитого портного по фамилии Догг. Затем Фердинанд заложил ногу за ногу. Все серьёзные люди, которые что-то из себя представляют, са-

дьясь перед телевизором, обязательно кладут ногу на ногу. Кресло было мягкое и удобное, сидеть в нём было приятно.

Итак, Фердинанд сидел в кресле и не отрываясь смотрел на экран! А на экране, как это всегда бывает, мелькало всякое разное. Сперва передавали новости. Фердинанд внимательно их выслушал: он считал делом своей чести разбираться во всём, что происходит на свете. Он сгорел бы от стыда, если б встретил на улице знакомого и на его вопрос: «Что слышно в Занзибаре, Фердинанд?» — не сумел бы дать никакого ответа.

Бррр! Даже дрожь пробежала по телу при одной только мысли об этом.

«Такого быть не должно!» — подумал Фердинанд и затаив дыхание прослушал последние известия до конца, а потом, пока минут пятнадцать передавали рекламу, он повторил про себя все известия раза три наизусть.

— Теперь меня не поймаешь врасплох! — пробурчал Фердинанд, гордясь самим собой. — Пусть кто угодно встретится мне на улице, в парке или там где-нибудь ещё, пусть спросит про какие угодно события, и он получит от Фердинанда Великолепного толковый и обстоятельный ответ. Bravo, мой Фердинанд, bravo! Тебя следует похвалить. В награду смотри себе дальше телевизор.

Реклама кончилась, стали передавать спектакль для малышей.

— Это несерьёзно, — с неодобрением протянул Фердинанд и отвернулся.

Но долго выдержать не мог. Очень уж было интересно узнать, что же всё-таки дальше. Время от времени он косился на экран то одним то другим глазом, потом отворачивался и говорил:

— Несерьёзно...

И всё, может быть, оттого, что Фердинанд, насколько мне известно, никогда не был дошкольником. Как ему удалось этого избежать, точно сказать не могу. Известно только, что дошкольником он никогда не был, и всё тут. Как это случилось, докапываться не станем. Представится случай — попытаемся выиснить, по какой причине Ферди

нанд обошёл дошкольный возраст. А пока отметим, что Фердинанд не был поклонником передач для малышей.

— Несерьёзно, — протянул Фердинанд в третий раз, и в ту же секунду представление окончилось. — Слава богу, — сказал Фердинанд. — А теперь что?

Откровенно говоря, он мог бы заглянуть в телевизионную программу и удовлетворить своё любопытство, но программа лежала на столике поодаль, а вставать Фердинанду не хотелось. Если ты удобно устроился в кресле, то вставать неохота, правда?

— Подумаешь, — сказал с пренебрежением Фердинанд. — Что будет, то будет. Не сдвинусь с места, мне тут хорошо. И случилось так, что через какую-нибудь минуту на экране появился селезень Дональд.

Вы, конечно, ожидаете, что Фердинанд отвёл взгляд от экрана и снова буркнул: «Несерьёзно». Ничего подобного! Фердинанд подскочил от радости и завопил:

— Дональд! Как поживаешь?

— Превосходно! — отозвался Дональд. — А ты?

— Я?.. Я замечательно! — ответил Фердинанд. — Что ты сегодня будешь показывать?

— А... Одну такую историю...

— Весёлую?

— Сам увидишь. Впрочем, если хочешь, можешь к нам присоединиться. Время есть?

— Конечно, — ответил Фердинанд.

— Тогда иди сюда.

— Иду! — сказал Фердинанд и поднялся с кресла.

Как раз в этот момент в прихожей раздался звонок.

— Начинай без меня! — крикнул Дональду Фердинанд. — Я сейчас... Посмотрю только, кто там трезвонит. И он заторопился в прихожую.

— Кто там? — спросил Фердинанд.

— Откройте! — послышался за дверью решительный голос.

Фердинанд открыл. На пороге появился могучего телосложения мужчина. Не ожидая приглашения, мужчина энергичным шагом вошёл в переднюю.

— Телевизор у вас есть? — спросил мужчина.

— Есть, — ответил Фердинанд. — Очень хороший телевизор, с самым большим экраном, какой только бывает. Можете убедиться...

При этих словах Фердинанд взмахнул лапой, приглашая могучего мужчину следовать в комнату, где стоял телевизор.

— Давно вы его купили? — спросил мужчина, следуя по пятам за Фердинандом.

— Оооо... Давным-давно, сам не помню когда, — небрежно ответил Фердинанд.

— И дорого, наверно, заплатили? — продолжал допытываться могучего сложения мужчина.

— Довольно дорого, — ответил Фердинанд. — Но разве это так важно? Главное, он великолепно работает. Взгляните.

Дональд, взбивавший ногами пену для пирожного, которое называется «безе», гаркнул при виде мужчины:

— Привет, великан!

Могучего сложения мужчина стал всматриваться в телевизор, затем сказал:

— Не вижу никакого великана... Кому он это?

— Тебе говорю, верзила, тебе, — сказал Дональд, вытянув в его сторону крыло, которое, выйдя из экрана, повисло в воздухе.

— Только, пожалуйста, без рук! — крикнул могучего сложения мужчина. — Руки при себе!

— Великолепный телевизор, а? — произнёс с гордостью Фердинанд. — Вы согласны?..

— Не согласен! — гаркнул мужчина. — Ни с чем я не согласен! Это глупые шутки.

— Шутки не бывают глупые! — отозвался с экрана задевший за живое Дональд. — Кто оскорбляет шутку, того надо проучить.

Сказав так, он брызнул пеной в левый глаз могучего мужчины.

— Сами видите, какой великолепный телевизор... — произнёс вне себя от восторга Фердинанд.

— Ничего я не вижу! Ничего не вижу! — кричал могучего сложения мужчина. — Во всяком случае, левым глазом не вижу! Что мне теперь делать?

— Лучше всего слизать, — посоветовал Дональд. — Пена высшего качества. Жена велела мне её взбить... Она собирается печь безе. Вы только попробуйте, какая сладкая... Может, и в другой глаз добавим, а?

Могучего телосложения мужчина повернулся на всякий случай к телевизору спиной.

— А вы, Великолепный, — обратился он к Фердинанду, протирая платком левый глаз, — за всё это заплатите. Покажите-ка квитанцию о регистрации телевизора.

— Чего-чего? — спросил Фердинанд.

— Квитанцию, где удостоверяется, что ваш телевизор зарегистрирован и что плата за пользование телевизором внесена сполна, включая текущий месяц.

— Впервые слышу... — сказал Фердинанд. — Я думал, раз купил телевизор, значит, смотри сколько угодно...

— Увы, гражданин Великолепный, увы, — с насмешкой отозвался могучего телосложения мужчина. — Вы не пожалели денег на покупку вышеозначенного телевизора, но жалеете каких-то пятьдесят злотых, чтоб платить каждый месяц по абонементу...

— По чему, по чему? ..

— Я сказал ясно: по а-бо-не-мен-ту. Не знаете, что это такое?

— Не знаю, — чистосердечно признался Фердинанд, потому что и в самом деле не знал.

— Вы ещё узнаете, гражданин Великолепный, узнаете! А знаете, где вы об этом узнаете?

— Представления не имею, — ответил Фердинанд.

— В суде, Великолепный, в суде. Там вас научат, как соблюдать правила и уважать контролёра при исполнении служебных обязанностей. За то, что размахивали своими лапами у меня под носом... За то, что брызгали пеной в глаза... За всё это заплатите, Великолепный!

— Дональд, ты слышишь? — крикнул Фердинанд в отчаянии своему приятелю.

Но Дональда на экране уже не было. А была там одна известная дикторша, которая зачитывала какое-то сообщение, не обращая при этом внимания на Фердинанда. Зато могучего телосложения мужчина стал с радостью составлять протокол.

II

Повестка в суд пришла очень скоро. Едва за могучим мужчиной захлопнулась дверь, как вновь затрезвонил звонок и на пороге появился знакомый почтальон.

— Распишитесь, пожалуйста, Великолепный, — сказал почтальон. Вот письмо.

— Расписаться? — переспросил Фердинанд. — До сих пор я что-то не расписывался за письма.

— Это письмо не обыкновенное.

— Какое ж оно?

— Это служебное письмо, — торжественно произнёс почтальон, протянув Фердинанду квитанцию и указав химическим карандашом место, где ему следовало расписаться.

— А если не распишусь? — спросил Фердинанд.

— Тогда у вас будут неприятности, Великолепный, — сказал почтальон.

— А если распишусь?

— Тогда у вас тоже будут неприятности.

— Вот так штука! — удивился Фердинанд. — И так неприятности, и так неприятности? Ничего не понимаю.

— Видите, в чём дело, Великолепный, — принялся толковать ему почтальон, — если вы не распишетесь, то у вас будут две неприятности, а если распишетесь, тогда одна. Вы понимаете?

— Не очень, — простодушно сказал Фердинанд.

— И в этом нет ничего удивительного, — заметил почтальон. — Всё это не так-то просто. Знаете, что это такое? — спросил он, размахивая перед носом у Фердинанда конвертом, запечатанным сургучными печатями.

— Очень красивое письмо...

— Красивое...

— А вам что, не нравится? — спросил удивлённый Фердинанд. Ему никак было не понять, что такое красивое письмо может кому-то не нравиться.

— Не в том дело — нравится или нет, — ответил почтальон, который начал уже терять терпение. — Письмо, может быть, и красивое, но ведь там повестка в суд!

— Кому повестка?

— Вам.

— Мне?

— Да, да, вам, гражданин Великолепный.

— Это очень мило, что мне прислали приглашение в суд, — обрадовался Фердинанд.

— Не приглашение, а повестку, — поправил его почтальон.

— А какая разница?

— Очень большая, — пояснил почтальон. — Сами, впрочем, увидите. Не распишетесь на этой квитанции, будут у вас, как я уже сказал, две неприятности, а распишетесь, тогда только одна.

— Какая? — поинтересовался Фердинанд, всем этим сильно заинтригованный.

— Судебный процесс, — официальным тоном ответил почтальон.

— А если не распишусь?..

— Тогда у вас будет, — продолжал тем же официальным тоном почтальон, — два судебных процесса. Один за то, что вы не расписались, и другой, который у вас уже есть.

— Но у меня нет никакого судебного процесса, — запротестовал Фердинанд.

— Так только кажется, — хмыкнул почтальон. — Этот конверт — лучшее доказательство, уважаемый Фердинанд, что судебный процесс у вас есть, или, говоря иными словами, будет в ближайшем будущем.

— Посоветуйте, дорогой почтальон, как мне быть: расписаться на квитанции или нет? — взмолился в отчаянии Фердинанд.

— Знаете, — сказал почтальон, немного подумав, — одна неприятность лучше, чем две.

— Значит...

— Вы уж распишитесь.

Фердинанд взял у почтальона химический карандаш и самым красивым почерком написал в соответствующем месте:

Фердинанд
Великолепный

— Красиво, а? — спросил он с гордостью.

— Изумительно, — признался почтальон. — Редко кто в наше время так расписывается. А теперь возьмите письмо. До свиданья, Великолепный. Не вешайте хвост!

Дверь за почтальоном захлопнулась, и Фердинанд остался один.

— Ничего не поделаешь, — проворчал себе под нос Фердинанд. — Конверт придётся вскрыть.

Он провертел маленькую дырочку в одном из уголков и стал заглядывать внутрь конверта. Поскольку, однако, увидеть ничего не удалось, он стал увеличивать и увеличивать дырочку, пока не разорвал весь конверт. В конверте оказался розовый бланк.

В самом верху большими буквами было напечатано одно только слово:

ПОВЕСТКА

Ниже, буквами поменьше, был напечатан следующий текст:

Настоящей повесткой гражданин Фердинанд Великолепный («Фердинанд Великолепный» было вписано от руки) вызывается в суд такой-то и такой-то в городе таком-то и таком-то в день такой-то и такой-то, в час такой-то и такой-то в качестве ОБВИНЯЕМОГО («обвиняемого» было подчеркнуто чернилами). Фердинанд Великолепный обвиняется

в том, что он является тележучком, то есть хозяином телевизионного аппарата, не зарегистрированного согласно существующим правилам, а также в том, что уклоняется от взносов платы по телеабонементу. В случае, если обвиняемый не явится в суд в означенный день, он накажется тремя месяцами заключения, или штрафом в размере тридцати тысяч злотых, или тем и другим вместе. Кроме того, гр. Фердинанду Великолепному надлежит отвечать за оскорбление контролёра при исполнении служебных обязанностей.

Внизу было множество печатей и две размашистые, неразборчивые подписи.

— Надо ж такому случиться! — горько вздохнул Фердинанд, и на глазах у него навернулись слёзы. — Тележучок! — твердил он в отчаянии. — Обвиняемый! Незарегистрированный телевизионный аппарат! Уклоняется от взносов! Три месяца заключения! Тридцать тысяч злотых штрафа! То и другое вместе. Оскорбление контролёра при исполнении служебных обязанностей! Повестка! Суд! Печати! Подписи! Караул! Караул! Караул!!

III

В назначенный день Фердинанд пришёл в суд.

— Вы по какому делу? — спросил Фердинанда у входа дежурный.

— По своему собственному, — ответил Фердинанд.

— Это мне ровным счётом ничего не говорит, — рассердился дежурный. — Повестка есть?

— Есть, — ответил Фердинанд и стал доставать розовую бумажку.

— Предъявите, — буркнул дежурный и, нацепив на нос очки, начал внимательно читать поданную Фердинандом повестку. — «Фер-ди-нанд Ве-ли-ко-леп-ный...» Это вы, да?..

— Да, это я, — подтвердил Фердинанд.

— Лично?

— Лично.

Дежурный сдвинул очки на лоб и посмотрел испытующе на Фердинанда.

— Нехорошо, гражданин Великолепный, — сказал он в конце концов.

— Что плохо? — спросил Фердинанд.

— Нехорошо то, что вы обвиняемый.

— Да, обвиняемый, — подтвердил с удовлетворением Фердинанд. — Впервые в жизни я обвиняемый, — добавил он.

— Обвиняемому в суде плохо, — философски заметил дежурный. — Лучше уж быть свидетелем. Но лучше всего быть адвокатом.

— А что сделать, чтоб стать адвокатом? — простодушно спросил Фердинанд.

— Боюсь, — ответил дежурный, — вам это уже не удастся. Адвокатом ни с того ни с сего не станешь. Нужно долго сидеть в суде...

— Это я могу, — заявил с готовностью Фердинанд.

— Похоже, что посидеть вам и в самом деле придётся, гражданин Великолепный, — заметил дежурный. — Не будем, впрочем, забегать вперёд. Всё зависит от судьбы. Пойду посмотрю, что там у них в зале. А вы подождите пока в коридоре.

— Сообщите, пожалуйста, судье, что пришёл Фердинанд Великолепный! — крикнул вдогонку дежурному Фердинанд. — Скажите, что он просит передать ему воздушный поцелуй!

— Должен вас предупредить, — заметил дежурный, — что в зале заседаний шуток не полагается. Иначе сами себе навредите.

Дежурный исчез за огромной дверью, на которой красовалась табличка:

ЗАЛ ЗАСЕДАНИЙ № 6.

Фердинанд стал осматриваться. Дверей в коридоре было множество. И каждая с номером. И около каждой толпились люди: свидетели, адвокаты, иногда обвиняемые,

но этих было мало. Потому что обвиняемых доставляли обычно в суд прямо из тюрьмы. Фердинанд, разумеется, об этом не знал. Размеренным шагом направился он к одной такой кучке ожидающих, чтоб поговорить всё равно о чём. Надо вам сказать, что Фердинанд обожал общество.

— Я обвиняемый, — заявил Фердинанд как раз в тот самый момент, когда люди о чём-то заспорили.

Все тотчас смолкли и с удивлением уставились на Фердинанда.

— Я обвиняемый, — повторил Фердинанд, наблюдая за тем, какое его слова произведут впечатление.

— По какому делу? — спросил наконец кто-то.

— По личному! — ответил, гордо выпятив грудь, Фердинанд.

— Украли, да? — любопытствовал какой-то малый с заросшей щетиной физиономией.

— Ничего подобного, — поспешно возразил Фердинанд, — я купил.

— И рассчитались, наверно, фальшивыми банкнотами, — шепнула женщина со злым личиком и длинным носом.

— Как вы могли подумать? — ответил задетый за живое Фердинанд. Банкноты были как полагается.

— И за всё, за всё заплатили?..

— За всё. Кроме...

В этот момент появился дежурный и кивком подозвал Фердинанда.

— Ваша очередь, — сказал он. — Заходите.

Фердинанд вошёл в зал № 6, скромно стал у двери и начал осматриваться.

— Ближе! — раздался чей-то квакающий голос, но Фердинанд не обратил на него внимания. — Ближе! — настойчиво повторил голос.

«У некоторых людей, — подумал Фердинанд, — ужасно неприятный голос. Точно лягушка квакает».

— Ближе!!! — послышалось в третий раз, теперь уж так громко, что Фердинанд наконец понял, откуда этот голос исходит.

— Вы мне? — спросил Фердинанд, обратившись к маленькому человечку, сидевшему на возвышении.

— Обвиняемого просят подойти к столу, — квакнул снова человечек. — Ближе!

— Обвиняемого?

— Обвиняемого.

— А где ж обвиняемый? — снова спросил Фердинанд и стал озираться.

— Пусть обвиняемый не прикидывается...

— Это вы мне, да?

— Итак, обвиняемый, признаётся, что он обвиняемый?

— Так сразу бы и сказали. Со мной можно и на «ты»... Только я должен знать, к кому обращаются...

— Обвиняемый мне не друг-приятель, чтоб я говорил ему «ты», — проквакал человечек и вскочил, разозлясь. — Обвиняемый понял наконец, что он обвиняемый?

— Понял, — с улыбкой произнёс Фердинанд.

— Так всегда говорят с обвиняемым. К нему обращаются: ОН. Ясно?

— Ясно. Можно было с самого начала сказать. Если вы...

— Вы? — строго переспросил человечек. — Просто «вы», и всё...

— Ну, вы за столом... там, на возвышении...

— Нельзя так говорить! — рявкнул человечек.

— Если хочешь, могу говорить «ты», — предложил Фердинанд.

— Я тебе покажу «ты»!!! — завыл в ярости человечек, махав руками. — Я тебе дам «ты»!!! Обвиняемый должен, обращаясь ко мне, не только говорить «вы», но называть меня при этом секретарём. Пусть обвиняемый запомнит это раз и навсегда!

— Раз и навсегда... обвиняемый... ты... вы... секретарь... — ответил, заикаясь, Фердинанд.

— Ну ладно, — буркнул секретарь. — А теперь «стать»!

Фердинанд поспешно опустился на ближайший стул.

— Чего это обвиняемый сел? — крикнул человечек.

— Потому, что вы, секретарь, велели мне встать.

— Ему велют встать, а он садится!

— Я и уселся для того, чтоб встать. Не могу ж я встать стоя, — терпеливо пояснил Фердинанд.

— Тут что-то есть, — задумчиво протянул секретарь. — Возможно, обвиняемый прав. В самом деле, трудно встать, если стоишь. Пусть обвиняемый сядет.

Фердинанд уселся на стул.

— Встать! — гаркнул человек. — Суд идёт!

Фердинанд вскочил со стула. В ту же минуту в зал заседаний вошёл суд. Суд состоял из трёх мужчин в чёрных костюмах. Они с достоинством поднялись на возвышение и расселись по местам.

— Проверьте данные, — обратился к секретарю один из судей — тот, который сел посредине.

Секретарь поднялся с места, взял пачку документов и начал, глядя на Фердинанда, задавать вопросы.

— Фамилия?

— Великолепный.

— Имя?

— Фердинанд.

— Телевизор у вас есть?

— Есть.

— Спасибо. Пока хватит, — прервал судья, который сидел посредине.

Маленький человек опустился на стул и взял в руки перо — его обязанностью было подробным образом записывать всё сказанное.

— Предупреждаю обвиняемого, — обратился главный судья к Фердинанду, — обвиняемый должен говорить правду, и только правду, в противном случае, его ждут санкции.

— Простите, — переспросил Фердинанд, — не понял. Что ждёт?

— Санкции. Это значит, обвиняемый может быть им казан дополнительно. И ещё одно. Когда обвиняемый обращается ко мне, он должен добавить «высокий суд». Ясно?

— Ясно, высокий суд, — ответил Фердинанд, а сам подумал: «Это, наверно, потому, что судья, который сидит посредине, самый высокий. Второй судья средний, а третий низенький».

— Вот и отлично, — сказал судья в середине. — Итак, начинаем. Обвиняемый обвиняется в незаконном пользовании телевизором, а также в нанесении оскорбления контролёру при исполнении служебных обязанностей. Начнём с первого пункта: незаконное пользование телевизором. Телевизор у обвиняемого есть?

— Да, да, высокий суд, телевизор у меня есть, — ответил Фердинанд.

— Пользуется ли обвиняемый этим телевизором?

— Да, да, высокий суд, пользуется.

— Зарегистрировал ли обвиняемый тот телевизор, которым пользуется?

— Нет, высокий суд, не зарегистрировал.

— Почему? — вставил слово судья среднего роста.

— А потому, что это мне в голову не пришло, средний суд, — чистосердечно признался Фердинанд.

— Обращаясь ко мне, тоже следует добавить «высокий суд», — заметил судья среднего роста. — Пусть обвиняемый учтёт это на будущее.

— Итак, обвиняемый не зарегистрировал своего телевизора и не сделал надлежащих взносов, правда? — вновь заговорил главный судья.

— Не сделал, высокий суд, — подтвердил в свою очередь Фердинанд.

— Так что обвиняемый не отвиливает?..

— Не отвиливает.

— В таком случае перейдём ко второму пункту обвинения: оскорбление контролёра при исполнении служебных обязанностей. Признаётся ли обвиняемый в том, что он размахивал руками перед самым носом у государственного контролёра и брызгал пеной ему в глаза, говоря конкретно, в левый глаз?

— Не признаюсь, высокий суд, — ответил Фердинанд.

— Почему обвиняемый не признаётся?

— Потому что не я размахивал и не я брызгал.

— А кто? — сунулся снова в разговор судья среднего роста.

— Это всё Дональд, сред... то есть высокий суд.

— Что ещё за Дональд? — поинтересовался главный судья.

— Селезень Дональд, высокий суд. Как раз в тот момент взбивал пену для безе.

— Чем взбивал?

— Ногами, высокий суд. Это было уморительно.

— Возможно... — протянул главный судья, — но мы не об этом. Нам нужны факты, факты и только факты. Есть ли у обвиняемого свидетели?

— Есть! — воскликнул с радостью Фердинанд. — У меня есть один свидетель. Дозволено иметь одного свидетеля?

— Дозволено. Кто таков?

— Дональд!

— Тот самый, который взбивал пену? — спросил удивлённым голосом третий, самый низкий судья, который не произнёс пока ещё ни слова.

— Да, низкий суд! Тот самый!

— Я тоже «высокий суд»! — закричал низенький судья.

«Одни только высокие», — подумал Фердинанд, а вслух сказал:

— Совершенно верно, низ... то есть я хотел сказать — высокий суд!

— Итак, обвиняемый полагает, что этот Дональд может быть свидетелем в деле? — спросил главный судья.

— Да, высокий суд. Он подтвердит, что всё было как было.

— А где он проживает, этот Дональд?

— Понятия не имею, — ответил Фердинанд. — Время от времени его показывают в телевизоре. Может, там знают его адрес.

— Дело Фердинанда Великолепного откладывается, — заявил главный судья. — Суду необходимо время для того,

чтобы привлечь в качестве свидетеля некоего селезня Дональда, местожительство которого необходимо установить. Секретарь, — обратился судья к квакающему человечку, — вы займётесь этим делом и позаботитесь о том, чтоб на следующее судебное заседание селезень Дональд прибыл лично.

— Слушаюсь, — проквакал человечек. — Сегодня же напишу в телевидение, чтоб сообщили адрес свидетеля.

— Обвиняемый свободен, — объявил главный судья и вместе с остальными двумя судьями покинул зал заседаний.

— Прощай, высокий, средний и низкий суд, — прошептал с облегчением Фердинанд, когда дверь за судьями закрылась.

IV

Вскоре опять пришла повестка.

Она была такая же розовая, как и прежняя, и написано там было то же самое. На этот раз Фердинанд обрадовался. Он имел уже случай убедиться, что суд — дело не очень страшное, кроме того, он скучал и надеялся, что судебный процесс скрасит его однообразную жизнь.

Когда наступил назначенный день, Фердинанд тщательно оделся и лёгким шагом, как бы гуляя, направился в суд.

У входа его встретил всё тот же дежурный.

— Как поживаете, уважаемый? — весело спросил Фердинанд.

— Скверно, — коротко ответил дежурный.

— Какая-нибудь болезнь? — поинтересовался Фердинанд.

— Да вот подавился за завтраком, — пояснил дежурный и кашлянул несколько раз подряд.

— Позвольте узнать, чем подавились? — осведомился с неподдельной заботой в голосе Фердинанд.

— Кофе... кофе с молоком... — ответил дежурный, кашляя.

— Вижу, что это очень вам мешает...

— Вы даже себе не представляете... — ответил, давась и фыркая, дежурный.

— Я знаю один способ... — сказал Фердинанд. — Это должно вам помочь... Я сам однажды подавился, думал — умру, но благодаря этому замечательному способу, я остался жив, и здоровье, как видите, у меня отменное.

— А чем вы подавились? — спросил дежурный, кашляя так ужасно, что весь побагровел.

— Я подавился вещью гораздо более серьезной, чем кофе с молоком, я подавился...

— Наверное, сдобной булочкой?

— Нет, не угадали, — со смехом сказал Фердинанд, — я подавился, знаете ли, костью.

— Не куриным ли хрящиком?

— Какой там хрящик! — загорячился Фердинанд. — [подавился большой говяжьей костью.

— Разве такое бывает? — недоверчиво спросил дежурный.

— Это, знаете ли, долгая история... Нет времени рассказывать подробно, — ответил Фердинанд, поглядев на ольшие уличные часы. — Сейчас моё дело, и мне надо идти. Но хорошо бы вам помочь... Повернитесь-ка.

Дежурный, кашляя, повернулся, и тогда Фердинанд грел его несколько раз по спине.

— Ну как, лучше?

— О-о, гораздо лучше, — сказал с облегчением дежурный. — Ударьте меня ещё разок, да посильнее.

— С величайшим удовольствием, — ответил Фердинанд, который обожал помогать людям по мере своих сил и возможностей. — Это лучший способ из всех, какие мне только известны. Мой хозяин всегда его применяет...

— То есть как это, ваш хозяин? — наострил уши дежурный. Кашель у него как рукой сняло.

— Расскажу вам как-нибудь потом! — воскликнул Фердинанд. — У меня нет времени.

И, огрев дежурного несколько раз по спине про запас, Фердинанд пустился бегом в зал № 6, где на возвышении уже расселись судьи.

— Обвиняемый опаздывает, — заметил низенький судья.

— У меня были на то причины, низ... то есть высокий суд, — сказал Фердинанд.

— Знаю я эти причины, — проворчал низенький судья, — мы ещё к ним вернёмся.

— Приступим к делу, — провозгласил главный. — Что вышно насчёт свидетеля?.. Что-то я его не вижу.

— Свидетель не явился и не явится, — проквакал секретарь.

— Найден ли его адрес?

— Адрес найден. Правда, с большим трудом. Сначала мы обратились в телевидение. Телевидение ответило, что

он у них не проживает, но там нам посоветовали написать в Америку, где, по слухам, свидетель произошёл на свет. Я написал. Пришёл ответ, что, по всей видимости, селезень Дональд пребывает где-то в Калифорнии. Мы написали и Калифорнию, откуда, должен вам сказать, нам без задержки сообщили адрес свидетеля. Выяснилось, что свидетель явиться на процесс не в состоянии, поскольку работа и семейные обязанности не позволяют ему сделать этого, но, желая быть чистым перед законом, свидетель пересылает свои показания. Дело он припоминает во всех подробностях...

«Вот что значит честность, — подумал про себя Фердинанд, — я знал, что Дональд в трудную минуту не подкачает».

— Эти показания при вас?

— Да, высокий суд, при мне, — проквакал секретарь. — Вот, — добавил он, извлекая из разбухшей от документов папки огромный лист бумаги.

— Зачитайте! — распорядился главный судья.

— «Кря, селезень Дональд, — начал своим скрипучим голосом секретарь, — крякря, крякрякря, кря, кря, крякрякрякря, крякря, крякрякря, кря, крякря, кря...»

— Достаточно! — воскликнул судья. — Много там ещё?

— Ещё порядочно, — ответил секретарь.

— Хватит, дальше можете не читать.

— Интересно, на каком это языке? — спросил судья среднего роста. — По-моему, всё-таки не на английском.

— Разумеется, нет, — подал голос низенький судья. — Если не ошибаюсь, документ составлен на утином языке.

— Мне кажется, коллега, вы правы, согласился с ним главный. — Действительно, на утином. Знает ли кто-нибудь из вас этот язык?

Судьи, а вместе с ними и секретарь помотали головой.

— Поищем тогда переводчика. Пусть переведёт с утино на наш. В вашем распоряжении, секретарь, есть список переводчиков...

— Совершенно верно.

— Потрудитесь отыскать нужного специалиста.

Секретарь взял длинный список и принялся внимательно его изучать. Он дочитал до конца, а затем принялся читать от конца к началу.

— Переводчик с утиного тут не значитя, — пропищал наконец секретарь.

— Показания объявляются недействительными, — возгласил главный судья. — И мы продолжаем процесс, как если бы их не существовало.

— Кажется, я влип, — пробурчал Фердинанд.

— В таком случае, — заговорил средний судья, — единственным лицом, которое должно отвечать за упомянутые в обвинительном акте действия, может быть только и исключительно Фердинанд Великолепный.

— Тем более, — добавил низенький, — что Фердинанд Великолепный вполне способен на поступки, в которых его обвиняют. Я собственными глазами видел... Будучи спрошен о причинах опоздания в суд, обвиняемый ответил, что они у него есть. Каковы же эти причины? А дело в том, что обвиняемый, перед тем как направиться в зал заседаний, бил нашего дежурного кулаками. Причём удары наносились в спину!

— Это пошло ему на пользу, высокий суд! — воскликнул Фердинанд.

— Обвиняемый, кажется, считает, что, избив старого человека, сделал доброе дело? — заметил с иронией главный судья.

— Хлопнуть по спине — лучшее лекарство, если кто поперхнётся, — горячо возразил Фердинанд.

— Хватит шуточек! — крикнул самый высокий судья. — Теперь мне ясно: обвиняемый Фердинанд Великолепный и в самом деле совершил те деяния, в которых он обвиняется. На основании чего обвиняемый приговаривается к уплате пятидесяти тысяч золотых штрафа с замедленной таковой в случае неплатёжеспособности обвиняемого тюремным заключением сроком на пять месяцев.

— Bravo! — воскликнул Фердинанд, захлопав в ладоши. — Высокий суд замечательно это выразил! Bravo, bravo, ещё раз bravo!

Судьи посмотрели друг на друга и поспешно покинули зал. За ними скользнул, словно тень, секретарь с квакающим голосом.

Едва они очутились за дверями, главный судья сказал:

— По-моему, он сумасшедший!

— Нам тоже так кажется, — шёпотом согласились с ним остальные.

V

— Ничего не поделаешь, дорогой Фердинанд, придётся платить штраф, — заявил старичок дежурный, когда Фердинанд рассказал ему о происшедшем. — Приговор вступил в силу и обжалованию не подлежит.

— Откуда я возьму столько денег? — спросил расстроенный вконец Фердинанд.

— Наверное, дома у вас есть кое-какие сбережения...

— По правде говоря, денег у меня никогда не было. Да я о них и не думал.

— В таком случае, может быть, попросите в долг?

— У кого? — с грустью отозвался Фердинанд.

— Тогда выход только один: деньги надо заработать. Иначе не миновать вам тюрьмы, — заключил старичок.

— Тюрьма так тюрьма!

— Вы даже не представляете себе, дорогой Фердинанд, что такое пять месяцев тюрьмы! Это более чем сто пятьдесят дней. Понимаете вы это?

— Подумаешь, — проговорил в отчаянии Фердинанд. — Отсижу и выйду.

— Иногда один день на свободе, бывает, тянется до бесконечности. Так что ж говорить про сто пятьдесят дней в тюрьме? Вы когда-нибудь сидели?

— Ни разу.

— Те, кому это довелось, говорили, что удовольствие маленькое.

— Жизнь состоит не из сплошных удовольствий, — философски заметил Фердинанд.

Счастье не всегда бывает с нами:
Солнца нет порой над головой,
Кошки нет порой на мостовой,
И жаркого тоже нет с костями.

— Хорошенький стишок, — заметил дежурный. — Я ещё раз его не слышал. Что-то новенькое?

— Я только что сам его сочинил, — скромно пояснил Фердинанд.

— Вы пишете стихи? — спросил с удивлением дежурный.

— Иногда.

— Стихотворение прелестное, но, по правде сказать, я всё понял.

— Например?

— Я не понял про кошку... А потом, при чём тут кости?

— Послушайте, да ведь это ж поэзия! — воскликнул Фердинанд. — В поэзии встречается и непонятное. Порой там скрыта глубокая мысль, и надо подумать, прочитать стихотворение несколько раз подряд, прежде чем дойдёшь до сути. Это стихотворение, однако, очень простое.

— И всё-таки про кости я никак не могу понять.

— Неважно. Поэзия должна быть, как бабочка: появилась — исчезла.

— Знаете что! — хлопнул себя по лбу дежурный. — У меня есть идея! Такая, что только держись!

— Вы её запишите, — посоветовал Фердинанд. — Если сразу не запишешь, потом ни за что не вспомнишь.

— Так ведь эта идея для вас.

— Для меня?

— Для вас! — заволновался дежурный. — Надо ж вам поработать на штраф!

— Что ж это за идея? — заинтересовался Фердинанд.

— Вы только послушайте... Был я однажды в цирке...

— Ну и что? — со скучающим видом спросил Фердинанд.

— И был там один артист...

- Тоже ничего особенного...
- Этот артист выходит на арену... Вы меня слушаете?
- Слушаю, слушаю...
- Так вот, выходит он на арену...
- Наверно, дрессировщик, — подсказал Фердинанд.
- В том-то и дело, что нет, — замахал руками дежурный. — Он выходит на арену...
- И показывает фокусы.
- Вовсе даже не фокусы. Он выходит на арену...
- Знаю! — воскликнул Фердинанд. — Акробат.
- Никакой не акробат, — начал уже сердиться дежурный. — Он выходит на арену...
- И, наверно, играет на редком инструменте: на пиле или на полене!
- Ничего подобного! И он вообще не играл. Он на арене...
- Танцевал...
- Нет.
- Ну, тогда я не знаю, — сдался Фердинанд.
- Он, понимаете ли, на арене говорил стихами.
- Стихами?
- Да-да, стихами. В рифму. Было это так забавно, что все покатывались со смеху.
- Такие мастера бывают, — протянул Фердинанд.
- А что, если и вам попробовать? — предложил дежурный.
- Попробовать мне?
- Ну да. Что, если вам говорить в цирке стихами? Вам хорошо заплатят!
- Зачем мне деньги? — простодушно спросил Фердинанд.
- То есть как «зачем»? — изумился дежурный. — Ну что, забыли, что вам предстоит платить пятьдесят тысяч штрафа?
- Забыл, забыл, — признался Фердинанд.
- Ведь вы умеете говорить стихами...
- Немножко умею. Только мне кажется, для выступления в цирке я не такой уж забавный.

— Забавный, Фердинанд, вы забавный! — громко стал убеждать его дежурный. — Забавный! Несомненно забавный! Вы даже не представляете, какой вы забавный! Фердинанду показалось это обидным.

— А я-то думал, что серьёзный.

— Одно другому не мешает. Серьёзные часто бывают забавными, дорогой Фердинанд. Вы и сами, наверно, это мечтали. Мне кажется, приятно быть забавным. Я готов быть что угодно, только бы люди надо мной смеялись.

— А не смеются?

— Крайне редко. Суд не подходящее место для смеха. Другое дело — цирк!

— У меня, к сожалению, — сказал с грустью Фердинанд, — знакомств в цирке нету.

— А у меня есть, — выпалил дежурный.

— Может, вы знакомы с директором?

— Должен вам сказать, директор в цирке — не фигура.

— Тогда, может, с кассиром?

— Тоже нет.

— Тогда с дирижёром оркестра?

— Опять не угадали. Я, знаете ли, знаком с таким лицом, которое поможет всё наилучшим образом устроить.

— Сдаюсь, — ответил Фердинанд, — опять не угадал.

— Мой хороший приятель работает рассыльным в самом большом цирке. Вы пойдёте к нему...

— Ну и дальше? — спросил Фердинанд.

— Пойдёте к нему, и он велит директору с вами поговорить. Тогда вы растолкуете, что и как, и скажете директору, что умеете говорить стихами, что вы вообще забавный малый. Может, он и вставит вас в номер.

— А это очень больно, когда вставляют в номер? — спросил, слегка робея, Фердинанд.

— Больно? Так ведь «вставить в номер» означает включить в программу. Вы что, не знали?

— Не знал, — признался Фердинанд.

— Когда артист делает что-нибудь в цирке или на трапезе, не говорят, что он выступает, а говорят, что его вставили в номер. Звучит солиднее.

— Я люблю, когда солидно звучит, — заметил Фердинанд. — Я побежал!

— Минуточку!.. Сейчас я вам напишу записку к своему приятелю, — заявил дежурный, взяв ручку и с важным видом макая перо в чернила.

VI

Директор цирка принял Фердинанда без промедления — Что вы умеете? — спросил он, раскуривая трубку — Я умею сочинять экспромтом стихи, — сказал Фердинанд.

Директор окутался клубами табачного дыма.

— Стихи, стихи... — пробурчал директор. — Это не чудо сочинять экспромтом. Я многих знаю, которые сочиняют.

Фердинанду стало не по себе.

«Вот тебе и на! — подумал он. — Придётся, Фердинанд, познакомиться тебе с тюрьмой. Не заработаешь на стихах — угодишь за решётку, с судом шутки плохи».

— Можно, разумеется, сочинять и стихи, — послышался голос из табачного облака. — Но надо сопровождать это каким-нибудь трюком. Вы понимаете что значит «сопровождать трюком»?

— Сопровождать — значит, сопровождать, — сказал не задумываясь, Фердинанд, — а трюком — это... — И тут он запнулся.

— Трюком в цирке называется, как бы это вам сказать... — Директор помедлил, подбирая подходящее слово. — Короче говоря, под словом «трюк» подразумевается трюк. Вы меня понимаете?

— Мне кажется, понимаю, — поспешно согласился Фердинанд, который старался произвести на директора как можно более благоприятное впечатление.

— Так вот. Дело заключается в том, чтоб номер был интересным и оригинальным. Надеюсь, Великолепный, вы знаете, что значит «оригинальный»?

— Откровенно сказать, не очень, — признал

Фердинанд, который опасался всякого незнакомого слова, считая, что может попасть впросак.

— Оригинальный — это значит единственный в своём роде, такой, какого до сих пор никогда не было.

— Как вы считаете, директор, я оригинальный? Единственный ли я в своём роде? Такой ли я, какого до сих пор никогда не было? — одним духом выпалил Фердинанд.

Директор вышел на минуту из облака табачного дыма и стал разглядывать Фердинанда. Он обошёл его несколько раз вокруг, затем приблизился настолько, что Фердинанду показалось, будто он его обнюхивает.

— Несомненно, Великолепный, в своём роде вы единственный, вы такой, какого до сих пор никогда не было. Одним словом, вы оригинальный! — заявил директор, завершив осмотр.

— Ура! — закричал Фердинанд.

— Да вы особенно не радуйтесь, — охладил его пыл директор. — Вид — это ещё не всё. Вид у некоторых оригинальный, а способности к искусству весьма средние, а то и вовсе никаких.

Сказав так, директор сделал несколько шагов назад и вновь погрузился в своё облако. Фердинанду даже показалось, что он общается с таинственным духом, обитающим среди тумана, который то появляется оттуда, то исчезает.

— Итак, вы утверждаете, что можете сочинять экзотические стихи? — осведомился исчезнувший в своём облаке директор.

— Совершенно справедливо.

— Где до сих пор случалось вам выступать?

— В разных местах...

— Ну всё-таки? — настаивал директор.

— В основном в частных домах...

— У тётушки на именинах?

— И даже очень часто! — с гордостью подтвердил Фердинанд. — Вы себе не представляете, сколько у меня тушечек.

— Выходит, вы просто любитель?

— Да, да, я большой любитель этого дела.

— Вы меня не поняли, — сказал директор. — Впрочем, еважно. Видите, сочинение стихов только тогда имеет мысл, когда из этого можно было сделать интересный омер. Допустим, публика станет задавать вам вопросы, вы будете отвечать на них стихами.

— Пожалуйста, пусть публика задаёт вопросы.

— Но и это ещё не всё, — заметил директор. — Будет еплохо, если одновременно с этим вы станете делать гимнастические упражнения на трапеции под куполом ирка...

— Я согласен, — упавшим голосом сказал Фердинанд.

— Держась одной только рукой за трапецию...

— Мне уже всё равно, могу и одной...

— За трапецию, которая раскачивается взад и вперёд?..

— Пусть себе раскачивается, — согласился Фердинанд.

— А вы в этот момент будете висеть вниз головой...

— Ладно, пусть вниз головой!

— Тогда всё в порядке! — радостно воскликнул директор, появляясь из дыма. — У нас есть сенсационный юмер для ближайшей программы!

— Минуточку, директор, — холодно возразил Фердинанд. — Номера пока ещё нет.

— За чем же дело стало? — удивился директор. — Может, вы испугались?

— Испугался? — рассмеялся Фердинанд. — Что за мысль пришла вам в голову, директор? Никто из Великолепных ещё не ведал страха.

— Тогда объяснитесь! — воскликнул директор, размаивая своей огромной трубкой.

— Всё это не так существенно. В иной ситуации я бы и не заикнулся об этом... Мне хочется знать, сколько денег вы сочинение стихов экспромтом в ответ на заданные публикой вопросы в положении вниз головой, ухватившись одной рукой за трапецию, которая раскачивается взад и вперёд, могу я заработать?

Директор выпустил изо рта огромный клуб дыма.

— Что же... — сказал он. — Я могу предложить вам сто тысяч злотых.

— Слишком много, — помотал головой Фердинанд.

— Вы это серьёзно? — осведомился директор.

— Совершенно серьёзно. Предложите мне половину этой суммы.

— За такой номер вы требуете всего-навсего пятьдесят тысяч злотых? — удивился директор.

— Этого мне вполне достаточно.

— Подпишем тогда контракт.

— Подпишем.

Когда контракт подписали, директор протянул Фердинанду руку.

— Я рад, что вы будете в моей труппе! Если желаете, мы можем подписать другой контракт на одну программу.

— Это от нас никуда не уйдёт, — пробурчал Фердинанд. — Будем надеяться, что с телевизором меня больше не накрукот...

— Это вы о чём? — спросил директор. — Не слышу.

— Это я так, — ответил Фердинанд. — Ничего особенного.

— Прошу вас убедительно только об одном, Фердинанд: начните репетиции как можно скорее.

— Можете быть спокойны, — заверил директора Фердинанд. — Начну с сегодняшнего дня, особенно буду рачи учивать эту позу вниз головой...

Когда хозяин с хозяйкой вернулись вечером домой, Фердинанд лежал в кресле в весьма странной позе: задние лапы вместе с хвостом — на спинке, а передние вместе с головой — на полу у самых ножек. Кресло стояло перед включённым телевизором.

— Опять ты забыл выключить телевизор! — сказала хозяйке хозяйка. — В который уже раз...

— Забыл, ты полагаешь? — отозвался хозяин. — Ничего подобного! Я нарочно оставил включённый телевизор, чтоб Фердинанд без нас не скучал.

— Так ведь он спит...

— Спит?

— И вдобавок в такой странной позе, посмотри: головой вниз.

— В самом деле, — сказал хозяин, приблизившись к креслу. — Да и вообще он странный пёс, этот наш Фердинанд. — И, хлопнув Фердинанда несколько раз по спине, хозяин со смехом крикнул: — Эй, Фердинанд, проснись!

ГЕНЕРАЛ

I

— Осмелюсь доложить, — сказал адъютант, вытянувшись в струнку перед Фердинандом, — только что получено сообщение: в ближайшее воскресенье на Площади Уведелений состоится большой парад.

Фердинанд глянул краешком глаза в зеркало, висевшее рядом на стене, и с удовольствием убедился, что на нём генеральский мундир, весь раззолоченный, с галунами, со множеством блестящих пуговиц, орденов и аксельбантов.

«Как забавно, — подумал Фердинанд, — никогда в жизни не носил такого мундира. Признаться, он мне к лицу».

— Согласны ли вы, генерал, принимать в воскресенье парад? — спросил, замирая перед Фердинандом, адъютант.

— Что за глупый вопрос! — ответил Фердинанд. — Конечно, согласен. Принимать парад — дело приятное. А вы кто такой?

— Ваш адъютант; генерал, — ответил молодой человек, вытягивая руки по швам.

— Понятия не имею, что это значит. Впрочем, неважно... — проворчал про себя Фердинанд. — Адъютант — красивое слово. Кто знает, может, и мне суждено стать когда-нибудь адъютантом, — раз мечтался вдруг Фердинанд.

— Генерал не может быть адъютантом, — ответил, склоняя голову, адъютант.

— Это почему же, уважаемый, я не могу быть адъю-

тантом? — хорохорился Фердинанд. — Если вы можете, то я тем более могу, понятно?

— Вы генерал, — пояснил адъютант, — а генералы не бывают адъютантами.

— Захочу — буду адъютантом, и точка.

— Адъютанты существуют, чтобы служить...

— Ты что, молокосос, — заорал вне себя Фердинанд, позабыв о всяких правилах вежливости, — думаешь я служить не умею? Если б не этот мундир, который мне тесноват, я б тебе показал, как служат! Надо присесть на задние лапы, передние вытянуть вперёд, вот так, видишь?..

— Вижу, генерал, вижу... — сказал адъютант и, не в силах удержаться, расхохотался.

— Чего смеёшься? — спросил рассерженный Фердинанд.

— Замечательная шутка, генерал. Вы и в самом деле здорово умеете служить.

— А ты умеешь?

— Конечно, умею. Вы только посмотрите, генерал.

Сказав так, адъютант присел слегка на корточки и уморительно замахал руками в воздухе.

— Превосходно! — воскликнул Фердинанд. — Я вижу, мы с тобой прекрасная пара.

— Рад стараться! — И адъютант вновь почтительно вытянулся. — Итак, могу я сообщить, что вы согласны принимать в воскресенье парад?..

— Разумеется, согласен. А во сколько?

— В десять утра.

— Какая рань! — простонал Фердинанд. — Утром в воскресенье я люблю поспать.

— Может быть, парад назначить несколько позже, предложил адъютант, — скажем, днём?

— Днём в воскресенье часто бывает дождь, — заметил Фердинанд.

— Это верно, — подхватил адъютант. — Днём в воскресенье часто бывает дождь.

— Впрочем, случается в воскресные дни дождь и с утра, — заметил Фердинанд.

— Случается, случается, — поддакнул адъютант.

— А иногда бывает и с утра и днём...

— Может, перенести парад на другой день? — спросил адъютант.

— Мысль неплохая, — обрадовался Фердинанд. — Только на какой?

— Действительно, в неделе столько дней... Выбрать что-нибудь подходящее и в самом деле трудно, — со вздохом заметил адъютант.

— Может, понедельник? — предложил Фердинанд.

— Устраивать в понедельник парады не очень-то хорошо, — отозвался адъютант.

— Это почему же? — поинтересовался Фердинанд.

— В понедельник люди не могут прийти в себя после воскресенья.

— Тогда давайте во вторник...

— Во вторник нельзя, потому что по вторникам в казармах генеральная уборка.

— Генеральная? А мне приходится надо?

— Не обязательно.

— Тогда давайте в среду...

— Исключено! — воскликнул адъютант. — По средам упражнения по команде «лечь — встать!»

— А что, если в четверг, а?

— Четверг... четверг... Что такое у нас в четверг? задумался адъютант. — Четверг тоже отпадает, потому что каждый четверг генеральская инспекция.

— Генеральская? — спросил, заинтересовавшись, Фердинанд. — Это, выходит, чья же?

— Ваша!

— Моя?

— Да, ваша, генерал.

— Тогда в четверг ничего не получится. Давайте перенесём его на пятницу!

— Ой, генерал, пятница скверный день!

— Это почему же? — удивился Фердинанд.

— Ещё ни один парад, назначенный на этот день, не обошёлся без происшествий. Старики ветераны не помнят ни одного удачного парада в пятницу. Обязательно кто-нибудь оплошает. То солдаты сойдут с ноги у трибуны, то лошадь вдруг начнёт брыкаться, то пушка сама собой выстрелит. Нет, нет, решительно не советую...

— Может, оно и верно, — согласился Фердинанд. — Зачем рисковать? Перенесём его в таком случае на субботу. Что вы скажете о субботе, мой друг?

— Суббота и в самом деле идеальный день для парада, — ответил адъютант. — Но у субботы есть один недостаток, генерал...

— А именно? — осведомился Фердинанд.

— Суббота всегда накануне воскресенья, и все к нему готовятся. Одни идут к парикмахеру, другие принимают

ванну, третьи гладят дома костюм, и так далее... Кто будет любоваться парадом?.. А без зрителей парад — не парад. Вы ведь, наверно, и сами так считаете?

— Весьма справедливо, — снова согласился Фердинанд. — Без зрителей парад — не парад. Надо будет записать: в этой фразе таится великий смысл. Без зрителей парад — не парад... Без зрителей парад — не парад...

И Фердинанд несколько раз подряд повторил эти слова, наслаждаясь их звучанием и взвешивая скрытую в них глубокую истину.

— В какой же день мы можем, по вашему мнению, рассчитывать на наибольшее количество зрителей?

— Мне кажется, — ответил, поразмыслив, адъютант, — наибольшее количество зрителей бывает в воскресенье.

— Значит, вы считаете, что воскресенье больше всего подходит для парада? — спросил Фердинанд, испытующе глядя на своего офицера.

— Я думаю, да, генерал, — с уверенностью произнёс адъютант.

— Что ж голову ломать? — сказал Фердинанд. — Устраиваем парад в воскресенье, и делу конец.

— Слушаюсь, генерал. В воскресенье в десять утра, не так ли?

— Нельзя ли позднее? — простонал Фердинанд. — Я так люблю поспать в воскресенье.

— Днём бывает жара, генерал. А когда жарко, вид у солдат несвежий. Не то что с утра. Поэтому я советовал бы часов в десять.

— Ладно, — вздохнул Фердинанд. — В десять так в десять.

— И ещё одно, генерал... — заметил адъютант.

— Слушаю.

— Помните ли вы о том, что нам сегодня к портному?

— Понятия не имею.

— Вы, по-видимому, изволили забыть об этом.

— Возможно, — согласился Фердинанд. — А для чего, собственно, нам к портному? Не можете ли вы открыть мне эту тайну?

— Вам надлежит примерить новый мундир, — отри портовал, вытягиваясь по струнке, адъютант.

— Тот, который на мне, очень мне нравится, — признался Фердинанд, любуясь своим отражением в зеркале. — Я думаю, вы со мной согласитесь: мундир у меня отличный.

— Соглашусь, — ответил адъютант. — Мундир у вас в самом деле красивый, но тот будет ещё красивее. Принимать парад в старом мундире не полагается.

— В каком? В старом?.. — крикнул в негодовании Фердинанд.

— Тысячу раз простите, — пролепетал испуганный адъютант. — Я не хотел вас обидеть...

— А я ни капельки не обиделся, — весело отозвался Фердинанд. И тут же, изменив голос, грозно прорычал: — Но мой мундир обиделся. Невежа, ты должен немедленно извиниться.

Адъютант стоял бледный, не в силах произнести ни слова.

— Почему молчишь? — спросил Фердинанд.

— Потому что не знаю, с че-че-чего начать, — заикаясь, пробормотал адъютант.

— Тебе не приходилось просить прощения у мундира?

— Ни разу.

— Хорошо. Тогда повторяй за мной: «Прости меня...»

— Прости меня... — повторил адъютант.

— ...прекрасный мундир...

— ...прекрасный мундир...

— ...за то, что я...

— ...за то, что я...

— ...осмелился...

— ...осмелился...

— ...назвать тебя старым...

— ...назвать тебя старым, — повторил, как эхо, адъютант.

— Больше никогда...

— Больше никогда...

— ...я этого не скажу...

— ...я этого не скажу...

— ...и прошу тебя...

— ...и прошу тебя...

— ...простить мне...

— ...простить мне...

— ...эти глупые слова.

— ...эти глупые слова.

— *Прощаю!* — отозвался басом мундир Фердинанда.

— Видишь, какой он великодушный? — сказал Фердинанд.

— Невероятно!.. Это невероятно! — пробормотал адъютант. — Вот уж не думал, что мундиры разговаривают.

— Не все, друг мой, не все, — ответил Фердинанд, гордо выпячивая грудь.

Он и сам поразился, когда мундир вдруг заговорил, но был достаточно умён, чтобы скрыть это.

«Когда останусь один на один с мундиром, — подумал Фердинанд, — я с ним потолкую. Наверняка он расскажет мне что-нибудь интересное. Не имею понятия, каким образом он на мне очутился, но вижу, что это не первый встречный мундир. Похоже, что он очень и очень умный».

— Теперь вы поняли, — обратился к адъютанту Фердинанд, — почему я ни за что на свете не желаю расстаться с этим мундиром?

— Да, генерал. Теперь я понял.

— Ни к какому портному мы не поедем, а парад я буду принимать в этом мундире, ясно?

— Так точно, генерал. И несколько даже не удивительно.

— В воскресенье в десять ноль-ноль мы появимся на трибуне вдвоём: я и мой мундир! — произнёс Фердинанд.

— Слушаюсь, генерал!

— Кругом марш!

Щёлкнув каблуками, адъютант вышел из комнаты, а в коридоре, прикрыв за собой дверь, долго крутил в изумлении головой.

— Как это ты на мне очутился? — спросил у мундир Фердинанд, когда они остались одни.

— *О, это длинная история,* — пробасил в ответ мундир.

— Расскажи хоть в двух словах, — попросил Фердинанд, который обожал слушать истории.

— *Сядем где-нибудь,* — признаёс мундир, — *стоя не удобно рассказывать.*

— Прошу... — ответил Фердинанд, указывая на большое глубокое кресло. — Тебя это кресло устраивает?

— *Пожалуй...* — отозвался мундир. — *Итак, сядем.*

И они сели в одну и ту же секунду. Хотя, по правде сказать, на какую-то долю секунды мундир уселся раньше Фердинанда, по той причине, что мундир был снаружи, а Фердинанд внутри.

— *Как я на тебе очутился?..* — заговорил мундир, удобно расположившись в кресле. — *Насколько я припоминаю, такой именно вопрос задал ты мне в начале нашего разговора...*

— Да, — ответил Фердинанд. — Это меня очень интересует.

— *То, что я очутился на тебе, а не на ком-нибудь другом, является всего лишь стечением обстоятельств,* — сказал мундир. — *Просто я случайно напялился на тебя, вот и всё, понятно?*

— То есть как «напялился»? — не удержался от вопроса Фердинанд.

— *Видишь ли,* — заметил мундир, понижая голос, — *уже много лет живу я в музее. В музее приходится скучать, и вот, чтоб немного проветриться, я выхожу время от времени в город. Но поскольку я мягкий, гулять сам по себе я не могу, и я ищу всегда попутчика, который меня носит...*

— Начинаю догадываться, — протянул Фердинанд.

— *Разумеется, я стараюсь напялиться на кого-нибудь посимпатичней. Я думаю, ты знаешь и сам: лучше путешествовать с кем-нибудь симпатичным...*

— Ещё бы, — согласился Фердинанд.

— На этот раз я напаялся на тебя, ты показался мне симпатичным, и это всё. Кроме того, я очень удачно тебя облегаю, что тоже имеет немалое значение. Иначе говоря, я на тебе красуюсь.

— Я очень рад, — поспешно проговорил Фердинанд, который, как многие из нас, радовался, услышав про себя приятное слово.

— Прошу тебя только об одном: вынь руку из моего кармана, — заметил мундир. — Когда руку держат в кармане, карман оттопыривается, и вид теряется.

— Вынул, вынул, — послушался друга Фердинанд. — Интересует меня ещё одно, мой дорогой мундир...

— Да, да...

— Один ли ты на свете или у тебя есть родственники?

— Мои родственники, дорогой Фердинанд, разбросаны по разным музеям. Мой отец, который погиб много лет назад от нападения этой проклятой моли, тоже был генеральским мундиром...

— А мать? — спросил Фердинанд, чьё любопытство росло.

— Моя мать была платьем одной генеральши.

— А мать жива?

— Жива. Должен тебе сказать, она хорошо сохранилась. В прошлом году её омолодили с помощью операции, и, надо признать, выглядит она сейчас восхитительно.

— Ты с ней где-то встречался?

— Нет, — ответил мундир. — Вот уже много лет, как мы не виделись. Но мне показали её последнюю фотографию. Директор моего музея получил её от директора того музея, где хранится моя мать. Мне довелось также видеть одного из моих прапрапрадедов, который был гусарским панцирем, а также одну из моих прапрапрадеток, которая прославилась как старинное японское кимоно.

— Она была японка? — заинтересовался Фердинанд.

— Ничего подобного. В юности она была великолепным бальным платьем с длиннейшим шлейфом, на много метров. Но её похитили японские пираты и перешли на кимоно.

— Это ужасно! — посочувствовал Фердинанд.

— *Отнюдь*, — возразил мундир. — *Моя прапрапрапраптётка чувствует себя замечательно и очень довольна.*

— К чему не привыкнешь, — отозвался Фердинанд. Должен, впрочем, заметить, что о японцах я знаю очень мало: всегда такие замкнутые, подтянутые, застёгнутые..

— *Застёгнутые?..*

— Да, застёгнутые... На все пуговицы.

— *Пуговицы!!!* — застонал мундир. — *Спасибо, что напомнил!*

— О чём?

— *О пуговицах! О двух пуговицах!*

— Я говорил о всех пуговицах.

— *А мне припомнились две*, — пояснил мундир и шёл потом добавил: — *Проигрался я, страшно проигрался...*

— Что же ты проиграл?

— *Две пуговицы. Посмотри.*

Сказав так, мундир оттопырил два ряда золотых, горящих, словно крохотные солнца, пуговиц. В одном ряду не хватало пуговицы внизу, в другом — наверху.

— *Видишь?*

— Вижу, — ответил Фердинанд.

— *Отец с матерью всегда мне твердили: не играй в пуговицы! Но я не исправим. Стоит мне только увидеть, что где-то играют, никак не удержаться. Вот и сегодня... Как только вышел из музея, увидел мальчишек, которые играли в пуговицы, остановился, стал смотреть...*

— Я тоже люблю...

— Что «люблю»?..

— Стать так и посмотреть.

— *Ещё бы! Каждый любит. Смотрел я, смотрел, потом подумал: «А что, если рискнуть разок-другой, одна пуговица, в конце концов, погоды не делает». Поставил и проиграл. Потом ещё, и ещё проиграл... Ты погляди, какой у меня теперь вид!*

— В самом деле, — согласился Фердинанд.

— *Если на мундире не хватает даже полпуговицы, это бросается в глаза*, — простонал мундир.

— Ты прав. На обыкновенном костюме пуговица не такая важная вещь, но на мундире...

— *В том-то и дело! Не могу ж я в таком виде вернуться в музей...*

— Не можешь, — подтвердил Фердинанд.

— *Надо что-то предпринять...*

— Надо, — снова поддакнул Фердинанд.

— *Но что?*

— Думаешь, я знаю?.. — произнёс Фердинанд и почесал в затылке. — Если не отдадут по-хорошему, мы их покупаем!

— *Ты забываешь, что зубов у мундира нет.*

— Зато у меня есть, — заверил своего друга Фердинанд. — Хватит на нас обоих. Вот увидишь, сразу отдадут.

— *Мы не имеем права действовать таким образом,* — возразил мундир. — *Раз выиграли, значит, выиграли. Я сам виноват... Зачем полез играть?*

— Тогда никакого выхода я не вижу.

— *Выхода... Выход есть.*

— Какой?

— *Надо поискать по городу...*

— Поискать?..

— *Да, поискать...*

— Где ж ты собираешься их искать?

— *Как это «где»? В магазинах, где продаются пуговицы,* — пророкотал мундир.

— Думаешь, найдём точно такие же? — спросил с сомнением Фердинанд.

— *Попробуем, мой друг,* — ответил мундир. — *Попробуем! Нечего тут сидеть!*

Оба они разом поднялись с кресла — Фердинанд в мундире и мундир на Фердинанде — и направились к двери.

III

Прохожие на улице с изумлением наблюдали за странным человеком в нарядном мундире, который всё время сам с собой разговаривал, да ещё разными голосами. От

куда им было знать, что один из голосов, басовитый,— это голос мундира. Фердинанд заметил, что все обращают на него внимание.

— Что ты, собственно, за мундир? — спросил он вполголоса у мундира.

— *Генеральский*, — также вполголоса ответил мундир.

— Откровенно говоря, у меня и права-то нет тебя носить.

— *А это почему же?*

— А потому, что никакой я не генерал. А генеральские мундиры носят только генералы.

— *В сущности, так оно и есть. Но ты не принимай это близко к сердцу! Шагай себе как ни в чём не бывало.*

— Чего доброго, меня арестуют...

— *За что?*

— За то, что я оделся генералом.

— *Брось, пожалуйста*, — ответил на это мундир. — Тебе ничего не сделают. В крайнем случае, вали всё на меня.

— Страшно не люблю валить на других, — признался Фердинанд.

— *Не ломайся, Фердинанд*, — сказал на это мундир. — Если к тебе прицепятся, объяснишь, как было дело, скажешь, что я сам напялился на тебя. Другое дело, если бы ты меня присвоил и злонамеренно во мне красовался, изобразя из себя генерала. А так всё в порядке. Гляди, магазин с пуговицами!

— Пошли!

— Пошли!

— Здравствуйте! — сказал Фердинанд продавщице.

— *Здравствуйте*, — повторил, как эхо, мундир.

— Нам нужны две золотые генеральские пуговицы... — сказал Фердинанд.

— *Вот такие!* — пояснил мундир и выпятил грудь двумя рядами золотых блестящих пуговиц.

Продавщица глянула на пуговицы из-за прилавка, внимательно рассмотрела их вблизи, и глаза у неё засветились от восхищения.

— До чего хороши! — сказала она. — До чего хороши эти пуговицы! Не видала ничего подобного.

— Значит, таких пуговиц у вас нет, — догадался Фердинанд.

— Да вы, кажется, ясновидец, — удивилась продавщица. — У меня и в самом деле таких пуговиц нет. Как это вы догадались?

— Вы же сами сказали... — заметил Фердинанд.

— Я ничего не сказала.

— Простите, пожалуйста. Вы сказали, что таких пуговиц никогда не видали. Если б в магазине такие пуговицы были, вы б этого не сказали.

— А ведь правда, — призналась продавщица.

— Значит, нам надо в другой магазин, — заключил Фердинанд.

— *Надо*, — поддержал его мундир.

— Погодите ещё минуточку, — сказала продавщица умоляющим голосом. — Так приятно любоваться этими замечательными пуговицами. Кто знает, доведётся ли в жизни увидеть что-нибудь подобное. К тому же вы так чудно говорите в два голоса!

Фердинанд даже покраснел от удовольствия. Собственно говоря, следовало бы тут же объяснить, как обстоит со вторым голосом, но Фердинанду пришло в голову, что дело это щекотливое, да и продавщица всё равно ему не поверит.

— Будьте так любезны... — И Фердинанд сделал рукой изящный жест. — Вы можете любоваться этими пуговицами сколько вам заблагорассудится!

— *..Сколько вам заблагорассудится!* — повторил, как вхо, мундир.

И продавщица любовалась пуговицами сначала с левой, потом с правой стороны, потом принесла увеличительное стекло и стала детально их изучать.

Посыпались восторженные возгласы:

— Шедевр!

— Уникальная работа!

— Исключительно!

- Идеал пуговицы!
- Какая прелесть!
- А этот блеск!
- С ума можно сойти!

Фердинанд смотрел на неё с удивлением. Ему и в голову не приходило, что можно так тонко разбираться в пуговице. Когда миновал час, Фердинанд сказал:

— Извините, что мы покидаем ваш очаровательный магазин, но нас вынуждает к тому необходимость: мы хотим где-нибудь найти недостающие пуговицы...

— *Недостающие пуговицы...* — повторил мундир.

— Почему вы говорите о себе во множественном числе? — спросила продавщица, высоко подняв брови.

— Я говорю от своего имени и от имени мундира, пояснил Фердинанд.

— *То есть от моего имени,* — добавил мундир.

— Вы необыкновенный! — воскликнула с восхищением продавщица. — Если вам когда-нибудь понадобятся пуговицы, разумеется, не такие редкие, как эти, то прошу ко мне в магазин. Мои пуговицы — это ваши пуговицы!

— Большое спасибо, — раскланялся с продавщицей Фердинанд. — Я постараюсь запомнить это навеки!

— *И я! и я!* — повторил мундир.

— До свиданья, — произнёс Фердинанд, направляясь к двери.

— *До свиданья!* — повторил мундир.

— До свиданья, двухголосый покупатель, — попрощалась продавщица и послала вслед Фердинанду улыбку, а тот красовался напропалую в своём мундире.

IV

Они побывали ещё в трёх магазинах с пуговицами. Но безуспешно. Дело приняло трагический оборот.

— Я не смогу принимать парад, — сказал убитый горем Фердинанд. — Кто это видывал, чтоб генерал стоял на трибуне и принимал парад в мундире, на котором недостаёт двух пуговиц!

— *А мне нельзя вернуться в музей!* — простонал мундир. — *Стоит директору на меня взглянуть, как он скажет «Опять проигрался, олух!»*

— Это послужит тебе уроком! — не выдержал Фердинанд. — Не будешь впредь играть в эти дурацкие пугоницы. Так тебе и надо!

Погружённые в свои печальные мысли, они уселись в парке на скамейке.

Сидели так, сидели, может два, а может, и три часа, как вдруг к ним стали приближаться чьи-то голоса.

— Вот очень хорошее место, — сказал один голос.

— Можно и сыграть, — весело отозвался другой.

— Давай! — крикнул третий.

И вскоре за кустами, которые отделяли их от трёх голосов, послышалось характерное звяканье пуговиц.

— Слышишь? — шёпотом спросил Фердинанд.

— *Слышу*, — басовитым шёпотом ответил ему мундир.

— Может, это те самые?

— *Очень даже возможно*, — ответил мундир.

— У меня есть план, — сообщил Фердинанд.

— *Какой?* — поинтересовался мундир.

— Если это те самые юнцы, — сказал Фердинанд, — то я попробую пуговицы отыграть. Я мог бы попросту отнять их силой, они б даже не пикнули, уверяю тебя... Но ведь ты на это не пойдёшь, скажешь, неблагородно...

— *Уж конечно!* — ответил мундир.

— Значит, пуговицы я отыграю, — с решительностью повторил Фердинанд. — Давай высунемся. Надо посмотреть, те ли это...

И они слегка высунулись, так, чтоб юнцы, которые были поблизости, их не заметили.

— *Те самые*, — подтвердил мундир.

— Слоняются, видно, по городу взад и вперёд и играют в пуговицы там и сям, — заметил Фердинанд. — Слезай с меня!

— *И не подумаю*, — заупрямился мундир. — *На тебе и прекрасно сажу и слезать не желаю.*

— Слезай, да поскорей! — повторил Фердинанд. — Если

они тебя заметят, они сразу почувствуют, чем дело пахнет, и будут настороже.

— *Может, ты и прав,* — буркнул мундир и с неохотой, медленно-медленно, сполз с Фердинанда.

Фердинанд оказался в одном только белье. Он стал похож на спортсмена-одиночку, который пришёл в парк потренироваться.

— Сиди на скамейке и не шуми, — сказал Фердинанд мундиру. — *Чтоб ни гугу!* Я постараюсь вернуться как можно скорее.

Мундир остался на скамейке, а Фердинанд, весело навистывая, скрылся за кустами.

— В пуговки играем, да? — спросил Фердинанд, подойдя к трём юнцам, увлечённым игрой.

— Играем, — сказал первый юнец.

— Ну и как? — спросил Фердинанд.

— А так... — ответил второй.

— Великолепная игра! — заметил Фердинанд.

— Вы тоже играете? — заинтересовался третий юнец.

— Когда-то я играл, — скромно заметил Фердинанд.

Но уже давным-давно не держал в руках пуговицы. Разно что застегнуться...

— Ха-ха-ха! — загоготали одновременно все три юнца. — Хорошая шутка!

— Сыграть не желаете? — осведомился первый юнец, предчувствуя, видимо, лёгкую добычу.

— Попробуйте! — присоединился к товарищу второй

— Мы с удовольствием... — И третий юнец хитро ухмыльнулся.

— Я не очень-то умею... — стал выкручиваться Фердинанд.

— Мы тоже не ахти как играем... — сказал первый юнец.

— Едва разбираемся, — заявил второй.

— Мы, собственно, начинающие, — добавил третий.

— У меня и пуговиц-то порядочных нет, — заметил Фердинанд и небрежно провёл по тусклым пуговкам на белье.

— Неважно, — сказал старший юнец, — мы сыграем с вами в кредит...

— Уж наверно, дома у вас есть всякие там костюмчики с пуговицами, правда?.. — спросил второй.

— Разумеется, есть, — ответил Фердинанд. — А потом, я ещё получил от отца целую кучу пуговиц в наследство

— Большую кучу? — оживился вдруг третий.

— Как вам сказать... — протянул в задумчивости Фердинанд. — Ящика четыре наберётся...

— И большие ящики? — спросили все трое разом.

— Вместительные, — пояснил Фердинанд.

Все трое, не в силах удержаться, потёрли одновременно руки.

— Мы вам верим, — сказал старший юнец. — Если вы всё-таки проиграете, чего, разумеется, не случится, вы, конечно, отпираться не станете, правда?

— Уж конечно, нет, — заверил юнцов Фердинанд.

— По виду вы человек солидный, — сказал второй.

«Не то что вы», — подумал про себя Фердинанд.

— Такие, как вы, не проигрывают! — воскликнул третий и дерзко подмигнул своим друзьям.

— Раз уж вам так хочется, я готов, — согласился Фердинанд. — Только чтоб не очень долго...

— Можете быть спокойны, — хором отозвались юнцы. — Мы это провернём раз-два...

— Итак, начинаем! — воскликнул Фердинанд.

Уже после нескольких бросков в кармане у Фердинанда скопилось, наверно, с полкилограмма пуговиц, которые он молниеносно выиграл у юнцов. Юнцы заволновались, но бросать игру было им не к лицу.

— Итак, продолжаем, не правда ли? — то и дело повторял Фердинанд, сгребая пригоршнями пуговицы.

— Продолжаем, продолжаем, — твердили юнцы, но физиономии у них вытягивались всё больше и больше.

Фердинанд выиграл у каждого все пуговицы с пиджака и теперь выигрывал последние пуговицы от брюк. Юнцы придерживали уже брюки руками.

— Больше я не играю! — воскликнул первый юнец. — У меня кончились пуговицы.

— И у меня, — сказал второй.

— И у меня, — подхватил третий.

— Не ври! — крикнул первый юнец, подступая к третьему. — Не ври! — повторил он с угрозой. — У тебя есть ещё две пуговицы!

— Какие? — спросил третий, сделав невинное лицо.

— Ну, ты это брось! — присоединился к первому второй и тоже стал подступать к третьему. — Сам знаешь какие! Те, которые ты выиграл сегодня утром у этого лохуха.

— О, это редкие пуговицы, — сказал третий. — Я спрятал их на счастье.

— Не придуривайся! — заорали оба его друга. — Выкладывай пуговицы, нам надо отыгратся. Не дашь — пожалеешь.

Третий помедлил, сунул нехотя руку в карман и вынул оттуда две великолепных золотых пуговицы. Ферди-

нанд тотчас их узнал. Не было ни малейшего сомнения в том, что это пуговицы от мундира. От мундира, который в это самое время томился в одиночестве в нескольких шагах отсюда. Сердце у Фердинанда забило сильнее.

— Спокойно, Фердинанд, спокойно, — шепнул он сам себе. — Только не спугнуть...

— Играем! — крикнул первый юнец, выхватив у третьего две золотых пуговицы.

— Стану я играть из-за каких-то жестянок! — проворил с пренебрежением Фердинанд. — Вообще-то я играю только на костяные или на роговые пуговицы. В крайнем случае, на перламутровые... Но не на жестяные, не на жостяные!

— Но они очень красивые... — попытался поправить дело второй юнец.

— Может быть, — ответил Фердинанд. — Только мне они не нравятся.

— Посмотрите, как они сверкают! — воскликнул третий юнец, в котором тоже пробудился азарт.

— Говоря по правде, — заметил Фердинанд, — меня абсолютно не интересуют блестящие предметы.

— Послушайте! — со слезами на глазах воскликнул первый юнец. — Это нехорошо!..

— Дайте нам возможность отыграться! — зарыдил второй.

— Имейте ж хоть капельку жалости, — простонал третий.

— Ну ладно, — великодушно согласился Фердинанд. Бросим ещё разок, но имейте в виду — это конец. Ставим на обе жестянки!

— Согласны! — крикнули хором юнцы, назначив одно временно в партнёры Фердинанду старшего юнца, который мастерски умел обманывать и был силен в броске.

Метнули.

И на этот раз бросок Фердинанда был несравненно лучше, чем бросок противника. Фердинанд сыграл как виртуоз. Он сгрёб в карман обе золотые пуговицы. Улыбнувшись присущей одному только ему улыбкой, в которой

обнажались оба ряда его великолепных, внушающих трепет зубов, Фердинанд проговорил:

— Играть с вами сплошное удовольствие. Может, сравнися как-нибудь ещё? Я в вашем распоряжении.

Юнцы, переступая с ноги на ногу, тупо смотрели в землю.

— Что ж... мы с удовольствием... только у нас... в ближайшее время... нет этого самого... времени, — сказал первый.

— Вот именно... времени... — подхватил второй.

— Да... со временем... у нас не того... — промямлил третий.

Все трое повернулись и, придерживая руками брюки, отправились прочь не солоно хлебавши.

Фердинанд вернулся к мундиру, который дремал в ожидании на скамейке. Прежде чем выйти из-за кустов, он зажал обе золотых пуговицы между зубами.

— Гляди, — прошепелявил Фердинанд, — я несу их тебе в зубах.

— *Просто не верится!* — пророкотал мундир. — *Невероятно! Как тебе это удалось?*

— Секрет... — скромно ответил Фердинанд. — Если бы ты не спал, ты б, наверно, всё слышал...

— *Да, я слегка вздремнул,* — признался мундир. — *Боже, мои родные пуговицы!*

— Пошли, сейчас мы их пришьём, — сказал Фердинанд и помог мундиру напялиться на себя.

1
v
Едва обе чудом обретённые пуговицы очутились на своём месте, как появился адъютант и, вытянувшись перед Фердинандом в струнку, отрапортовал:

Разрешите доложить: сегодня воскресенье!

— Как, уже? — удивился Фердинанд. — По-моему, ещё только четверг.

— Время летит, генерал, — отвечал, щёлкнув каблукми, адъютант. — Машина стоит внизу, пора ехать.

— Куда? — спросил Фердинанд.

— На парад, генерал. Сегодня вам предстоит принять парад.

— Припоминаю... В самом деле, был какой-то разговор о параде. Это обязательно?

— Все ждут, генерал.

— Может, кто-нибудь меня заменит... Ужасно не хочется сегодня принимать парад.

— Исключено, генерал! — решительно произнёс адъютант. — Заменить генерала не может никто.

— А почему?

— А потому что у вас самый красивый мундир, какой только можно себе представить. Никакой другой мундир не выглядит на трибуне так внушительно, как ваш.

— Я разрешу надеть его тому, кто меня заменит, простодушно пообещал Фердинанд.

— *Вот уж нет! Никогда я на это не пойду!* — закричал басом мундир. — *Ни на ком другом не намерен болтаться на трибуне!*

— Опять заважничал... — заявил Фердинанд. — Ни чего не поделаешь, придётся ехать на парад...

Ровно в десять Фердинанд в парадном мундире появился на празднично украшенной трибуне. Рядом адъютант — руки по швам. Тотчас в отдалении прокатился гром пушечных выстрелов и послышался мерный гул шагов марширующего войска.

Чем ближе к трибуне выстукивали ритм тяжёлые сапоги с подковами, тем больше росла в Фердинанде уверенность, что отряды состоят из одних только котов.

— Что за часть? — шёпотом спросил он у адъютанта.

— Полк Котов в Сапогах, — также шёпотом сообщил адъютант.

— Хорошие солдаты?

— Замечательные.

— Чем же они замечательные?

— Могут без малейшего шороха подкрасться к неприятелю.

— Любопытно, как это им удаётся, — поинтересовался Фердинанд, — в этих сапогах с подковами?

— На поле сражения, генерал, полк Котов в Сапогах отправляется босиком, сапоги у них только для парада, — с улыбкой пояснил адъютант..

— Ах, так... — протянул Фердинанд. — А вооружение какое?

— Самое современное, генерал. Дистанционно управляемые когти.

— То есть как это «дистанционно управляемые»?

— Управляемые из центра, который находится у них в мозгу.

— Каков же принцип устройства? — осведомился Фердинанд, который очень любил вникать в научные проблемы.

— Весьма простой, генерал, — пояснил адъютант. — Немного напоминает шасси самолёта. Когда самолёт в воздухе, шасси убрано в фюзеляж, когда самолёт приземляется — шасси выпускается наружу. В обычном положении когти убраны вовнутрь, но в момент атаки они автоматически выбрасываются наружу и превращаются в грозное оружие.

— Удивительно интересно! — с восторгом воскликнул Фердинанд.

Под приветственные клики всё новые отряды Котов в Сапогах проходили перед трибуной, выстраиваясь в широкое каре на Площади Увеселений. Окутанные клубами дыма, появились, в свою очередь, отряды котов с зажжёнными трубками в зубах.

— А это что такое? — спросил Фердинанд.

— Трубочники, — пояснил адъютант. — Когда необходимо, они зажигают по команде на поле битвы свои огромные трубки и ставят дымовую завесу, которая сбивает неприятеля с толку.

— Эти отряды сформированы недавно?

— В прошлом месяце, — подтвердил адъютант. — Хотя следует признать, что в поэзии идея существует давно...

— Что вы говорите! В каком именно произведении? — осведомился Фердинанд.

— В знаменитой поэтической эпосе, которая, как вы, вероятно, помните, начинается словами: «Слушай сказку: у ворот курит трубку старый кот». Именно оттуда пошла идея...

— Удивительно интересно, — протянул Фердинанд. А это что? — заинтересовался он, увидев отряды котов на мотоциклах.

— Это специальные отряды Крысоловов. Благодаря мотоциклу они развивают бешеную скорость.

— А если крыса юркнуёт в нору?

— Как раз эта проблема, генерал, окончательно не решена. Если, скажем, нора достаточно велика, чтоб в ней поместился Крысолов вместе с мотоциклом, всё обстоит благополучно. Но если нора узкая, то погоня может обернуться для Крысолова трагедией.

— В самом деле... Я вижу, это трудная служба.

— Ещё бы! — подхватил адъютант.

— Зато какая приятная, — добавил Фердинанд.

— Вы полагаете? — спросил адъютант, испытующе посмотрев на Фердинанда.

— А то как же! Катайся себе на мотоцикле сколько угодно. Будь у меня чуть побольше времени, — размышлял Фердинанд, — я бы сам пошёл в Крысоловы.

— Генералу не положено, — заявил раздосадованный адъютант.

— Вот жизнь... — с иронией проговорил Фердинанд. Чуть узнаешь о чём-то интересном, сразу выясняется, что это не для тебя!

— Генерал обязан ездить в лимузине, — заметил адъютант. — Можно и на коне, при условии, конечно, что конь породистый.

— На породистом мотоцикле я тоже могу! — воскликнул Фердинанд.

— Как вам будет угодно, генерал, — проговорил адъютант, — только я не уверен...

— Хватит умничать! — рывкнул Фердинанд и так толкнул, что эхо пошло кругом. — Захочу и буду ездить на мотоцикле днём и ночью, понятно?

— Так точно, — оробев, пролепетал адъютант.

Сгрудившаяся у трибуны толпа, видя, что генерал не шуточку разгневался, в страхе оцепенела. В тишине слышался только мерный гул шагов да грохот мотоциклов. Наконец все отряды стали в каре. И тут к адъютанту подлетел какой-то человек в чёрном костюме и сказал ему что-то на ухо. Адъютант кивнул в знак согласия и на цыпочках приблизился к Фердинанду.

— Генерал, — прошептал он, — вас просят произнести речь. Ваши верные солдаты ждут вашего слова.

— А мне не хочется, — коротко ответил Фердинанд.

— Так нельзя, генерал, — снова зашептал адъютант.

— Скажите им что-нибудь от моего имени.

— Не имею права, генерал.

— Вот видите! — воскликнул, ликуя, Фердинанд. — Вам тоже не хочется... Как и мне. Вы только ссылаетесь на то, что не имеете права...

— Я правду сказал!

«Как бы не так!» — буркнул про себя Фердинанд.

— Да и не меня просят сказать речь, просят вас, — проговорил в отчаянии адъютант. Парад сильно уже затянулся, а всякая затяжка, как было известно адъютанту по опыту, производит на торжествах крайне неблагоприятное впечатление.

— Мне нечего сказать, — заявил Фердинанд с присутствующим ему простодушием.

— Нет, вы должны произнести речь!.. — настаивал адъютант.

— Что же мне сказать? — спросил Фердинанд, сам падая в отчаяние.

— Во всяком случае, что-нибудь военное.

— Я могу сказать: пушка. «Пушка» ведь военное слово, правда?

— Несомненно, — подтвердил адъютант. — «Пушка» — слово военное. Но одной «пушки» мало.

— К «пушке» я могу прибавить чего-нибудь ещё.

— Отлично, генерал, отлично, — обрадовался адъютант.

— Чтоб звучало солиднее, я прибавлю к «пушке» слово «большая», — сказал Фердинанд. — Большая пушка! Как вам это нравится? Речь хоть куда, не правда ли?

— Речь очень славная, — подтвердил адъютант, — но у неё есть один недостаток: короткая...

— Вот и хорошо! — обрадовался Фердинанд. — Хорошо, если короткая. Солдатам не будет скучно во время речи, вы понимаете?

— Понимаю, — вздохнул адъютант. — Но я бы речь слегка удлинил...

— А я, — веско возразил Фердинанд, — если бы только можно было сократить, непременно бы сократил.

— Это можно сделать без труда, генерал, — игриво заметил адъютант и тут же испугался собственной шутки.

— Каким же это образом? — любопытно спросил Фердинанд.

— А вот как: вместо того, чтоб говорить «большая пушка», вы можете сказать «гаубица».

— А что такое гаубица? — шёпотом спросил у адъютанта Фердинанд. Ему стало стыдно, что он, генерал, не знает простых вещей.

— Гаубица — это и есть большая пушка, — сообщил Фердинанду на ухо адъютант.

— Адъютант, вы гений! — воскликнул Фердинанд. Да ведь мы таким образом сэкономим целых два слога!

— Не понимаю, — оторопело проговорил адъютант.

— Очень просто: «большая пушка» — это пять слогов, а «гаубица» — только три. Пять минус три — сколько в остатке?

— Два.

— Вот видите! — просиял Фердинанд. — Два слога чистого выигрыша. Если б все действовали точно таким же образом, знаете, сколько слогов мы б сэкономим?

— Очень много.

— Совершенно верно изволили заметить, совершенно верно. Мы б сэкономим множество слогов. Из этих сэкономленных слогов можно было бы составить множество

мовых речей, не прибегая при этом ни к каким дополнительным расходам.

— Верно! — поддержал адъютант.

— И всё благодаря вам! — крикнул Фердинанд. — Именно вы подсказали мне эту замечательную идею. Моя речь будет краткой, меткой. И главное — военной. Я им скажу от души. А вам за это большое спасибо!

Тут Фердинанд бросился к адъютанту и принялся его целовать. Когда войска и толпы народа это увидели, они прокричали в честь генерала:

— Гип-гип ура!

— Давай, давай!

— Гоп-гоп!

— Ещё раз!

— Многая лета!

— Кукареку!

Было много и других приветственных кликов, которые слышать Фердинанду довелось впервые.

И тут маленький, одетый в чёрное человечек подбежал к микрофонам. Чтоб проверить, работают ли они, человечек поспешно зататорил:

— Раздватричетырепятнадцатьсемьвосемьдевяностьдвадесятьдевятывосемьсемьшестьпятьчетыретридваодин.

Затем потёр руки от удовольствия, так как микрофоны передали его голос мегафонам, которые, в свою очередь, проорывали на весь город: «Раздватричетырепятнадцатьсемьвосемьдевяностьдвадесятьдевятывосемьсемьшестьпятьчетыретридваодин!»

Потом эхо в разных частях города повторило это бормотание ещё несколько раз. Человечек подождал, пока эхо не уgomонится, затем едва заметно кивнул адъютанту: декать, всё в порядке, можно начинать.

— Пожалуйте, генерал, — произнёс адъютант, указывая на микрофон.

Фердинанд подошёл к микрофону и глянул на огромную толпу, запрудившую площадь. Прямо против него заперли боевые шеренги. У солдат торчали в разные сторо-

ны усы, отчего вид у них был воинственный. Некоторым то и дело шевелили своими усами.

— Гау... — начал речь Фердинанд, и вдруг почувствовал, что дыхание у него перехватило.

«Вот так штука! — подумал Фердинанд. — Этого только не доставало! Если я поперхнулся, тогда ещё полбеда. Хуже всего, если это ангина. Тут уж ни за что на свете не кончишь речи. Попробую ещё, может, проскочит...»

Фердинанд набрал побольше воздуха в лёгкие и попробовал снова:

— Гау! Гау!..

Не получается. Фердинанд напрягся и рявкнул что есть мочи:

— Гау! Гау! Гау!..

Микрофоны, не раздумывая, передали эти звуки мегатонам, те усилили их до чрезвычайности. Похоже было, будто залаяла свора псов-великанов.

Что-то странное случилось вдруг с шеренгами отборных войск. Они покривились, смешались, расползлись в разные стороны, словом, говорю вам, началось нечто невообразимое. Сперва рассыпались отряды Крысоловов. В их распоряжении были мотоциклы, поэтому удирать им, конечно, было проще. Но, удирая, они то и дело наскакивали друг на друга колёсами, отчего возник неопиcуемый грохот. Вслед за ними в бегство обратился полк Котов в Сапогах. Сапоги соскальзывали у котов с ног; запинаясь о них падали их товарищи, которые тоже теряли сапоги, о которые, в свою очередь, спотыкались те, кто следовал по ним там. Позади всех оказались Трубочники. Поначалу они пытались было поставить дымовую завесу, выпустив облака дыма, но от страха не смогли затянуться по-настоящему, и потому дым получился жидкий, самого низкого качества, и завеса рассеялась.

Но хуже всего было то, что Фердинанд повторял всё время «гау, гау...», но до «бица» никак не мог добраться, застревая всякий раз на первой половине слова.

— Гау! Гау! Гау!.. — рявкал он всё громче, а коты удирали всё быстрее и быстрее.

«Боже мой, что я натворил, — думал в отчаянии Фердинанд, наблюдая за страшным переполохом, который разрастался при каждом его «гау».

— Дорогой, милый мундир, может, ты скажешь, как мне теперь быть? — взмолился Фердинанд, обращаясь к своему другу — мундиру, который, что ни говори, был всё же весьма опытной особой.

— *Проснись, Фердинанд!* — рывкнул ему прямо в ухо мундир.

Фердинанд тотчас проснулся и соскочил вовсе не с трибуны, а с дивана, потянулся и лениво двинулся к окну. Он встал на задние лапы, поставил передние на подоконник и, верный своей ежедневной привычке, выглянул на улицу.

Два каких-то подозрительных типа, озираясь, ударили во все лопатки.

— Теперь всё понятно, — пробурчал Фердинанд. — Это воры. Они собирались обокрасть наш дом, но моё выступление их напугало.

И для собственного удовольствия Фердинанд решил произнести свою речь до конца.

— Гау, гау, гау... бица! — взвыл Фердинанд и махнул хвостом.

ОХОТНИК

I

Фердинанд сидел на скамейке в парке и отдыхал. Каждый любит побездельничать порой, устроившись на скамеечке, и понаблюдать за гуляющими, за детьми, увлечёнными своими играми, рассмотреть хорошенько цветы на клумбе и скользящие по небу облака.

Фердинанд это тоже очень любил. В такие минуты он отдавался мечтам, а отдаваться мечтам было любимым занятием Фердинанда.

Фердинанд мечтал да мечтал, развалился на скамейке, как вдруг почувствовал, что кто-то остановился рядом.

— Здравствуйте, Фердинанд, — услышался знакомый голос.

— Здравствуйте, здравствуйте, — ответил Фердинанд, не открывая глаз. Очень уж не хотелось открывать «му глаза».

«Не буду открывать глаза, — подумал Фердинанд. Постараюсь отгадать, кто это, с закрытыми глазами».

— Давненько мы не видались, — произнёс голос.

— Давненько, давненько, — повторил Фердинанд, а при себе подумал: «Мы и теперь не видимся, глаза-то у меня закрыты».

— Что у вас слышно, дорогой Фердинанд? — стал допытываться голос.

— Да всё то же... — ответил Фердинанд.

— Выглядите вы чудесно, — заметил голос.

— Так себе, — буркнул Фердинанд и принялся соображать, чей же это всё-таки голос. — Вы уже сели? — осведомился Фердинанд, всё ещё не открывая глаз, хотя искушение поглядеть одним глазом в щёлочку было очень велико.

— Сел, — ответил, несколько удивясь, голос. — А мы что, не заметили?

— Откровенно говоря, не заметил.

— Любопытно, — пробормотал голос. — Должны ж мы вас видеть.

— В том-то и дело, что не вижу, — признался Фердинанд.

— Не видите? — произнёс потрясённый до глубины души голос. — Это почему ж, дорогой Фердинанд, вы меня не видите?

— А потому, мой уважаемый друг, — пояснил Фердинанд, — что глаза у меня закрыты.

— А почему они у вас закрыты? — спросил голос и полным-полным любопытства голосом.

— А потому, — отозвался, в свою очередь, Фердинанд, что я лучше отдыхаю, когда глаза закрыты. Закрыты глаза — это новейшее открытие в области отдыха, — заметил он с важностью.

— Что вы говорите? — изумился голос. — Первый раз слышу. Наверно, это выяснили совсем недавно, а?

— На прошлой неделе, — ответил Фердинанд. — Но я этим открытием сразу заинтересовался. Как только прочитал...

— Ну и что? Закрываете глаза?

— Каждую свободную минуту, — с убеждением подтвердил Фердинанд.

— Ну и как отдыхается? — допытывался голос.

— Совсем другое дело! Словами этого не выразишь!

— Тогда и я закрою глаза, — решил голос. — Вы не возражаете, Фердинанд?

— Пожалуйста, закрывайте, — отвечал Фердинанд. — Каждый имеет право закрыть глаза, когда пожелает.

— Я уже закрыл, — сообщил голос.

— Ну и как себя чувствуете?

— Чудесно! — воскликнул голос. — Вот уж не думал, что можно так славно отдыхать с закрытыми глазами.

— Правда? — обрадовался Фердинанд. — У этой системы есть только один недостаток.

— Какой? — заинтересовался голос.

— Ничего не видно, — объяснил Фердинанд. — Когда закрываешь глаза, то ничего не видно.

— Вы совершенно правы, — согласился голос. — Когда глаза закрыты, в самом деле ничего не видно. Но ведь глаза можно и открыть.

— Правильно, — подтвердил Фердинанд, — можно открыть. Но ведь тогда соответственно новейшим взглядам отдых немедленно прекращается.

— Справедливо, — вновь согласился голос. — Только зачем открывать глаза?

— Иногда это необходимо. Ну для того, скажем, чтоб выяснить, кто сидит рядом на скамейке.

— Я, — ответил голос.

— Знаю, что вы, — подтвердил Фердинанд. — Но кто вы такой?

— Вы не узнаете меня по голосу? — спросил изумлённый голос. — Да ведь голос у меня очень своеобразный, все только и твердят мне об этом.

— Разумеется, — не стал возражать Фердинанд. — Го-

лос у вас очень своеобразный, но, кроме вас, я знаю ещё целую кучу народу, и у всех голос своеобразный. Однако с закрытыми глазами мне не понять, чей же это, собственно, голос. Вы уж на меня не сердитесь...

— Ну что вы! — отозвался голос. — Моё имя...

— Ни слова больше! — воскликнул Фердинанд. — Не говорите, кто вы такой. Я должен отгадать сам! Ваша... ваша фамилия Среберко, и у вас мясная лавочка на Кленовой...

— Нет, дорогой Фердинанд, я вовсе не Среберко, и у меня нет лавочки на Кленовой, — ответил голос несколько обиженным голосом.

— Значит, вы директор Рончка.

— И не директор Рончка.

— Знаю, знаю! Вы Каетан Бомбелек.

— Никакой я не Каетан и не Бомбелек, — сухо ответил голос.

— Минуточку, минуточку, — заволновался Фердинанд. — У кого ж всё-таки такой своеобразный голос? Пожалуй, у доктора Карпювки. Что, угадал?

— Нет, Фердинанд, не угадал. Кроме того, с доктором Карпювкой я со вчерашнего дня не разговариваю.

— Извините, пожалуйста, что принял вас за доктором Карпювку, но ведь я же не знал, — произнёс Фердинанд, которому всё больше хотелось открыть глаза. Он стал даже сердиться на себя за то, что не может отгадать, кто это рядом с ним на скамейке.

— Отгадывайте, отгадывайте! — настаивал голос.

— Вы директор кинотеатра «Ас»?

— Нет.

— Почтальон с нашей улицы?

— Тоже нет.

— Мороженщик?

— Терпеть не могу мороженого.

— Преподаватель латинского языка?

— По латыни у меня всегда была пара.

— Знаю!!! — заорал на весь парк Фердинанд. — Вы заведующий аптекой «Под Крокодиллом»!!!

— Наконец-то вы догадались, мой дорогой Фердинанд, — обрадовался голос. — Я и в самом деле заведующий аптекой «Под Крокодилом». А как вы догадались? Вы случайно не подсмотрели? Ну, признавайтесь...

— За кого вы меня принимаете? — оскорбился Фердинанд. — Глаза у меня были всё время закрыты, даже зажмурился сильнее, чтоб не подсмотреть случайно. Знаете, как я догадался?

— Как?

— Из-за латыни, — признался Фердинанд. — У преподавателя латинского языка голос похож на ваш.

— Похож, — согласился аптекарь.

— А ведь рецепты пишутся иногда по-латыни, правда?

— Правда.

— Это и навело меня на мысль, но больше всего помог мне мой нос.

— Нос? Не понимаю...

— Я стал принюхиваться, — пояснил Фердинанд, — почувствовал запах лекарств. Теперь понятно?

— Та-ак... Теперь понятно. Здорово это вы сообразили, Фердинанд. В общем, я очень доволен, что мы встретились. Вы себе не представляете, как приятно сидеть с закрытыми глазами. Вам не кажется, что это очень даже может пригодиться охотнику.

— В каком, собственно, смысле? — спросил Фердинанд, не понимая, к чему клонит аптекарь.

— А в том смысле, что охотнику нужен зоркий глаз. А зоркость зависит от отдыха, вы со мной согласны, Фердинанд?

— Совершенно согласен.

— Вот мне и кажется, — продолжал аптекарь, — что закрытые глаза благотворно влияют на зоркость...

— Совсем забыл, что вы самый знаменитый охотник в нашем городе! — воскликнул Фердинанд.

— Это верно, — подтвердил аптекарь. — Ужасно люблю охоту. Может, выберетесь как-нибудь вместе со мной на охоту, а, Фердинанд?

— Вдвоём?

— Если желаете, могу пригласить своих товарищей, предложил аптекарь. — Устроим большую охоту. Будем трубить в охотничий рог и есть бигос.

— Да ведь я ещё ни разу...

— А вы не огорчайтесь, — прервал Фердинанда аптекарь. — Каждый охотник был когда-то новичком. Всегда начинаешь с первой охоты.

— У меня и ружья-то нету.

— Пустяки, у меня дома столько ружей, что могу одолжить вам два или три сразу...

— Охотничьего костюма тоже нет...

— Пришлю. У меня с юности хранится отличный охотничий костюм, — не унимался аптекарь. — Он в прекрасном состоянии. Будет вам как раз впору.

— А рог... для чего? — поинтересовался Фердинанд.

— А в рог трубят в самом начале и в самом конце охоты.

— А кто трубит?

— Особый трубач.

— Мой дорогой друг, — сказал умоляющим голосом Фердинанд, — не дадут ли мне охотничий рог?

— Если желаете, один из наших рогов в вашем распоряжении.

— Мне очень хочется, чтоб он был золотой, — продолжал Фердинанд. — А на нём серебряный шнур, чтоб носить через плечо.

— Рог, который вы от нас получите, будет несомненно с таким шнуром, — пообещал аптекарь.

— И ещё я хотел вас попросить, если это не очень трудно, прислать мне рог за неделю вперёд, — не унимался Фердинанд.

— Как вам будет угодно, — ответил аптекарь. — Но скажите мне как другу: зачем вам рог за неделю вперёд?

— Поупражняться, подучиться немного, — пояснил Фердинанд. — А потом мне ещё хочется хорошенько его начистить, чтоб он сверкал, как...

— Как что?

— Чтоб сверкал, как я не знаю что! — закончил Фердинанд.

— Завтра же пришлю вам рог, охотничий костюм и ружьё,— пообещал аптекарь.— А через неделю мы устроим охоту.

— Ружьё можете не присылать,— заметил Фердинанд.— Главное — рог. Что же касается бигоса...

— У вас есть пожелания насчет бигоса? — осведомился аптекарь.

— Что касается бигоса,— продолжал торжественным тоном Фердинанд,— то я люблю, когда в бигосе много колбасы.

— Смею вас уверить, так оно и будет.

— Видите ли,— принялся объяснять Фердинанд,— бигос делают из капусты с добавкой колбасы. А я мечтаю о бигосе из колбасы с добавкой капусты.

— Именно такой бигос мы сварим в вашу честь, дорогой Фердинанд,— заверил его аптекарь.— Итак, через неделю?

— Через неделю! — воскликнул Фердинанд.

— Разрешите откланяться,— сказал, поднимаясь, аптекарь.

— Попрощаемся с закрытыми глазами,— предложил Фердинанд.

— Отлично. Попрощаемся с закрытыми. Я очень признателен вам за то, что вы научили меня отдыхать с закрытыми глазами.

— Правда, отличный способ?

— Поразительный, дорогой Фердинанд!

И собеседники, не открывая глаз, попрощались друг с другом кивком головы.

II

В охотничьем костюме, с ружьём через плечо, с начищенным рогом, который сверкал так, что приходилось отводить в сторону взгляд, Фердинанд в условный день явился на сборный пункт.

Заведующий аптекой «Под Крокодилом», а также его друзья, вооружённые всевозможными ружьями, берданками и охотничьими ножами, уже поджидали Фердинанда. Вид у них был такой воинственный, что в первый момент Фердинанду захотелось повернуть и дать тягу.

Завидев Фердинанда, все страшно обрадовались. Аптекарь бросился ему навстречу и, протянув руки, воскликнул:

— Привет вам, Фердинанд!

— При-вет! — повторили за ним остальные.

— Очень приятно, что мы охотимся сообща! — продолжал аптекарь.

— Со-обща!!! — рявкнули остальные.

— Сегодняшний день будет вписан золотом в историю нашего охотничьего кружка! — заявил, склоняя голову, аптекарь.

— Зо-ло-том!!! — вновь рявкнули охотники.

— Быть в вашем обществе — величайшее удовольствие.

— Ве-ли-чай-шее!!! — подхватили охотники.

— Будем надеяться, что сегодняшняя охота будет нам редкость удачной!

— У-дач-ной!!! — повторили хором присутствующие.

Закончив речь, аптекарь представил Фердинанду по очереди участников охоты, после чего все расселись по машинам, которые стояли уже наготове. Выехав из города, они устремились к лесам.

Фердинанд ехал в одном автомобиле с аптекарем и ещё двумя другими охотниками. Он сидел на заднем сиденье, не произнося ни слова и только от времени до времени потягивая носом.

— Может быть, вы плохо себя чувствуете? — спросил в конце концов аптекарь.

— Ничего подобного, — ответил Фердинанд.

— По-моему, у вас что-то вроде насморка...

— Вы ошибаетесь.

— Мне показалось, будто вы, — не унимался аптекарь, — потягиваете носом...

— В самом деле, потягиваю и буду потягивать, — подтвердил Фердинанд.

— В чём же дело? — поинтересовался аптекарь.

— А в том, — деловито пояснил Фердинанд, — что я никак не могу уловить запах бигоса. Неужели вы его забыли?

— Бигос есть, есть бигос, — заверил Фердинанда аптекарь, приложив руку к сердцу.

— Почему же тогда мой нос его не чувствует? — напрямик спросил Фердинанд.

— Потому что бигос помещён в термос, дорогой Фердинанд.

— А где помещён термос? — осведомился Фердинанд.

— А термос в последней машине.

Тогда Фердинанд высунулся на полном ходу в окно и посмотрел назад.

— Там пустая машина, — заметил он после непродолжительного наблюдения.

— Так только на первый взгляд кажется, — стал объяснять аптекарь. — Машина вовсе не пустая. Там едет он.

— Кто это «он»?

— Ну, бигос...

— Он едет в одиночку?

— В одиночку.

— Это ужасно! — воскликнул Фердинанд.

— Почему? — спросил аптекарь.

— Потому что ему, наверно, ужасно скучно.

— Тут уж ничем не поможешь. — И аптекарь развёл руками.

— Всегда есть выход из положения, — возразил Фердинанд.

— Лично я никакого выхода не вижу, — заметил аптекарь.

— А я вижу! — крикнул Фердинанд, да так громко, что два других охотника, убаюканные шумом мотора, попытались вскочить на ноги, но, ударившись головой о крышу автомобиля, дико скосили от боли глаза и рухнули вновь на сиденье.

— Что вы видите? — равнодушно спросил аптекарь.
— Я вижу, как можно скрасить его одиночество! — сказал с убеждением Фердинанд.

— Быть такого не может, — ответил с усмешкой аптекарь.

— Может! — стоял на своём Фердинанд.

— Как же это вы себе представляете?

— А очень просто. Я пересаживаюсь из этой машины в ту машину, где едет бигос.

— Ну и что?

— Буду всю дорогу рассказывать ему разные интересные истории...

— А он вас не услышит.

— Это ещё почему?

— Я ж вам говорю: он едет в термосе. Весьма сомнительно, чтоб он мог слышать вас сквозь стенки.

— А рожок сквозь стенки дойдёт?

— Рожок? — переспросил аптекарь, не понимая, о чём речь.

— Я буду наигрывать на роге разные мелодии, пока мы едем. Думаю, кое-что он услышит. А вы как думаете?

— Если будете играть очень громко, он и в самом деле кое-что услышит.

— Я буду играть как можно громче! — заявил Фердинанд. — Остановите машину! Я пересяду.

Пришлось остановиться, и Фердинанд перешёл в самый последний автомобиль. На заднем сиденье там ехал огромный термос, набитый до отказа первосортным бигосом, состоящим из одной только колбасы, в которую добавили листик капусты. Ощущался тонкий восхитительный аромат. По-видимому, в термосе была где-то щёлка.

«Тем лучше, — подумал Фердинанд. — Раз есть щёлка, значит, я всё время буду наслаждаться запахом, и вместе с тем звуки рога проникнут внутрь, и бигос вволю насладится моей игрой».

— Не кажется ли вам, — спросил Фердинанд, готовясь захлопнуть дверцу, — что бигосу, должно быть, по душе игра на роге?

— Вне всяких сомнений, Фердинанд, — заявил заведующий аптекой. — Не надо забывать о том, что это охотничий бигос!

Колонна вновь двинулась в путь, устремляясь к чернеющим на горизонте лесам. В последнем автомобиле рядом с огромным термосом сидел Фердинанд и на золотом, сверкающем, как солнце, роге наигрывал бигосу различные мелодии.

Тра-та-та-та, тра-та-та-та, тра-та-та-та-та-там!..

III

Когда, очутившись наконец в лесу, они вылезли из машин, первым желанием Фердинанда было побегать, побесноваться среди деревьев и кустов можжевельника. И только большим усилием воли удалось Фердинанду овладеть собой. С достоинством проследовал он вместе со всеми на полянку. Там охотники выбрали старшего. Старшим стал, конечно, ввиду многолетнего опыта и многочисленных удач, не кто иной, как аптекарь. Первоначально хотели избрать Фердинанда, чтоб отметить тем самым его участие в охоте, но он самым изысканным образом поблагодарил за честь, скромно намекнув, что это первая его охота и что в следующий раз он, быть может, без особых колебаний даст своё согласие.

— Охотимся на зайцев, — объявил аптекарь. — Каждый из вас имеет право отстрелять три штуки. Поскольку нас всех одиннадцать... Минуточку... Сколько будет трижды одиннадцать?

— Тридцать три, — прошептал Фердинанд.

— Вот именно, тридцать три! — подтвердил аптекарь. — Учítывая, что каждый — отличный стрелок, я уверен: вечером, когда мы все соберёмся у традиционного костра, чтобы подкрепиться традиционным бигосом, тридцать три зайца явятся не столько живым, сколько мёртвым доказательством нашей меткости.

— Считайте, что их будет только тридцать, — вполголоса пробормотал Фердинанд.

— Это почему же?

— Потому что мне, вероятно, суждено промазать.

— Не смейте так говорить! — запротестовал заведущий аптекой.

— Вас ждёт успех! — прокричали хором остальные охотники.

— Честное слово, промажу, — стоял на своём Фердинанд.

— Вначале каждый так думает, а потом без промаха бьёт по цели, — заметил аптекарь и потрепал Фердинанда по плечу. — Не падайте духом, дорогой Фердинанд!

— Не падайте! — хором прокричали охотники.

— Сердце говорит мне, что ни разу не попаду, — не унимался Фердинанд.

— Выше голову, Фердинанд, всё будет в порядке! заверил его аптекарь, а остальные повторили:

— В порядке!!!

— А теперь — по местам! — скомандовал аптекарь и, закинув на плечо ружьё, зашагал по лесу.

Его примеру последовали остальные. Охотники шли гуськом. Последним оказался Фердинанд. Он приложил рог к губам и в такт движению заиграл марш.

Шли они так час, а может, и два и очутились наконец в зарослях кустарника на опушке леса. За лесом простиралось поле, где виднелись сочные кочаны капусты. Капусты было много, такого количества капусты Фердинанд в жизни ещё не видел.

— Лучшего места я не знаю, — шёпотом сообщил аптекарь. — Укроемся в кустах на опушке, подальше друг от друга, и, соблюдая тишину, дождёмся вечера. Вечером зайцы из окрестности сходятся сюда на капустный пир. Нравится вам это место?

— Оно превосходное! — шепнул один из охотников.

— Несравненное! — добавил другой.

— Это поэма! — с наслаждением произнёс третий.

— Шедевр! — заявил четвёртый.

— Мечта охотника! — поддержал пятый.

— Фьююю! — присвистнул с восхищением шестой.

— Высший класс! — заметил седьмой.

— Настоящий сюрприз! — произнёс восьмой.

— Чудо! — присоединился к своим товарищам девятый.

— А вы какого мнения на этот счёт? — осведомился аптекарь у Фердинанда, стоявшего чуть поодаль.

— Я думаю, это капустный рай, — сказал Фердинанд, немного подумав.

— Bravo! — воскликнули все охотники с аптекарем во главе. — Вот правильное определение! Капустный рай! Вы нашли подходящее слово, Фердинанд! Отныне мы будем называть это место капустным раем! — закричали наперебой охотники.

Фердинанд скромно стоял в стороне и лишь улыбкой поблагодарил всех за эту бурю восторга.

— А теперь — ти-ши-на! — скомандовал аптекарь. — Становимся на номера. Вам, Фердинанд, мы предоставим право выбрать себе самую удобную позицию.

— Мне всё равно, — заявил Фердинанд.

— Нет, нет, что вы, ваше место должно быть лучшее! Где вам больше всего нравится? — настаивал аптекарь.

— Мне бы хотелось, чтоб кусты были погуще, — сказал в конце концов Фердинанд. — И чтоб никто не мешал.

— Прекрасно. Сию же минуту препровожу вас туда, где кусты такие густые, что сквозь них почти не пролезешь. Там на полкилометра ни души, никто вам не мешает, — пообещал аптекарь. — Но сначала, — заявил он, обращаясь к охотникам, — два слова насчёт условий охоты. Как я уже сказал, каждый из нас имеет право на отстрел трёх зайцев. Стрелять можно только до восьми вечера. После восьми ни одного выстрела, даже если заяц падет вам на ружьё. Понятно?

— Так точно, начальник! — хором ответили охотники. — По-нят-но!!!

— Благодарю вас, — ответил аптекарь и, повернувшись к Фердинанду, произнёс: — Дорогой Фердинанд, идёмте!

Аптекарь повёл Фердинанда через такие кусты, что они едва сквозь них пробились. В одном месте среди за-

рослей было как бы оконце, оттуда просматривалось некое капустное поле.

— Место тут идеальное, дорогой Фердинанд, — заметил аптекарь. — Вы со всех сторон укрыты и вместе с тем отсюда очень удобно наблюдать за... капустным... как вы сказали?

— Капустным раем, — подсказал Фердинанд.

— Вот именно. Капустным раем. Поскольку добрым пожеланий давать на охоте не полагается, желаю вам сломасть ногу!

— А я вам обе ноги, — не остался в долгу Фердинанд, который с самого рождения желал всем всегда одному только хорошего.

С тем они и расстались. Аптекарь, пробившись сквозь чащобу, вернулся к своим товарищам, а Фердинанд остался один, окружённый со всех сторон непроходимой стеной кустарника.

IV

Фердинанд снял с одного плеча ружьё, с другого рог. Ружьё он прислонил к растущему поблизости кусту можжевельника и больше к нему не притрагивался. Зато рог он долго вертел в руках, любуясь бликами, которые от него исходят, и томимый желанием хоть немного потреть. Но это желание он в конце концов поборол, справедливо считая, что, поскольку охота началась, трубить без согласия старшего запрещается.

Всласть налюбовавшись рогом, Фердинанд положил его под кустом.

Он стал глядеть на капустный рай, где торчали тысячи капустных головок, но ничто живое не шевелилось. Вскоре Фердинанду стало жарко — в кустах стояла страшная духота.

— Уфф, кажется, я тут заживо сварюсь, — буркнул Фердинанд, снял свою охотничью шапочку с пером и бросил на землю.

Через четверть часа он стянул с себя высокие сапоги

ро шнуровкой, а ещё четверть часа спустя — охотничью куртку, только тогда он почувствовал, что ему полегчало.

«Нет смысла торчать всё время в этом просвете да пялиться на пустое капустное поле, — подумал Фердинанд, растянувшись на земле, поросшей толстым мягким мохом. — Полежу так с полчаса и начну наблюдать...»

Поручиться — не поручусь, но, по-моему, Фердинанд слегка вздремнул. Впрочем, не исключено, что он просто отдыхал, согласно новому методу, с закрытыми глазами. Во всяком случае, в тот момент, когда Фердинанд открыл глаза, он увидел большого зайца, обнюхивающего ружьё, которое, как вы припоминаете, было прислонено к кусту можжевельника.

— Эй, ты! — шёпотом позвал Фердинанд.

При звуке голоса заяц одним прыжком очутился за можжевельником.

— Чего боишься? — спросил Фердинанд.

— Те-те-те-те-те-тебя, — дрожащим голосом ответил заяц.

— Не бойся, я тебе ничего не сделаю.

— А зачем тогда ру-ру-ружьё? — спросил заяц, и его дрожь передалась можжевельнику, из чего можно было заключить, что за дрожащим кустом притаился дрожащий заяц.

— Дали мне, вот я и взял, — пояснил Фердинанд. — А стрелять из него я не буду.

— П-п-п-п-правда? — допытывался заяц.

— П-п-п-п-правда! — ответил Фердинанд, передразнивая зайца.

Того это настолько ободрило, что он высунул из-за можжевельника кончики своих длинных усов.

— Ты од-д-д-дин?

— О-д-д-дин, — ответил Фердинанд. — А в общем-то, перестань валять дурака и говори нормально, ладно?

— Ла-ла-ла-ладно, — согласился заяц.

— Как твоя фамилия?

— Быстрицкий.

— А зовут как?

— Кицек.

— Это что, уменьшительное имя?

— Понятия не имею, — ответил заяц. — Меня с детства зовут Кицеком, так уж и повелось.

— Бывает, — заметил Фердинанд. — А моя фамилия Великолепный, а зовут Фердинанд.

— Очень приятно, — отозвался Кицек Быстрицкий, качнув за кустом длинными ушами.

— Мне тоже очень приятно, — сказал на это Фердинанд, — но было бы ещё приятней, если бы ты всё-таки вылез из-за куста.

Кицек одним прыжком очутился рядом с Фердинандом.

— А ты большой, — заметил Фердинанд, посмотрев с одобрением на зайца.

— Я самый большой заяц в округе, — с гордостью сообщил Кицек. — Меня здесь зайцы все слушаются.

— Вот и отлично, — обрадовался Фердинанд. — Немедленно предупреди зайцев, чтоб до восьми вечера не ходили в капустный рай.

— А что такое «капустный рай»? — спросил удивлённый Кицек.

— Капустный рай, ты, капустная кочерыжка, — это то самое, что ты видишь перед собой, — пояснил Фердинанд, указывая сквозь просвет в ветвях на поле, засаженное капустой.

— На нашем языке это называется «столовая», — ответил Кицек.

— Пусть будет столовая, — не стал спорить Фердинанд. — Надо предупредить, чтоб ни один заяц не приходил в столовую сегодня до восьми часов вечера, понятно?

— Понятно. А почему?

— Потому что будут стрелять.

— Кто?

— Другие охотники.

— Ага! Тогда я побежал! — воскликнул Кицек и помчался сквозь кусты с поразительной быстротой — не зря, видно, носил он свою фамилию.

Минуты через три он уже вернулся.

— Всё в порядке! — заявил, тяжело дыша, Кицек. — Ни один заяц не придёт в столовую до восьми. Каким только образом мы узнаем, что время уже прошло?

— Об этом можно узнать, посмотрев на часы, — объяснил Фердинанд.

— А часы у тебя есть? — спросил Кицек.

— Нету, — чистосердечно признался Фердинанд. — Но ведь, я думаю, у кого-нибудь из зайцев часы найдутся?

— Часов ни у кого нет, — упавшим голосом проговорил Кицек.

— Тогда всё погибло! — буркнул Фердинанд.

— Что ж теперь будет? — спросил убитый горем Кицек.

— Минуточку... — ответил Фердинанд и глубоко задумался.

Думал он, думал, а потом вдруг ни с того ни с сего спросил:

— Есть тут в округе башня?

— Какая башня?

— Всё равно какая, — пояснил Фердинанд. — Пусть будет колокольня, пожарная каланча или башня на ратуше...

— А зачем тебе башня?

— «Зачем! Зачем!» — вспыхнул Фердинанд. — А затем, что на башнях сплошь да рядом бывают часы. Дошло?

— Дошло! — воскликнул Кицек и от волнения пошевелил усами. — У нас в округе не одна башня, да вот беда: я не знаю, на какой есть часы. По правде сказать, нас это никогда не интересовало.

— Пошли зайцев, пусть разузнают.

Кицек свистнул особенным образом, и тотчас явилось с дюжину зайцев.

— Разбегитесь по округе, — велел им Кицек, — ищите башни. Чуть какую башню увидите, тут же выясняйте, есть ли на ней часы...

— Да спросите заодно, ходят ли они, — добавил Фердинанд. — Это очень важно!

— Будьте осторожны! — предостерёг их Кицек.

— И ни в коем случае не пробегайте через капустный рай! — предупредил их Фердинанд.

— То есть через столовую! — перевёл Кицек слова Фердинанда на заячий язык.

Выяснилось, что башня с исправными часами находится неподалёку. При башне оставили одного из зайцов, который, едва пробьёт восемь, должен был немедленно оповестить штаб в кустах. Остальным зайцам приказано было отсиживаться в укромном месте, а зайчат даже загнали в норы.

Кицек и Фердинанд меж тем, чтоб скрасить ожидание, устроили себе в кустах развлечение: они передавали друг другу рог и строили при этом всевозможные гримасы. На медной полированной поверхности рога их изображением десятки раз искривлялись и растягивались самым невероятным образом, и оба они давились при этом от смеха.

Памятуя, однако, что следует соблюдать абсолютную тишину, они смеялись исключительно про себя, ухитрились за всё это время ни разу не хихикнуть вслух.

V

До восьми вечера не прогремел ни один выстрел.

Все охотники (за исключением Фердинанда, который всё ещё сидел с Кицеком в кустах) вышли из засады и столпились вокруг аптекаря.

— Я и ползайца не видел... — сказал первый охотник.

— Я и четверти зайца... — добавил второй.

— Я и осьмушки... — пожаловался третий.

— Я и заячьего хвоста... — зарыдал четвёртый.

— Я и заячьего уха... — пробурчал пятый.

— Даже заячья тень не промелькнула... — заявил, с досадой махнув рукой, шестой.

— Вот так охота... — горько засмеялся седьмой.

— По три зайца собирались мы застрелить... — шепнул с насмешкой восьмой.

— А всех зайцев должно было набраться тридцать три штуки. Ха-ха-ха... — захохотал девятый.

Десятый охотник, иначе говоря аптекарь, сдвинув на затылок свою охотничью шапочку с пером, почесал в отчаянии лоб.

— Ничего не понимаю, — твердил он всё время, — ничего не понимаю... Это лучшее место из всех, какие мне только известны. В эту капусту приходят под вечер сотни зайцев. А сегодня ни одного.

— Может, это не здесь? — пробормотал кто-то. — Может, капустный рай совсем другое место?

— Чепуха, — проговорил аптекарь, — капустный рай только один. Ошибка исключается.

— Может, зайцы явятся позже? Может, их задержало, скажем, собрание или что-нибудь ещё? — предположил один из охотников.

— Такого ещё не бывало, — с убеждением проговорил аптекарь. — Капуста для зайца важней любого собрания.

— Но если они, предположим, сейчас покажутся, то ведь можно и стрельнуть... — не утерпел другой.

— Ни в коем случае! — воскликнул аптекарь. — Мы же сами решили, что стреляем только до восьми. Одно из двух: либо мы хозяева своего слова, либо нет.

— Хо-зя-ева!!! — воскликнули хором охотники.

— Тогда попрошу разрядить ружья, — распорядился аптекарь.

Защёлкали ружейные замки, и все стали выковыривать из патронников заряды, которые торчали там в ожидании зайцев.

— Готово? — спросил старший.

— Го-то-во!!! — ответили все хором.

— Подождём Фердинанда, — проговорил аптекарь. — Я отвёл ему самое дальнее место. Затем — по домам.

— А как же с традиционным костром? — слышался чей-то голос.

— Не думаю, чтоб у нас было право на костёр, — заметил аптекарь. — Костёр — это своего рода награда для

охотников, которые добыли в лесу трофеи. А какие трофеи добыли мы, ну какие?

Пристыжённые, охотники потупили голову. В самом деле, с трофеями обстояло слабовато.

— Может, всё-таки зажечь?.. — вновь послышался робкий голос.

— Пусть костёр будет не такой уж большой, — присоединился кто-то к товарищу.

— Давайте разложим костёр скромненький...

— Махонький...

— Доставим себе хоть это удовольствие...

— Что ж, небольшой костёр можно, — согласился аптекарь, — почему не зажечь?

— За работу! За работу! — воскликнули охотники.

— Надо набрать сучьев!

— Веточек!

— И можжевельника! — добавил аптекарь. — Чтоб дыму, дыму побольше!

VI

Было, наверно, шесть или семь минут девятого, когда в кустах появился запыхавшийся от сумасшедшего бега заяц, тот самый, которому поручили караулить у башни.

— Уже восемь! — закричал заяц, с трудом переводя дух. — Уже восемь часов!

— Ты всё время следил за стрелками?

— Я следил за стрелками и считал, когда пробило во семь, — пыхтя, ответил заяц.

— Молодец, — сказал Фердинанд и потрепал зайца по спине. — Всё сделано как надо. Ляг и отдохни немного.

Заяц разлёгся на мху, довольный, что выполнил свой долг и заслужил похвалу.

— Послушай, Кицек, — обратился Фердинанд к главному зайцу, который всё ещё рассматривал своё отражение в роге. — Есть у меня к тебе одна просьба...

— Слушаю... — отозвался Кицек, не поворачиваясь.

— Мне нужны тридцать три зайца... — сказал Фердинанд.

— Странная цифра! — воскликнул Кицек, не прерывая своего занятия. — Почему именно тридцать три?

— Долго объяснять, — отвечал Фердинанд. — Нужны тридцать три зайца, и точка. Важно, чтоб это были стопроцентные зайцы, понимаешь?

— Понимаю. Сейчас позову зайцев. Сам выберешь.

Кицек вновь свистнул, и на его зов тотчас же сбегалась целая орава зайцев. Фердинанд с Кицеком придирчиво осматривали каждого и наконец выбрали из этой зачуханной толпы тридцать два лучших зайца.

— Ты ведь хотел тридцать три? — напомнил Фердинанду Кицек, когда Фердинанд объяснил, что отбор заканчивается. — А у нас только тридцать два зайца.

— Нет, у нас тридцать три, — уверенно произнёс Фердинанд.

— Как же так... — с сомнением в голосе ответил Кицек. — Зайцев всего только тридцать два, я сам считал.

— А я тебе говорю, тридцать три!

— Где же тогда тридцать третий?

— Вот он! — проговорил Фердинанд, указывая на Кицека.

— Ты и меня выбрал? — спросил обрадованный Кицек.

— А ты как думал? Ты всем зайцам заяц.

— Что ж нам теперь делать? — осведомился Кицек, которого вся эта история ужасно заинтересовала.

— Пойдём с визитом к моим товарищам.

— Что за товарищи? — осведомился Кицек.

— Мои товарищи по охоте, — пояснил Фердинанд.

— И мы к ним пойдём?! — спросил перепуганный насмерть Кицек.

— Почему бы нет?

— Они будут в нас стрелять.

— Ручаюсь, не будут, — торжественно заверил Кицека Фердинанд.

— Ни разу?

— Ни разу.

— А что мы будем там делать?

- Будем сидеть у костра, разговаривать о всякой всячине и есть бигос.
- Бигос?
- Да, бигос.
- А что такое бигос? — переспросил Кицек, который про бигос ещё никогда не слышал.
- Это такое кушанье.
- Вкусное?
- Потрясающее!
- Не уверен, что бигос нам понравится... — покачал головой Кицек.
- А я говорю, понравится, — заявил Фердинанд.
- Почему ты так думаешь?
- В бигосе есть кое-что такое, что вы, зайцы, очень любите. Просто обожают. Сходите с ума...
- Интересно, что ж это такое? — задумался Кицек.
- Чтоб ты не мучился, скажу сразу. В бигосе есть вот такие зелёные листья, которые растут целыми кочанами...
- Капуста!!! — завизжал Кицек так громко, что эхо пошло гулять по лесу.
- Капуста, капуста, — подтвердил Фердинанд, заливаясь смехом.

VII

Охотники болтали о том о сём, рассевшись вокруг своего маленького костра, как вдруг появился Фердинанд во главе отряда из тридцати трёх зайцев.

— Привет охотникам!!! — хором проговорили зайцы, приблизясь к костру.

Этому Фердинанд научил их по дороге. Они разучивали приветствие беззвучным способом, шевеля одними только губами, чтоб ни в коем случае не выдать своего приближения.

Охотники вскочили на ноги, поджилки у них задрожали.

— Кто идёт?! — заорал в ужасе аптекарь.

— Мы, — ответил Фердинанд.

— Кто это «мы»?

— Мы, зайцы!

Аптекарь приложил руку козырьком ко лбу — свет ко стра мешал ему видеть — и, обнаружив Фердинанда, который шёл во главе ватаги зайцев, воскликнул:

— Ах, это вы, Фердинанд! Я вижу, вы не один... Кто это идёт за вами следом?..

— Что, не узнали? — спросил удивлённым голосом Фердинанд.

— Мне сдаётся, что это, откровенно говоря, зайцы, — отозвался аптекарь, вглядываясь в сумерки.

— И мне тоже так, откровенно говоря, сдаётся, — ответил в тон ему Фердинанд.

— Откуда они взялись? — спросил аптекарь, вглядываясь вытаращенными глазами в зайцев: видеть таким ему ещё не приходилось.

Остальные охотники глядели без слов, как зачарованные.

— Они пришли вместе со мной, — бросил небрежно Фердинанд.

— Как это вместе с вами? — изумился аптекарь.

— Любят меня, вот и пришли, — пояснил Фердинанд. — Пригласите-ка их к костру. Не стоять же нам так целую вечность...

— Разумеется, разумеется! — засуетился аптекарь. — Милости прошу садиться... — обратился он к зайцам. — Боже мой, сколько их тут, — пробурчал он себе под нос.

Но Фердинанд услышал.

— А вы сосчитайте, — сказал он.

Аптекарь принялся считать:

— Раз... два... три... восемь... двадцать... двадцать пять... тридцать... тридцать три... Тридцать три. Ведь я не ошибся, не так ли? — обратился аптекарь к остальным охотникам.

Охотники, каждый в свою очередь, тоже принялись считать про себя зайцев и только закивали в ответ головами: дескать, всё правильно, число сходится.

— Кажется, именно столько зайцев намеревались мы сегодня застрелить? — спросил Фердинанд.

Все охотники вместе с аптекарем понурили головы.

— А сколько лично вы сегодня застрелили? — спросил у аптекаря Фердинанд.

— Ни одного, — ответил аптекарь, не глядя на Фердинанда.

— А остальные? — спросил Фердинанд, указав на охотников.

— Тоже ни одного, — повторил аптекарь.

— А сколько зайцев удалось раздобыть мне?

— Вам удалось раздобыть тридцать три зайца.

— Кто ж из всех нас в таком случае лучший охотник?

— Вы, дорогой Фердинанд! — произнёс аптекарь.

— Вы, дорогой Фердинанд! — повторили остальные.

— Большое вам спасибо... — ответил растроганный Фердинанд. — Есть у меня к вам один вопрос, — обратился он к аптекарю. — Могу ли я делать с этими зайцами всё, что мне заблагорассудится?

— Ну, разумеется, дорогой Фердинанд... — подтвердил аптекарь, а остальные кивнули головой.

— Вот и отлично, — заметил Фердинанд. — В таком случае, я приглашаю их на традиционный бигос!

Из автомобиля достали термос, открыли его, и тотчас упоительный запах разлился по поляне. Фердинанда очень интересовало, вкусен ли будет бигос, но этого ему не суждено было узнать...

— Не эту ли собаку вы ищете? — раздался над Фердинандом чей-то голос.

Фердинанд приоткрыл левый глаз и увидел милиционера в форме и с ремнём на подбородке, а рядом с милиционером стояла хозяйка Фердинанда.

— Да, это мой Фердинанд, — подтвердила хозяйка и принялась тормошить Фердинанда за ошейник. — Фердинанд! Проснись, Фердинанд! Что за собака! Третий раз удирает в парк!

— Ну хватит, слезай со скамейки, — сказал милицио-

нер, похлопав Фердинанда по спине. — Нельзя столько спать...

— А я и не спал... — отозвался Фердинанд, глядя своими верными глазами на хозяйку. — Я только отдыхал. По новейшему методу — с закрытыми глазами...

Но хозяйка не поняла.

ВЛАДЕЛЕЦ ЗОНТИКА

I

Фердинанд давно мечтал о зонтике.

Пожалуйста, не смейтесь, ничего смешного в этом нет. Мечты бывают самые неожиданные, и самые неожиданные вещи бывают предметом нашей мечты.

Один, например, мечтал летом о коньках, другой мечтал зимой искупаться в море, третий мечтал осенью о своей клубнике. Все эти мечты не могут, разумеется, осуществиться. Тот, кто мечтает о коньках, должен подождать зимы, тому, кто мечтает о море, придётся потерпеть до лета, а тому, кто пожелал клубники, надо дожидаться весны.

А сколько ждать, чтоб осуществилась мечта о зонтике? Хм, этого не знает никто!

Фердинанд, во всяком случае, мечтал о зонтике очень давно.

Почему мечтал?

Трудно сказать... Никто, пожалуй, на этот вопрос не ответит. До сегодняшнего дня не удалось установить, почему вдруг начинаешь о чём-то мечтать. Мечта является сама собой, прилетает, словно назойливая муха, и кружит вокруг нас, кружит, кружит... Проходит секунда, другая, и мы внезапно отдаём себе отчёт в том, что эта муха не что иное, как наша мечта.

Однажды Фердинанд поделился своей мечтой со старинными часами в деревянном футляре, которые стояли в углу комнаты. С ними Фердинанда связывала давнишняя дружба.

— Ты не можешь себе представить, дорогой Бим-Бом, — сказал Фердинанд (имя у часов было Бим-Бом), — как мне хочется стать владельцем зонтика!

— Отлично тебя понимаю, — отозвался Бим-Бом, — хотя моя точка зрения иная. Я считаю: зонтик — вещь бесполезная.

— Тому, кто не вылезает из своего угла, зонтик, конечно, кажется вещь бесполезной, — заметил Фердинанд.

— Совершенно верно, — подтвердил Бим-Бом. — Вскоре после моего рождения меня поставили в этот угол, и хоть я всё время хожу, в город я ещё ни разу не вышел.

— Это оттого, что ты ходишь на месте...

— Вот именно, — опять подтвердил Бим-Бом. — Но я понимаю того, кто хочет обзавестись зонтиком...

— Это я! — воскликнул Фердинанд, показывая на себя. — Скажи, что надо для того, чтоб обзавестись зонтиком?

— Надо его купить, — ответил Бим-Бом.

— А что надо для того, чтоб купить зонтик? — снова спросил Фердинанд.

— Для этого нужны деньги.

— А если денег нет?

— Тогда скопить.

— А долго надо копить?

— Это зависит от того, какой тебе нужен зонтик.

— Самый великолепный, какой только можно себе представить! — воскликнул Фердинанд.

— На самый великолепный зонтик придётся копить долго, очень долго, — объяснил Бим-Бом.

— Что значит «долго»? — допытывался Фердинанд.

— Это опять же зависит от того, помногу ты будешь откладывать или нет... — пустился рассуждать Бим-Бом. — Может, стоит взять ссуду...

— А существуют ссуды на покупку зонтика? — заинтересовался Фердинанд.

— Раз существуют ссуды на постройку дома или, скажем, на покупку мебели, то, мне кажется, должны суще-

ствовать ссуды и на покупку зонтика. Надо только обосновать свою просьбу.

— Что значит «обосновать просьбу»?

— Ну, написать, скажем, что зонтик тебе нужен для исполнения твоих служебных обязанностей, ввиду необходимости...

— Выйти сухим из воды, — подсказал Фердинанд.

— Сухим из воды, — подхватил Бим-Бом. — По-моему, прекрасная формулировка. Ты можешь ещё написать, что в результате промокания в момент исполнения твоих обязанностей ты рискуешь простудиться...

— Разумеется, — согласился Фердинанд.

— А если простудишься, то можешь схватить насморк...

— Совершенно верно. Всякий раз, когда простужаюсь, у меня насморк, — подтвердил Фердинанд.

— А раз насморк, то чихаешь...

— Ещё как!

— А раз чихаешь, то заражаешь других...

— Да уж наверно...

— И тогда те, кого заражаешь, тоже чихают и тоже заражают, в свою очередь, других; у тех других тоже по является насморк, и они, в свою очередь, чихают и своим чиханьем заражают следующих... А всё из-за чего?

— Да, из-за чего?..

— Всё из-за того, что у тебя нет зонтика! — досказал Бим-Бом, страшно гордясь своей сообразительностью.

— Вот видишь! — вырвалось у Фердинанда. — Видишь, зонтик мне необходим.

— Ты можешь также написать в заявлении, что зонтик тебе необходим не только ввиду опасности промокания, но также ввиду общественного блага... Ибо факт отсутствия у тебя зонтика может пагубно сказаться на окружающих, кои подвержены заражению насморком вследствие отсутствия у тебя лично зонтика как такового.

— Сейчас же напишу заявление, — решил Фердинанд. — Ты мне поможешь, дорогой Бим-Бом?

— Я помогу тебе в изложении мыслей, но писать при-

дётся тебе самому, потому что писать стоя мне неудобно... — пояснил Бим-Бом. — Ты хоть представляешь, какой зонтик тебе нужен?

— Мне хотелось бы, — мечтательно произнёс Фердинанд, — чтоб зонтик был у меня изысканный. Чтоб трость у него была бамбуковая, а верх шелковый...

— А цвет какой?

— Голубой, как небо.

— Голубой непрактично, — заметил Бим-Бом. — На солнце голубой выгорает.

— Я постараюсь не ходить с ним по солнцу, — возразил Фердинанд. — Впрочем, с зонтиком ходят под дождём, а не под солнцем.

— Ишь, умник! — заметил Бим-Бом. — А скажи, разве редко после дождя выглядывает солнце, а?

— Не так уж редко, — признался Фердинанд.

— Значит, зонтик может всё-таки выгореть?

— Может.

— Тогда не надо тебе голубого, дорогой Фердинанд, — проговорил Бим-Бом и громко пробимбомил десять раз, потому что было ровно десять. — Я так с тобой заболтался, что чуть не прозевал десять часов.

— Какой же мне купить? — спросил Фердинанд. — Красный?

— Красный слишком бросается в глаза, — возразил Бим-Бом. — Ты всегда будешь на виду, куда бы ты ни шёл.

— Вот и прекрасно! — обрадовался Фердинанд. — Пусть бросается! Пусть все видят меня и мой зонтик.

— Тогда у тебя не будет ни минуты покоя. Из-за красного зонтика всем всегда будет известно, где ты находишься, и ты вечно будешь окружён родственниками и знакомыми. А ведь каждому из нас необходимо порой одиночество.

— Верно... — согласился Фердинанд. — Какой же зонтик мне купить? Зелёный?

— Зелёный не слишком хорош, — заявил Бим-Бом.

— Почему?

— Потому что летом он совсем не бросается в глаза. А ведь с зонтиком мы ходим главным образом летом.

— Как это так: летом не бросается в глаза? — не понял Фердинанд.

— А очень просто. Летом много зелени, и среди зелени зонтик незаметен... А ты хочешь, чтоб все видели твой зонтик...

— Ты убедил меня, — ответил Фердинанд. — Что скажешь про фиолетовый?

— Не-еет... — с неудовольствием поморщился Бим-Бом и пошевелил стрелками как усами. — Фиолетовый — это несолидно...

— Что же тогда солидно?

— Моя точка зрения такова: это чёрный, — произнёс Бим-Бом.

— Чёрный? — удивился Фердинанд.

— Чёрный, только чёрный! — стоял на своём Бим-Бом

— Чёрный цвет — печальный.

— Чёрный цвет — такой же цвет, как и всякий другой, — настаивал Бим-Бом. — Хочешь быть солидным, покупай себе чёрный зонтик...

— Ещё бы, конечно, хочу! — подтвердил Фердинанд

— Тогда бери бумагу и перо, садись, пиши заявление...

II

— Кому полагается писать такое заявление? — спросил Фердинанд, приготовив бумагу, перо и чернила.

— Тому, кто даёт ссуды, — ответил Бим-Бом.

— А кто даёт ссуды?

— Банк.

Фердинанд макнул перо в чернильницу, удобней устроился на стуле и стал писать, повторяя написанное вслух по складам.

— «Ува-жа-ем-ый Банк...»

— Учти, банк — это не человек, — перебил его Бим-Бом.

— А что это такое?

— Банк — это здание, где хранятся деньги...

— Хорошо, — отозвался Фердинанд, — сейчас поправлю.

И, зачеркнув строчку, он начал снова:

— «Ува-жае-мое здание, где хран-ят-ся день-ги...»

— Что ты пишешь! — воскликнул Бим-Бом. — Ведь это сущая чепуха!

— Должно же быть какое-то начало?

— Только не такое.

— Какое же?

— Пиши так: «В Ссудный Банк...»

— Почему всё-таки ссудный?

— Потому, что он даёт ссуды и займы, понятно?

Пиши: «В Ссудный Банк...»

— «В суд-ный банк...» — написал Фердинанд.

Бим-Бом заглянул Фердинанду через плечо и чуть не упал в обморок.

— Что ты опять написал? — воскликнул он. — Во-первых, всё с заглавной буквы, а во-вторых, банк не «Судный», а «Ссудный». Сейчас же исправь!

Фердинанд исправил, и Бим-Бом принялся диктовать дальше:

— «Прошу дать мне ссуду на покупку зонтика, который мне крайне необходим...»

— «Про-шу дать ми-не Ссу-ду на по-куп-ку зон-ти-ка, ка-то-рый ми-не край-не ни-сп-хе-дим...» — произнёс Фердинанд, старательно выводя буквы на бумаге. — Так?

— Так, да не совсем, — ответил Бим-Бом. — Надо писать «мне», а не «мине», «который» пишется через два «о», а в слове «необходим» у тебя целых четыре ошибки. Кроме того, перед «который» надо поставить запятую, а слово «ссуда» писать не с большой, а с маленькой буквы.

— Ссуда — для меня дело не маленькое, потому я и написал с большой буквы, — пояснил Фердинанд и стал исправлять ошибки.

— Исправил? — спросил Бим-Бом.

— Исправил.

— Что теперь будешь делать?

— Теперь перепишу начисто и вложу в конверт.

— А кто просит ссуду?

— Как это «кто»? Я! — воскликнул Фердинанд.

— А как в банке узнают, что это именно ты?

— Я напишу под заявлением, что это я, — сказал Фердинанд и приписал с большой буквы «Я».

— На заявлении не пишут «я», а пишут имя и фамилию, — заметил Бим-Бом. — Зачеркни это свое «я» и полностью напиши имя и фамилию...

Фердинанд зачеркнул «Я» и написал, правда, немного криво, но зато ясно и разборчиво: «Фер-ди-нанд Ве-ли-ко-леп-ный».

— Хорошо ещё, что в собственной фамилии не делаешь ошибок, — заметил Бим-Бом. — Теперь перепиши всё это начисто.

Фердинанд взялся за переписывание.

Первый раз он начал слишком высоко, из-за чего внизу осталось много свободного места, и получилось некрасиво.

В другой раз он начал слишком низко, из-за чего осталось много свободного места наверху и вышло ещё некрасивее.

В третий раз он написал всё по самой середине, но строчки так поехали вкось, что Фердинанд даже испугался.

В четвёртый раз всё получилось как надо, но в последнюю минуту, когда Фердинанд делал замысловатый росчерк на подписи, с пера скатилась большая чёрная капля, которая превратилась мгновенно в ужасающую кляксу.

И лишь на пятый раз Фердинанду удалось переписать заявление красиво, без ошибок и клякс.

— Иди теперь в Ссудный Банк, — напутствовал друга Бим-Бом.

— А где это? — спросил Фердинанд.

— Не знаю, — ответил Бим-Бом и сосредоточился, так как настал момент пробить одиннадцать часов. Он пробимбомил одиннадцать раз, затем прохрипел усталым голосом: — Уфф, больше всего люблю, когда час...

— Ну, я побежал! — крикнул Фердинанд, вкладывая заявление в конверт.

«Не стану ни у кого спрашивать, где этот Ссудный Банк,— решил Фердинанд, очутившись на улице.— К чему всем знать, что я, Фердинанд Великолепный, собираюсь брать ссуду на покупку зонтика... Сам найду, ничьей помощи мне не надо... Этот банк, конечно, где-нибудь в центре города... А улиц в центре не так уж много... Самое большее — сто или двести... Побежишь как следует, в два счёта обежишь все улицы... Надо только вывески читать... На этом банке должна быть большая вывеска, такая, чтоб видно издалека...»

И Фердинанд помчался как сумасшедший. Бегал он так, бегал и никак не мог найти свой банк. Всякие другие попадались, а Ссудного нигде не было. И когда, наконец, совсем уже отчаявшись, он выскочил из боковой улочки на главный проспект, вдруг перед глазами предстала огромная вывеска:

ССУДНЫЙ БАНК

«Вот он где», — подумал Фердинанд и страшно обрадовался.

С чувством собственного достоинства он вошёл в вестибюль через вращающиеся двери. (Должен вам сказать, что во всяком уважающем себя банке двери не такие, какие можно открыть, дёрнув за ручку, а такие, которые вращаются вокруг своей оси.)

Фердинанду эти двери так понравились, что он, вместо того чтоб войти в банк один раз, вошёл в него, наверное, раз пятнадцать, и лишь тогда, когда ходить взад-вперёд надоело, остановился в вестибюле и стал искать взглядом подходящего человека, с которым можно было бы потолковать насчёт заявления. И тут взору Фердинанда представилось множество окошечек, и в каждом сидел сотрудник или сотрудница. Фердинанд осмотрел всё по порядку и направился туда, где была молоденькая девушка, потому что эта девушка понравилась ему больше других.

— Здравствуйте, — сказал Фердинанд, — я с заявлением.

— По какому поводу? — спросила девушка, даже не взглянув на Фердинанда.

— По поводу ссуды, — ответил Фердинанд.

— Покажите, — сказала девушка.

Фердинанд передал ей конверт с заявлением.

— По-видимому, здесь ошибка, — произнесла девушка, пробежав глазами заявление. — Тут, наверно, должен быть не зонтик, а что-то другое!

— Нет, нет! — встрепенулся Фердинанд. — Именно зонтик. Всё правильно.

— Выходит, вы просите ссуду на зонтик? — переспросила изумлённая девушка.

— Да, да, на зонтик, — повторил Фердинанд.

— Должна вам сказать, такое заявление я вижу впервые. Придётся идти к заведующему.

И они отправились к заведующему, чей кабинет находился на пятом этаже.

— У меня заявление этого гражданина... — сказала девушка, когда они очутились в кабинете. — Откровенно говоря, такого заявления я ещё никогда не видывала.

— В чём дело? — осведомился заведующий, сдвигая на лоб огромные роговые очки.

— Дело в ссуде, — объяснил с поспешностью Фердинанд.

— Да, в ссуде, — подтвердила девушка, — но попробуйте угадать, на что ему эта ссуда нужна...

— На постройку дома? На мебель?.. — принялся угадывать заведующий.

— Ничего подобного. На зонтик, — произнесла девушка.

— На зонтик?! — изумился в свою очередь заведующий. — Впервые слышу. Придётся идти к инспектору.

Заведующий, девушка и Фердинанд спустились этажом ниже в кабинет инспектора.

— По какому вопросу? — спросил инспектор, отрываясь от бумаг, которыми был завален его стол.

— Дело из ряда вон выходящее, — заявил заведующий. — Только поэтому мы позволили себе оторвать вас от работы... Вот этот гражданин подал заявление на ссуду...

— Если просьба обоснована, ссуду надо выдать, и разговор короткий, — отозвался инспектор, который с первого взгляда почувствовал симпатию к Фердинанду.

— Просьба обоснована, инспектор, — ответил на это заведующий, — но дело в том, что обоснование необыкновенное...

— На что предназначается ссуда? — осведомился инспектор.

— Ссуда предназначается на зонтик, — сообщил заведующий, а девушка и Фердинанд кивнули в подтверждение головой.

— Повторите, пожалуйста, наверно, я ослышался, — переспросил инспектор.

— Нет, вы не ослышались, инспектор, — вновь сказал заведующий. — Ссуда предназначается на зонтик.

— Мне, право, очень жаль, — отозвался инспектор, — но всю полноту ответственности за решение взять на себя я не могу. Если вы не возражаете, пройдем к начальнику...

Инспектор, заведующий, девушка-сотрудница и Фердинанд спустились этажом ниже в кабинет начальника.

— Войдите! — прогремел бас начальника, когда инспектор постучал в дверь. — Что ещё за процессия? — прогрохотал он при виде всех четверых в своём кабинете. — Чем могу служить?

— Гражданин Великолепный явился к нам с просьбой о ссуде, — сообщил инспектор.

— Мы с величайшим удовольствием предоставим ему ссуду, — сказал в ответ на это начальник и попросил присутствующих садиться. — Наша организация для того и существует, чтобы давать ссуду всем, кто в ней нуждается.

— Это мне известно, — проговорил инспектор, — и мы дали бы ссуду гражданину Великолепному без разговоров, если б не то обстоятельство, что ссуда предназначается на покупку... зонтика.

— Как?.. Обыкновенного зонтика? — прогудел своим басом начальник.

— Да, да, зонтика, — подхватил инспектор, а заведующий, девушка и Фердинанд закивали головой.

— Покажите-ка мне это заявление! — попросил начальника.

Он взял заявление Фердинанда из рук инспектора и, бурча что-то себе под нос, прочитал его несколько раз подряд.

— Вне всякого сомнения, — произнёс он наконец, — речь идёт о ссуде на покупку зонтика... В принципе наш банк не возражает, чтоб кто-то на предоставленную ему ссуду покупал себе зонтики, но... — И тут начальник принялся почёсывать химическим карандашом свою лысину, выписывая на ней фиолетовые каракули. — Но поскольку это случай, не имеющий прецедента, мне хотелось бы посоветоваться с нашим директором. Идём к директору!

Начальник, инспектор, заведующий, девушка-сотрудница и Фердинанд вновь спустились по лестнице. Они очутились на втором этаже у двери директорского кабинета. К счастью, директор принял их без промедления, так как до него уже дошёл пущенный кем-то по банку слух о том, что надо срочно решить какой-то невероятно важный вопрос.

— Я слышал, у вас затруднения, — произнёс директор, когда за прибывшими захлопнулась толстая, обитая тёмной кожей дверь.

— К нам поступило заявление присутствующего здесь Фердинанда Великолепного с просьбой о ссуде... — стал докладывать начальник.

— Мне кажется, заявление такого рода у нас не редкость, — засмеялся в ответ директор.

— Разумеется, нет, — поспешно согласился начальник. — В наш банк поступает ежедневно несколько сот заявлений с просьбой о ссуде. Но с момента основания банка такого ещё не было! — воскликнул начальник и театральным жестом бросил заявление Фердинанда на стол директору.

Директор мгновенно с ним ознакомился, лицо у него просияло, и, потирая руки, он воскликнул:

— Наконец что-то новенькое!!! Bravo, bravo, Фердинанд!!! Все без конца требуют денег на покупку дома, на мебель, на автомобиль, и вот наконец появился некто, попросивший денег ради прекрасной, благородной, я бы сказал, цели — ради покупки зонтика! Сколько денег вы просите? У вас тут сумма не обозначена...

— Я и представления не имею, сколько может стоить зонтик, — ответил Фердинанд.

— Какой вам надо? — поинтересовался директор.

— Зонтик мне надо большой, с бамбуковой тростью и чёрный, потому что мне необходимо солидно выглядеть, — сообщил Фердинанд.

— Выясните, пожалуйста, — обратился директор к девушке, — какова на сегодняшний день розничная цена этого типа зонтиков... А вас, — обратился директор к начальнику, инспектору и заведующему, — попрошу подняться в свои кабинеты и немедленно приступить к оформлению ссуды для гражданина Великолепного. Задержитесь, пожалуйста, на минутку, Великолепный, — попросил директор Фердинанда, когда тот вместе со всеми хотел выйти из кабинета. — Мне надо вам кое-что показать.

Когда посторонние удалились, директор направился к шкафу, распахнул настежь дверцы и сказал:

— Любуйтесь!

И взору Фердинанда предстала целая дюжина самых разных зонтиков, аккуратно развешанных в шкафу.

— Замечательная коллекция! — прошептал в восхищении Фердинанд.

— Это ещё не всё, — с гордостью произнёс директор, — дома у меня есть ещё одна, точно такая же. Если как-нибудь забежите, то покажу.

— Разумеется, забегу, разумеется, дорогой директор! — заверил директора Фердинанд и, поблагодарив его за всё, выбежал, потрясённый, из кабинета и помчался в кассу получать отпущенную ему ссуду.

С деньгами в кармане Фердинанд ходил по городу в поисках подходящего зонтика.

— Главное — не совершить опрометчивого поступка, — бурчал он себе под нос, проходя по улицам и высматривая магазин с зонтиками. — Проще всего купить первый попавшийся зонтик и потом терзаться до конца своих дней, что купил не то, о чём мечтал... Время ещё есть... Обойду все магазины и посмотрю, что там продаётся...

И Фердинанд расхаживал по магазинам вдоль рядов с зонтиками, точно высокопоставленная особа перед строем почётного караула. То и дело выкликивал он какой-нибудь зонтик из шеренги, придирчиво его разглядывал, небрежно опирался на него, как на тросточку, иногда даже открывал. Но так и не мог решиться.

Наконец, выходя из двадцать пятого магазина, Фердинанд хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Ах я неуч!

Потом хлопнул себя ещё раз и снова воскликнул:

— Ах я шляпа!

Хлопнул себя по лбу в третий раз и в третий раз воскликнул:

— Ах, слабомыслящий! Хожу, дуралей, по всем этим магазинам, и в голову мне не придёт, что зонтиков в магазинах не делают. Их делают специальные мастера! Только у мастеров найду я такой зонтик, о каком мечтаю!

Долго не раздумывая, Фердинанд отправился на поиски мастеров. Он шёл и напевал такую песенку:

Ах, мастера, мастера,
Найти вас пора, пора...
Где, у каких ворот,
Живёте вы, мастера?
Где в мастерскую вход —
С улицы иль со двора?
Ах, мастера, мастера...

Эту песенку услышала старушка, проходившая мимо.

— Простите, пожалуйста, что мешаю вам напевать такую прелестную песенку, — сказала она, — но я случайно знаю адрес одного превосходного мастера по зонтам...

Фердинанд даже подпрыгнул от радости.

— Умоляю вас, — сказал он, — дайте мне скорей этот адрес! Это далеко?

— Какое далеко! Два шага отсюда! — сказала старушка. — Это на Дождливой, 18. Запомнили?

— На всю жизнь запомнил, на всю жизнь! — воскликнул Фердинанд. — Тысячу раз спасибо за бесценные сведения!

Сказав так, он направился на Дождливую улицу.

— Имейте только в виду, — крикнула ему вслед старушка, — на Дождливой всегда дождь...

— Это неважно, — заметил Фердинанд. — Подумаешь, чуточку промокну... Зато потом, когда у меня будет зонтик, дождь может лить, сколько ему заблагорассудится.

Дождливая улица и в самом деле оказалась поблизости. Фердинанд без труда нашёл дом номер восемнадцать. Но, пройдясь вдоль фасада, не обнаружил ни лавочки, ни мастерской. Зато у ворот виднелась скромная вывеска, на которой был изображён зонтик и нарисована стрелка, указывающая во двор. Фердинанд пошёл в направлении стрелки. Миновав арку, он очутился в просторном дворе. С Фердинанда текла ручьями вода: стоило ему оказаться на Дождливой, как он и в самом деле попал под проливной дождь.

«Удивительная история, — подумал Фердинанд, — с этим дождём на Дождливой...»

Добрых десять минут смотрел Фердинанд по сторонам, но нигде не было и намёка на мастерскую. Тогда он поднял взгляд в высоту, и на балконе третьего этажа увидел с десятков разноцветных зонтиков, растущих в горшках, как цветы. Все зонтики были открыты, и вода струилась с них потоками вниз. Кое-что попало и на Фердинанда, который тем временем промок уже до нитки.

— Теперь я знаю, где этот мастер! — крикнул Фердинанд и помчался на третий этаж.

Трудно в это поверить, но и на лестнице шёл дождь. Поскольку Фердинанд, как мы уже сказали, промок до нитки, то, поднимаясь по лестнице, он даже не обратил внимания на это поразительное явление. Ему было всё равно, есть дождь или нет.

— Пусть идёт, пусть... — бормотал Фердинанд, а у него с носа капля за каплей стекала вода.

Добравшись наконец до двери, на которой был нарисован зонтик, Фердинанд постучал.

— Войдите! — слышался голос.

Фердинанд открыл дверь и переступил порог. В квартире тоже шёл дождь.

«Потрясающий случай!» — подумал про себя Фердинанд, но, не желая выдать своих чувств, произнёс вслух:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, здравствуйте, — отозвался мастер-зонтичник, сидевший под огромным зонтиком.

По зонтику текли струи дождя, но мастер был совершенно сухой.

— Чего это вы стоите на дожде? — обратился мастер к Фердинанду. — Скорее ко мне под зонтик!

Фердинанд спрятался под зонтик и только тут обнаружил, что зонтик растёт в деревянной кадке, словно пальма, которую встретишь в ином доме или в холле гостиницы.

— Чем могу служить? — спросил мастер, всматриваясь в Фердинанда. — Судя по всему, вам нужен зонтик, не так ли?

— Совершенно верно, — подтвердил Фердинанд. — Мне нужен зонтик.

— Садитесь, пожалуйста, — произнёс мастер, указав на стул поблизости.

Фердинанд сел, а усевшись, осмотрелся.

— Извините меня, пожалуйста, — начал он, — у вас, кажется, нет крыши...

— Крыша есть, — ответил мастер.

— Почему ж тогда так льёт?

— На Дождливой всегда дождь, — пояснил мастер. —

Это одна из причин, почему именно здесь я заложил свой питомник зонтиков.

— Вы, наверное, хотите сказать «мастерскую»?

— Ничего подобного, я хотел сказать «питомник», а не «мастерскую». Пусть мастерскими занимаются другие, вы меня понимаете? А у меня, Францишека Амбреллинского, единственный в мире питомник зонтиков. Мои зонтики, заметьте себе, натуральные, а не какие-нибудь там искусственные. Как существуют натуральные жемчужины и жемчужины, искусственно выращенные, так существуют искусственные зонтики, изготавливаемые массовым способом, и настоящие зонтики, которые выращиваю один только я. Что же касается крыши, — заметил зонтичник, желая рассеять недоумение Фердинанда, — то должен вам сказать, что против того дождя, какой бывает на Дождливой, ни одна крыша не устоит. В отличие от моих зонтиков непромокаемой крыши нет. Вы посмотрите...

Фердинанд посмотрел. И в самом деле, под огромным зонтом было сухо, точно так же, как и под всеми другими зонтиками, которыми была уставлена комната. Среди них были взрослые зонтики и маленькие зонтенята, едва пустившие первые ростки.

— Невероятно! — произнёс вне себя от восхищения Фердинанд. — Даже под самым маленьким ни капельки!

— Они по-настоящему непромокаемые, — заметил с гордостью Амбреллинский. — Я дряни не выращиваю... А вы какой зонтик желаете? Вероятно, не садовый, нет?

— Нет, — ответил Фердинанд, — у меня и сада-то нет. Мне нужен прогулочный зонтик...

— Понимаю, — сказал с пониманием Амбреллинский.

— Элегантный, — пояснил Фердинанд.

— С иным я вас и не представляю...

— Не слишком тяжёлый, — продолжал Фердинанд.

— Мои как пёрышко, можете не сомневаться, — заверил Фердинанда зонтичник, приложив руку к сердцу.

— С бамбуковой тростью...

— Я выращиваю зонтики исключительно на бамбуковых побегах, — сообщил Амбреллинский.

— Чтоб открывался без загвоздки...

— С загвоздкой открываются только искусственные, с настоящими этого не бывает!

— И чтоб не промокал...

— Мои зонтики на все сто непромокаемые!

— И чтоб, главное, нигде не терялся, — досказал Фердинанд.

— Насчёт этого даю столетнюю гарантию. Зонтики из моего питомника следят за своими хозяевами сами в отличие от обыкновенного зонтика, за которым приходится присматривать хозяину.

— Столетнюю гарантию? — спросил удивлённый Фердинанд.

— Если маловато, — ответил зонтичник, — могу дать гарантию и побольше, но знаю по опыту: зонтики дольше ста лет не живут. Я имею в виду зонтики из моего питомника. Бывают ведь и такие, которые живут год, два, самое большее три года, — произнёс с презрением зонтичник. — Какого цвета зонтик желаете?

— Чёрного, — ответил Фердинанд.

— Сразу видно, вкус у вас хороший, — ответил на это зонтичник. — Иному подавай голубой зонтик, красный, зелёный или там фиолетовый, а некоторым, представьте себе, жёлтый! А вам угодно чёрный зонтик. Вполне понятное желание... Мне самому нравится больше чёрный. Чёрный трудней вырастить, так же, скажем, как розу. Сплошь да рядом увидишь красную, жёлтую, белую розу, бывают даже голубые или зелёные, но настоящее чудо — это чёрная роза!

— Кое-что об этом я слышал, — подтвердил Фердинанд.

— Выбирайте из этих чёрных любой, — сказал Амбrellинский, указав на целое семейство первосортных, прекрасно развитых зонтиков, стройно высящихся в своих горшочках.

Фердинанд стал их осматривать, и в глаза ему бросился третий зонтик слева.

— Беру этот, — проговорил Фердинанд.

— Лучший экземпляр года, — похвалил его выбор зонтичник.

— Только как быть с горшком? — заволновался Фердинанд. — Вероятно, ходить всё время с горшком, прицепленным к ручке зонтика, не так уж удобно.

— Пусть вас это не беспокоит. Зонтик пока ещё растёт, но сейчас мы вырвем его из горшка, вот вам и всё, — ответил Амбреллинский.

Он наклонился к горшку, в котором рос облюбленный Фердинандом зонтик, и привычным движением вырвал его из земли. Обтёр ручку тряпочкой и подал зонтик Фердинанду.

— А он, случайно, не завянет? — поинтересовался Фердинанд.

— Не может быть и речи! Только иногда вам надо выходить с ним на дождь, чтоб хорошенько его смочить, это пойдёт ему на пользу. Здесь, на Дождливой, они привыкли, что дождь льёт без перерыва. Если дождя нет, они скучают.

— Буду ходить с ним под дождём часами, — решил Фердинанд.

Он взял зонтик и почувствовал себя на седьмом небе от счастья. Дождь барабанил по зонтику, и всё в Фердинанде ликовало, сердце радостно билось.

— Сколько я вам должен? — спросил чуть дрогнувшим голосом Фердинанд. Он боялся, что цена будет слишком высокая.

— Немного, — ответил Амбреллинский.

— Ну всё-таки?

— Для вас триста злотых, — сказал Амбреллинский.

— Триста злотых? — удивился Фердинанд.

— Слишком дорого?

— Слишком дешево! Даю четыреста, — заявил Фердинанд.

— Не соглашусь ни за что на свете, — запротестовал Амбреллинский.

— Ну, триста пятьдесят, — предложил Фердинанд.

— Хорошо, пусть будет триста пятьдесят, — согласился

зонтичник, — но верьте слову честного человека: цена завышенная.

— Ничего подобного, заниженная! — воскликнул Фердинанд.

Он достал деньги и рассчитался с Амбреллинским.

Затем они простились как старые друзья, и Фердинанд под своим великолепным зонтиком покинул питомник Амбреллинского, орошаемый непрерывным дождём. Под струями воды Фердинанд спустился с лестницы, под струями пересек двор и, исполненный счастья, под струями зашагал по Дождливой улице.

Над головой у него воплощением мечты мерно колыхался зонтик.

V

Едва Фердинанд свернул с Дождливой, дождь тотчас прекратился и засияло солнце.

«Надо закрыть зонтик...» — подумал Фердинанд и стал искать крючочек, за который следует потянуть, с тем чтоб зонтик из раскидистого гриба превратился в изящную, перепоясанную чёрным шёлком тросточку.

Но крючочка нигде не было.

— Любопытно... — протянул Фердинанд и пошёл с открытым зонтиком дальше по улице, хотя все прохожие свои зонты и зонтики давно закрыли. — Может, так оно и лучше, — пробурчал себе под нос Фердинанд, — по крайней мере, зонтик хорошенько просохнет...

Вдруг к Фердинанду подошёл какой-то мужчина.

— Извините, пожалуйста, — сказал мужчина, — только не знаю, заметили ли вы, что дождик прошёл...

— Как же, заметил, — отвечал Фердинанд.

— Я вижу, вы с открытым зонтиком... Вот я и подумал: может, вы, скажем, замечались или ещё что-то... — стал оправдываться незнакомец, опасаясь, видимо, быть навязчивым.

— Я нарочно иду с открытым зонтиком, — заявил Фердинанд.

— Осмелюсь спросить: почему? — с любопытством осведомился незнакомец.

— Чтоб высох, — пояснил Фердинанд, — просто-на просто, чтоб высох...

— Вы гений! — воскликнул мужчина с восхищением. Только вы постигли душу зонтика! Вы заботитесь о зонтике, вы хотите, чтоб зонтику было хорошо, вы не пренебрегаете зонтиком, как это делает большинство владельцев! Когда-нибудь зонтики воздвигнут вам памятник! Последую вашему примеру!

Сказав так, он раскрыл свой зонтик, несмотря на солнечную погоду.

— До свиданья, — сказал мужчина, — ко всем, кто встретится на моём пути, я обращаюсь с призывом последовать вашему примеру!

И он исчез.

Вскоре Фердинанд заметил, что на улице становится всё больше людей с открытыми зонтами, хотя дождь давным-давно прошёл и на небе не было ни облачка.

Вскоре кто-то бросил лозунг:

ЗОНТИКИ ЛЮБЯТ, ЧТОБ ИМ БЫЛО СУХО!

Все стали этот лозунг повторять. Его писали на стенах, передавали через громкоговорители и даже вечерние газеты, выходявшие часов около трёх, поместили этот лозунг над заголовками на первой странице.

VI

В конце концов, однако, открытый зонтик стал раздражать Фердинанда.

Посудите сами: долго ли можно ходить по городу с открытым зонтиком, тем более что дождь прошёл?

— Надо что-то предпринять, — решил Фердинанд и ещё раз тщательно исследовал ручку зонтика и всё, что к ней прилегает, надеясь всё же найти приспособление, которое позволило бы ему превратить зонтик из гриба в тросточку.

Но такого приспособления не оказалось. Тогда Фердинанд стал испытывать всякие другие способы. Встряхивал зонтик, ударял им о тротуар, поворачивал его влево, вправо — без результата. Зонтик по-прежнему был открыт и не проявлял ни малейшего желания закрыться.

— Пойду, пожалуй, к Амбrellинскому, — решил в конце концов Фердинанд, — пусть объяснит, как закрывают зонтики, выращенные в питомнике...

И Фердинанд направился уже было на Дождливую, но не успел сделать нескольких шагов, как его толкнул какой-то расфуфыренный сопляк.

— Поосторожней, дружок, — сказал Фердинанд.

— А что такое? — грубо ответил франт.

— Некрасиво толкать прохожих...

— Подумаешь, прохожий! — отозвался молокосос и сунул руки в карманы, желая тем самым выразить своё презрение Фердинанду.

— Когда кого-нибудь толкнёшь, надо сказать «извините»...

— А мне не хочется!

— Твоё поведение говорит о том, что тебе не хватает культуры...

— А мне плевать на твою культуру! — не унимался сопляк.

— Всё оттого, что ты дурно воспитан, — заявил Фердинанд.

— Отвяжись со своими поучениями! — дерзко бросил щёголь и, смешавшись с толпой, крикнул на прощание: — Заткнись! Закройся!

Едва он это сказал, как зонтик немедленно закрылся. Потрясающее открытие!

«Кажется, зонтик складывается по приказу... Вот почему нет никаких приспособлений... — подумал Фердинанд. — Хорошо, но как же тогда он открывается? Если он закрывается при слове «закройся», он должен открываться при слове «откройся»! Сейчас мы это проверим...»

И, не теряя времени, Фердинанд воскликнул:

— Откройся!

Зонтик тотчас открылся.

— Закройся!

Зонтик тотчас закрылся.

— Откройся!

Зонтик тотчас открылся.

— Закройся!

Зонтик тотчас закрылся.

— Теперь дело в шляпе! — воскликнул радостно Фердинанд. — Теперь мы знаем, как открывать и закрывать зонтик. О безвестный сопляк, толкнувший меня, как бы я хотел поблагодарить тебя за ту услугу, которую ты оказал мне своей невоспитанностью!

Но щёголя и след простыл; он так никогда и не узнал, что его дерзкое «Заткнись! Закройся!» решило ту проблему, которую сам Фердинанд решить был не в состоянии.

Повторяя каждую минуту «закройся» и «откройся», Фердинанд отправился домой. Все прохожие наблюдали со снисходительной улыбкой за гражданином, который то и дело открывал и закрывал безо всякой на то причины свой чёрный зонтик с бамбуковой тростью.

VII

Шаги хозяина на лестнице услышал Бим-Бом.

Он посмотрел на пол и увидел задремавшего Фердинанда. Рядом с Фердинандом валялся зонтик хозяина, который Фердинанд, разыгравшись, притащил из прихожей.

«Вот будет скандал...» — подумал Бим-Бом и стал прикидывать, каким образом можно ещё выручить друга.

Фердинанд храпел что было мочи и не чувствовал опасности.

«Вот будет скандал, когда хозяин увидит, как Фердинанд растрепал его зонтик...»

Шаги на лестнице приближались. Звякнули вытянутые из кармана ключи.

— Как быть? Как быть? — твердил в отчаянии Бим-Бом. — Надо как можно скорей разбудить Фердинанда... Но как это сделать?

И вдруг...

«Да ведь через секунду шесть часов, — молнией промелькнула мысль в голове у Бим-Бома. — Я так пробую шесть часов, что Фердинанд проснётся».

И, долго не раздумывая, он пробил шесть следующим образом:

П Р Р Р Р Р Р О О О О О!
С Н Н И И И И И С Ы!
Ф Е Р Р Р Р Р Р Р Р Р!
Д И Н Н Н Н Н Н Н Н Н!
А Н Н Н Н Н Н Н Н Н!
Д Д Д Д Д!

Фердинанд немедленно открыл глаза.

— Что случилось? — спросил он.

— Хозяин вернулся, — ответил Бим-Бом.

— Ну так что?

— И ты ещё спрашиваешь? Будет тебе за зонтик, увидишь!..

— За какой зонтик?

— За тот самый, который возле тебя на полу валяется.

Фердинанд взглянул на зонтик хозяина.

— Откройся! — громко крикнул он, что-то припоминая.

Но зонтик не обратил никакого внимания на команду и лежал себе на полу как ни в чём не бывало.

— Это не мой зонтик! — сказал Фердинанд.

— Разумеется, не твой. Это зонтик хозяина, — отозвался Бим-Бом. — И потому мой тебе совет: беги прочь как можно скорее, хозяин уже в прихожей.

Фердинанд в одну минуту опомнился. Едва он успел, поджав хвост, сигануть в соседнюю комнату, как дверь отворилась и на пороге появился хозяин. Он сразу заметил, что под часами валяется его зонтик.

— Откуда взялся тут зонтик? — сказал хозяин. — Не Фердинанд ли это?..

Но на этот вопрос он так и не получил ответа. Старик Бим-Бом молчал как проклятый, а Фердинанд в соседней комнате прикинулся, будто его сморил сон.

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕРДИНАНД ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ	3
ПРОСНИСЬ, ФЕРДИНАНД!	117
ТЕЛЕЖУЧОК	—
ГЕНЕРАЛ	147
ОХОТНИК	175
ВЛАДЕЛЕЦ ЗОНТИКА	200

Для младшего возраста

ЛЮДВИК ЕЖИ КЕРН

Фердинанд Великолепный

Ответственный редактор *Г. В. Языкова*. Художественный редактор *А. В. Сапрыгина*. Технический редактор *Р. Б. Сиголаева*. Корректоры *А. Н. Гриберман* и *Э. Н. Сизова*. Сдано в набор 23/VII 1973 г. Подписано к печати 25/XII 1973 г. Формат 70×90^{1/8}. Бум. офс. № 1. Печ. л. 14. Усл. печ. л. 16,38. Уч.-изд. л. 12,24. Тираж 100 000 экз. Заказ № 507. Цена 82 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193086, 2-я Советская, 7.

Керн Л. Е.

К 36 Фердинанд Великолепный. Пер. с пол. С. Свяцкого. Рис. М. Скобелева. М., «Дет. лит.», 1974.

224 с. с ил.

В книгу вошла сказочная повесть известного современного польского писателя «Фердинанд Великолепный». Первая часть этой книги уже издавалась на русском языке. Во второй части — «Проснись, Фердинанд!», написанной писателем несколько позднее, рассказывается о дальнейших приключениях необыкновенного пса Фердинанда.

И (По:

